

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего
образования
«Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»

На правах рукописи

Данилова Анна Владимировна

**Повседневные перемещения в досуговых практиках молодежи:
социологический анализ**

Специальность: 22.00.04 –
Социальная структура, социальные институты и процессы

Диссертация на соискание ученой степени кандидата
социологических наук

Научный руководитель:
доктор социологических наук, доцент
Антонова Наталья Леонидовна

Екатеринбург – 2017

Оглавление

Оглавление.....	2
Введение.....	3
Глава 1. Теоретико-методологические подходы к изучению повседневных перемещений в досуговых практиках молодежи.....	15
1.1. Повседневные перемещения в досуговых практиках: социологическая концептуализация.....	15
1.2. Факторы воспроизводства повседневных перемещений в досуговых практиках городской молодежи.....	53
Глава 2. Содержание и направленность повседневных перемещений в досуговых практиках современной городской молодежи	74
2.1. Повседневные перемещения в досуговых практиках молодежи крупного промышленного центра	74
2.2. Особенности выбора маршрутов повседневных перемещений в досуговых практиках молодежи	99
Заключение	123
Литература	130

Введение

Актуальность темы исследования.

Время досуга является значимой сферой жизни современного человека. По ряду причин особенную ценность время досуга приобретает для молодых людей. Во-первых, время досуга становится пространством для неформального общения молодых людей, в процессе которого осуществляется социализация и усвоение новых социальных ролей. Во-вторых, самоопределение и самоидентификация молодых людей зачастую происходят на основе того, чем они занимаются в свободное время. Поскольку досуг является менее регламентированным временем, в котором внешний контроль значительно ниже, у молодых людей во время досуга больше возможностей для самореализации и проявления своей свободной воли. В-третьих, с развитием индустрии досуга определенные досуговые практики характеризуются как модные и наделяются чертами престижных продуктов потребления.

Вместе с тем сегодня значительная доля молодых людей указывает на дефицит досугового времени. Современные образовательные стандарты и программы предполагают, что обучающиеся тратят большое количество времени на самостоятельную внеаудиторную работу. Для учащейся молодежи характерна и вторичная занятость. Молодые люди, завершившие образование и работающие, с одной стороны, оказываются подверженными тенденциям, связанным с «образованием длиною в жизнь», и, таким образом, «жертвуют» своим свободным временем в пользу дополнительного образования, а с другой стороны, вовлекаются в разнообразные формы двойной занятости, распространенные в современном российском обществе. Кроме того, исследования фиксируют, что у молодых людей отсутствуют навыки планирования времени досуга. Следует

отметить ограниченность ресурса времени, отводимого на досуг, и неумение его эффективно использовать.

Наиболее привлекательными для молодых людей являются внедомашние и инновационные досуговые практики, связанные с развитием телекоммуникационных технологий. Ключевой чертой, объединяющей эти досуговые практики и отличающей их от других, становятся разнообразные перемещения: физические и виртуально-коммуникационные. Вместе с тем молодежь зачастую сталкивается с определенными сложностями при их реализации. Во-первых, досуг, наполненный повседневными перемещениями, оказывается ресурсозатратным времяпрепровождением. Виртуально-коммуникационные перемещения требуют соответствующего уровня технического оснащения: мобильные телефоны с доступом к интернету, планшетные компьютеры со встроенными сим-картами, обеспечение публичных пространств в городской среде доступом к wi-fi и т. п., что подразумевает финансовые затраты и определенный уровень технических и информационных компетенций. Для внедомашнего досуга нужны также финансовые, временные, человеческие, инфраструктурные ресурсы. Тот факт, что молодежь как социальную группу отличает материальная и социальная несостоятельность, препятствует реализации желаемых досуговых практик и соответствующих им повседневных социальных перемещений. Другими словами, у молодых людей существует потребность в активных повседневных перемещениях в досуговых практиках, однако реализацию этой потребности ограничивают определенные барьеры.

Во-вторых, виртуально-коммуникационные перемещения, такие как общение через интернет и мобильная телефония, зачастую воспринимаются старшим поколением как пустая трата времени. Молодые люди видят в этом не только возможности соответствия определенному образу жизни, но и потенциал для поддержания сетей дружеских и профессиональных связей и отношений, составляющих социальный капитал, который, в свою очередь, выступает важным ресурсом для получения выгод в современном российском обществе.

Таким образом, социологический анализ особенностей повседневных социальных перемещений в досуговых практиках молодежи предполагает рассмотрение противоречий между:

– потребностями молодых людей в повседневных перемещениях в досуговых практиках и ограниченностью имеющихся у них ресурсов;

– тенденцией к одомашниванию досуга разных групп населения и увеличивающейся востребованностью и популярностью внедомашнего досуга у молодежи;

– индивидуализацией досуговых практик и потребностью в воспроизводстве социальных отношений;

– потребностью в поддержании социальных связей, закрепляющих социально-статусные характеристики молодежи, и несоответствием представлений старшего поколения о досуговых практиках.

Степень научной разработанности проблемы исследования повседневных перемещений в досуговых практиках молодежи определяется работами авторов, являющихся представителями различных наук: философии, антропологии, истории, культурологии, этнографии, транспортных исследований, градостроительства, архитектуры, медицины и социальной работы, социологии.

В градостроительстве, архитектуре и транспортных науках акцент делается на планировании и проектировании маршрутов повседневных перемещений горожан, а также выявлении потребностей горожан в перемещениях (Е. Бейер, С. А. Ваксман, В. Вучик, Н. Геддес, Дж. Джекобс, Т. В. Дробышевская, Ле Корбюзье, Н. В. Мкртчян, Р. Мозес, Д. Харви). География ориентирована на исследование моделей пространственного поведения людей (Б. Верлен, Т. Хагерstrand, Дж. Хансон, Б. Хиллиер). В рамках культурологии, истории, этнографии исследователи интересуются предметно-материальным оснащением повседневных перемещений (В. П. Большаков, С. Н. Иконникова), а также тем, как осуществляются повседневные перемещения в различные этапы развития общества (Л. Мулен, М. Пастуро, Л. А. Петрушенко) и в различных культурах (Ю. В. Бромлей). Философский подход рассматривает повседневные

перемещения в контексте взаимодействия между такими феноменами, как пространство и общество (И. Кант, Э. Кассирер, Г. Лейбниц, М. Хайдеггер). Особенный интерес современных философов вызывают перемещения в городской среде (А. Лефевр, М. Де Серто, Е. Г. Фень).

Для нашей работы важны исследования, посвященные особенностям современного постиндустриального общества и характерному для него образу жизни «цифровых кочевников» (Б. Андерсон, З. Бауман, У. Бек, М. Маклюэн, У. Митчел), а также исследования социальной мобильности (В. В. Радаев, П. А. Сорокин), детерминации человеческой деятельности (Г. Г. Дилигенский, Г. А. Здравомыслов, А. В. Меренков, В. А. Ядов, М. С. Яницкий), феномена повседневности (В. С. Вахштайн, Э. Гидденс, И. Гофман, Л. Г. Ионин, А. Лефевр, П. Штомпка, А. Шюц), новой парадигмы мобильностей (Д. Биссел, О. Йенсен, В. Кауфман, Дж. Урри, М. Шеллер). Анализ факторов повседневных перемещений в досуговых практиках делает необходимым рассмотрение теории капиталов (П. Бурдьё, Дж. Коулман, В. В. Радаев), ресурсного подхода (Н. Е. Тихонова, О. И. Шкаратан), теории социального капитала и социальных сетей (Г. В. Градосельская, М. Грановеттер, Р. Патнем, А. Портес).

Выявление особенностей перемещений городской молодежи в досуговых практиках требует обращения к работам, посвященным теории практик (Н. Л. Антонова, П. Бурье, В. В. Волков, О. В. Хархордин), социологии досуга (Е. В. Грунт, Б. А. Грушин, Ж. Дюмазедье, Г. Е. Зборовский, К. Маркс, Г. П. Орлов, В. Д. Патрушев), социологии молодежи (Л. Н. Банникова, Ю. Р. Вишневский, Ю. А. Зубок, В. Т. Лисовский, Е. Л. Омельченко, Л. Б. Осипова, Б. С. Павлов), социологии города (Е. Г. Анимица, Е. С. Баразгова, Э. Берджесс, И. Б. Бритвина, М. Вебер, Л. Вирт, Э. Гидденс, В. Л. Глазычев, Е. Н. Заборова, Л. С. Лихачева, Р. Э. Парк, Е. Г. Трубина).

Работы вышеуказанных ученых и исследователей помогли определить особенности молодежи как дифференцированной социальной группы, проанализировать досуговые практики как разновидность социальных практик, выделить основные факторы, определяющие траектории повседневных

перемещений молодых людей. Вместе с тем в данных работах не уделяется достаточного внимания противоречиям, которые мы обозначили в сфере повседневных перемещений в досуговых практиках молодежи.

Объектом диссертационного исследования являются повседневные перемещения в досуговых практиках молодежи.

Предметом исследования – особенности повседневных перемещений в досуговых практиках студентов и работающей молодежи с высшим образованием, проживающих в крупном промышленном городе.

Цель диссертационной работы: выявить направленность, содержание повседневных перемещений в досуговых практиках молодежи крупного промышленного центра и факторы, определяющие разнообразие маршрутов этих перемещений.

Для достижения поставленной цели были выдвинуты следующие исследовательские задачи:

- 1) раскрыть теоретико-методологические основания изучения повседневных перемещений в досуговых практиках;
- 2) выделить факторы, определяющие повседневные перемещения в досуговых практиках городской молодежи;
- 3) на материалах эмпирических исследований осуществить анализ содержания и направленности повседневных перемещений в досуговых практиках молодежи крупного промышленного города;
- 4) исследовать специфику выбора маршрутов повседневных перемещений в досуговых практиках разных групп молодежи крупного промышленного города.

Теоретико-методологическую основу исследования составили концепции социальной дифференциации (М. Вебер, К. Маркс, П. А. Сорокин), социального статуса (Р. Дарендорф, Р. Линтон, Т. Ньюком, У. Томас, Дж. Хоманс), ролевая теория (Г. Блумер, И. Гофман, Р. Мертон, Дж. Г. Мид, Т. Парсонс), теории социального пространства (П. Бурдьё, Г. Е. Зборовский, А. Ф. Филиппов), социальной практики (Н. Л. Антонова, П. Бурдьё, В. В. Волков, О. В. Хархордин)

и социального капитала (П. Бурдьё, Дж. Коулман, А. Портес, В. В. Радаев), которые позволяют определить значение повседневных перемещений в досуговых практиках молодежи для воспроизводства социально-статусной принадлежности индивида и соответствующего ролевого набора. В качестве методологических ориентиров для исследования повседневных перемещений также были изучены работы В. Кауфмана, А. Келлермана, Дж. Урри, М. Шеллер. Важную роль в разработке методологических оснований исследовательского поиска сыграли теория стереотипов (И. С. Кон, Ю. А. Левада, У. Липпман, А. В. Меренков, Г. Олпорт), типология ценностных ориентаций, предложенная М. С. Яницким.

Для решения поставленных в диссертационном исследовании задач был использован ресурсный подход к анализу факторов, определяющих повседневные перемещения молодежи. В работе использованы как общенаучные методы исследования (обобщение, систематизация, индукция, дедукция, сопоставление), так и опросные методы, применяемые при проведении конкретно-социологических исследований (анкетирование, полуструктурированные интервью). Для анализа данных используется корреляционный, факторный и кластерный анализ.

Эмпирическую базу работы составили материалы социологических исследований, в том числе с участием автора, и статистические данные:

– опрос с самозаполнением электронной формы, проведенный автором в период с ноября по декабрь 2013 года. Объектом исследования стали пользователи виртуальных социальных сетей, проживающие в г. Екатеринбурге и отмечающие свое местоположение при помощи сервисов геолокации (целевой многоступенчатый отбор, общее количество респондентов 200 человек);

– комбинированный опрос (мобильный опрос с самозаполнением электронной формы и опрос методом раздаточного анкетирования с самозаполнением), который был проведен автором с ноября 2016 года по январь 2017 года. В качестве объекта исследования выступали молодые люди в возрасте от 18 до 30 лет включительно, не состоящие в браке, не имеющие детей, проживающие в г. Екатеринбурге, являющиеся студентами вузов или работающие

и имеющие высшее образование (целевой многоступенчатый отбор, общее количество респондентов 600 человек, в том числе 300 студентов и 300 работающих молодых людей);

– полуформализованные интервью со студентами и молодыми специалистами, реализующими различные маршруты повседневных перемещений в досуговых практиках (10 интервью со студентами и 10 интервью с молодыми специалистами), проведенные в феврале 2017 года;

– анализ геолокационных данных по г. Екатеринбургу, собранных за два периода: с 28.12.2013 по 03.01.2014 и с 08.01.2014 по 16.01.2014. Всего собрана информация о 6435 отметках о местоположении («чекинах»), которые были сделаны в 1694 местах 1022 пользователями. Для сбора данных в работе использовалась специализированная программа¹. Программа собрала данные о транслированных в виртуальную социальную сеть «Twitter» «чекинах» пользователей социальной сети «Foursquare»: идентификатор пользователя, идентификатор места, время «чекина», название места, категория места (согласно внутреннему классификатору «Foursquare»). Сбор данных был организован по инициативе автора и осуществлялся при поддержке технических специалистов;

– вторичный анализ данных мониторингового исследования «Евробарометр в России». Исследование регулярно проводится Центром социологических исследований РАНХиГС с 2012 года по заказу Европейской комиссии. Выборка «Евробарометра в России» составляет 6000 человек. В исследование входит 10 регионов, в том числе Свердловская область, в каждом из которых опрашивается по 600 человек. Выборка исследования репрезентативна на трех уровнях: на уровне РФ в целом, на уровне региона и на уровне типа населенного пункта. Сбор данных осуществляется по неслучайной многоступенчатой стратифицированной репрезентативной выборке методом личного формализованного интервьюирования²;

---

¹ Foursquare checkins crawler-processor. URL: <http://pastebin.com/Vn3gBYPF>.

² Евробарометр в России. URL: <http://social.ranepa.ru/tsentr-sotsiologicheskikh-issledovaniy-ion/1-evrobarometr-v-rossii>.

– вторичный анализ данных проекта WEB-Index, который предоставляет детальную информацию об объемах и характеристиках интернет-аудитории в России. Исследование репрезентирует население России в возрасте 12–64 лет. В рамках проекта измеряется домашнее и офисное использование интернета на стационарных компьютерах и ноутбуках. Также измеряется использование интернета на смартфонах и планшетах. При этом доступны данные отдельно по г. Екатеринбургу. Сбор информации для проекта WEB-Index происходит в рамках панели участников. На данный момент в исследовании использования интернета на стационарных компьютерах и ноутбуках участвует более 20 000 человек со всей России. Размер мобильной панели составляет порядка 3000 человек. Для измерения объема и структуры интернет-трафика в целом (без разбивки на сайты) компания Mediascope проводит установочное исследование по телефону в ежедневном режиме (более 55 000 интервью в год)³.

Научная новизна диссертационной работы заключается в исследовании содержания и направленности повседневных перемещений в досуговых практиках студенческой и работающей молодежи крупного промышленного центра. Основные научные результаты, полученные автором и содержащие новизну, состоят в следующем:

– раскрыты сущность и содержание повседневных перемещений в досуговых практиках молодежи как изменение ее положения в пространственно-территориальном ареале деятельности и/или в виртуально-коммуникационной среде;

– установлены основные факторы, влияющие на воспроизводство повседневных перемещений в досуговых практиках городской молодежи: внешние (инфраструктура городской среды, уровень технико-технологического развития современной системы коммуникаций, мода) и внутренние (принадлежность к определенной субкультуре, микросоциальная среда (семья/родственники и друзья));

---

³ Отчеты по проекту Web Index. URL: [http://mediascope.net/services/media/media-audience/internet/information/?arrFilter_pf\[YEAR\]=2017&set_filter=Y](http://mediascope.net/services/media/media-audience/internet/information/?arrFilter_pf[YEAR]=2017&set_filter=Y).

– выделены два типа повседневных перемещений в досуговых практиках, отличающиеся по способам реализации: физические и виртуально-коммуникационные;

– на основе эмпирических данных выявлена специфика выбора типа повседневных перемещений, который обусловлен содержанием ценностных ориентаций, объемом социального и экономического капитала конкретных групп молодежи;

– выявлены четыре группы молодежи, различающиеся на основе особенностей типа повседневных перемещений в досуговых практиках (активные офлайн; активные и онлайн, и офлайн; активные онлайн; пассивные и онлайн, и офлайн);

– обосновано, что студенческая молодежь использует преимущественно виртуально-коммуникационные перемещения, а работающая молодежь – физические перемещения или пассивные виды досуговых практик;

– исследованы маршруты повседневных перемещений в досуговых практиках молодежи и установлено, что в физических перемещениях молодые люди ориентированы на воспроизводство отношений родства, а в виртуально-коммуникационных – дружеских отношений.

Положения, выносимые на защиту:

– определено, что повседневные перемещения в досуговых практиках – это рутинные, возвратные, регулярные перемещения, которые реализуются во время, свободное от непреложных дел, детерминируются структурой социальных отношений, свойственных конкретному обществу, и осуществляются на основе стереотипов в соответствии с определенными целями, ценностными ориентациями и возможностями удовлетворения широкого спектра потребностей в сфере досуга, способствуя становлению/поддержанию статусно-ролевого набора личности;

– обосновано, что ведущими факторами, влияющими на повседневные перемещения в досуговых практиках молодежи крупного промышленного города, являются потребности в сохранении и укреплении родственных отношений, в

общении с друзьями, а также информационно-технологические возможности осуществления разных видов перемещений;

– на основе факторного и кластерного анализа эмпирических данных выделены четыре группы молодежи в соответствии с реализуемыми маршрутами повседневных перемещений: 1) активные офлайн – работающая молодежь, занимающая руководящие должности и имеющая доход на уровне выше средней заработной платы по городу (10 %); 2) активные и онлайн, и офлайн – студенты образовательных организаций высшего образования с доходом выше прожиточного минимума, но ниже средней заработной платы по городу (17 %); 3) активные онлайн – студенты младших курсов с доходом ниже прожиточного минимума (40 %); 4) пассивные и онлайн, и офлайн – работающая молодежь, занимающая должности специалистов и имеющая доход на уровне средней заработной платы по городу (33 %);

– показано, что центральная часть города определяет выбор маршрута физических перемещений молодежи, направленных на воспроизводство дружеских отношений; основой виртуально-коммуникационных перемещений выступают социальные сети, а также информационно-технологические средства коммуникации, обеспечивающие как поддержание дружеских отношений, так и систему взаимодействий с родственниками;

– доказано, что объем и структура ресурсов, имеющихся у молодежи, влияют на выбор маршрутов повседневных перемещений: наиболее депривированные группы преимущественно реализуют онлайн-маршрут повседневных перемещений;

– выявлено, что выбор маршрутов повседневных перемещений в досуговых практиках обусловлен содержанием ценностных ориентаций молодежи: ценности индивидуализации характерны для активных и онлайн, и офлайн; социализации – для активных офлайн; адаптации – для активных онлайн и пассивных и онлайн, и офлайн;

– разработаны рекомендации, направленные на совершенствование молодежной политики в досуговой сфере, а также на формирование и

распространение некоммерческих досуговых практик молодежи крупного промышленного города, их информационную поддержку.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в выявлении факторов, определяющих повседневные перемещения молодежи в досуговых практиках; создании типологии маршрутов повседневных перемещений. Материалы данного исследования могут способствовать дальнейшей разработке проблем повседневных перемещений в воспроизводстве социальных отношений, а также проблем молодежи, молодежного досуга, современного образа жизни. Кроме того, результаты работы могут быть использованы в качестве рекомендаций для коммерческих и государственных учреждений, занимающихся организацией досуга молодежи, для органов власти, разрабатывающих молодежную политику.

Материалы исследования могут быть полезными при разработке учебных курсов для студентов: «Социология молодежи», «Социология досуга», «Социология города», «Социология повседневности».

Полученные результаты могут представлять интерес для субъектов, занимающихся воспитанием и воспитательной работой (как в рамках образовательных организаций, так и в других формах), людям, ориентированным на самоменеджмент, эффективное использование и развитие личных ресурсов.

Достоверность результатов, полученных в ходе исследования, подтверждается обоснованностью методологических и теоретических положений; использованием методов и процедур сбора, обработки и анализа данных, релевантных поставленным цели и задачам; реализацией комбинированной исследовательской стратегии (триангуляция методов и источников сбора эмпирических данных).

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации прошли апробацию на следующих международных и всероссийских конференциях, в научных школах: III Международной научно-практической конференции «Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий» (Екатеринбург, УрФУ, 2017); XV, XVI, XVII, XVIII, XIX, XX

Международной конференции «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования» памяти профессора Л. Н. Когана (Екатеринбург, УрФУ, 2012, 2013, 2014, 2015, 2016, 2017); Международной научной конференции «Российское социологическое сообщество: история, современность, место в мировой науке (к 100-летию Русского социологического общества имени М. М. Ковалевского)» (Санкт-Петербург, СПбГУ, 2016); V социологической Грушинской конференции «Большая социология: расширение пространства данных» (Москва, 2015); XX, XXI Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (Москва, МГУ, 2013, 2014); Всероссийской научно-практической конференции VIII Ковалевские чтения «Новые измерения социального пространства и социального неравенства» (Санкт-Петербург, СПбГУ, 2013); 11th International Conference «Transport and borders» (Финляндия, Коуволла. Россия, Санкт-Петербург, 2013); Всероссийской научно-практической конференции XIX Уральские социологические чтения «Региональные особенности разработки и реализации социальной политики» (Екатеринбург, 2013); Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых «Философия, метафизика, наука: история взаимоотношений» (Екатеринбург, УрФУ, 2012); VI зимней сессии Социологической школы, организованной совместно Фондом «ВЦИОМ» и РАНХиГС при Президенте Российской Федерации (Москва, 2017); Весенней магистерской школе «Исследования городской повседневности» (Москва, РАНХиГС и МВШСЭН, 2013).

Структура и объем работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, включающих 4 параграфа, заключения и библиографического списка, включающего 231 наименование. Содержание работы изложено на 152 страницах.

Глава 1. Теоретико-методологические подходы к изучению повседневных перемещений в досуговых практиках молодежи

1.1. Повседневные перемещения в досуговых практиках: социологическая концептуализация

В эпоху доиндустриального и индустриального общества повседневные перемещения индивидов были сведены к минимуму: рабочее место и место проживания первоначально имели одну и ту же локализацию⁴. Весь жизненный мир индивида был чрезвычайно сконцентрирован, вследствие чего разнообразные и интенсивные перемещения сопровождались установлением новых социальных контактов и, как следствие, разрушением прежних социальных отношений⁵.

В современном обществе повседневные перемещения являются распространенным феноменом, свойственным большинству социальных субъектов и проникающим во все сферы их жизнедеятельности. Тот факт, что современные городские жители готовы тратить значительное время на поездки на работу, может быть объяснен с позиций теории рационального выбора. Вместе с тем затратные в различных аспектах (временных, финансовых и т. п.) повседневные перемещения характерны и для сферы досуга, в которой человек

---

⁴ «В большинстве обществ места проживания и труда людей обычно не разделяются. Там, где такое разделение существует (преимущественно в развитых городских сообществах), два этих места задают пространственную ось обыденной жизни индивида. Кроме того, эти два места должны быть взаимно доступны – данное функциональное требование является необходимым для формирования экологической структуры современного города» (Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения / Теоретическая социология: Антология: В 2 ч. М., 2002. Ч. 2. С. 16).

⁵ См.: Парк Р. Э. Сознание бродяги: рассуждения по поводу соотношения сознания и перемещения // Социологическое обозрение. Т. 3. № 1. 2003. С. 35–37; Парк Р. Э. Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок // Социологическое обозрение. Т. 5. № 1. 2006. С. 11–18; Парк Р. Э. Физика и общество // Социологическое обозрение Т. 6. № 1. 2007. С. 4–16; Зорбо Х. У. Золотой Берег и трущобы // История социологии XX века: университетский курс. М., 2007. С. 115; Берджесс Э. Рост города. Введение в исследовательский проект // История социологии XX века: университетский курс. М., 2007. С. 66.

более свободен в своем выборе. Маршруты перемещений в досуговых практиках не всегда поддаются рациональным объяснениям и наглядно демонстрируют, что повседневные перемещения являются не только необходимостью, но и частью желаемого образа жизни. Изменение роли перемещений различного рода в жизни современного человека, ориентация молодежи на «мобильный» стиль жизни⁶ вступает в противоречие с существующей в современной России тенденцией к одомашниванию досуга как населения в целом⁷, так и молодежи в частности⁸.

Повседневные перемещения в досуговых практиках индивидов и групп в современном обществе претерпевают значительные изменения. Это касается увеличения значимости времени досуга, его индивидуализации, возникновения более гибких форм занятости, при которых становится сложнее отличить время досуга от времени труда, а также появления новых форм досуга, которые чаще всего первоначально осваиваются именно молодыми людьми. Изменения, происходящие в сфере досуга в современном обществе, по-разному оцениваются и исследователями. Так, например, по мнению некоторых исследователей, рабочее время будет постепенно терять центральное положение во времени жизни индивидов, более значимым в экзистенциальном и идентификационном аспекте становится свободное время в целом и время досуга в частности: «... успешность, самореализация и другие жизненные ценности переносятся в сферу досуговой деятельности»⁹. Другие исследователи отмечают в досуге «потерю приоритетов творчества и духовного развития и смещение акцентов на развлечения и пустое времяпрепровождение»¹⁰.

---

⁶ Баранская И. Городские кочевники – новый социальный класс, который живет в параллельном мире. URL: <https://lifehacker.ru/2013/08/19/city-nomads/>

⁷ Патрушев В. Д. Свободное время работающих горожан России и США (сравнительный анализ) // Социологические исследования. 2004. № 12. С. 30–40; Седова Н. Н. Досуговая активность граждан // Социологические исследования. 2009. № 12. С. 56–68; Гульятев И. И. Социально-культурные условия развития досуговых интересов современной семьи. М., 2005. 19 с.

⁸ Батнасунов А. С. Досуг как сфера жизнедеятельности современной российской молодежи. Ставрополь, 2004. 28 с.; Жамсуева О. С. Досуг сельской молодежи на современном этапе развития российского общества. Улан-Удэ, 2013. 27 с.

⁹ Бутонова Н. В. Досуговые практики в современной культуре // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. Т. 2. № 1. 2012. С. 201–210.

¹⁰ Котельникова Н. В. Инновационные тенденции в сфере молодежного досуга в современной России. Ставрополь, 2003. 23 с.

Понятие досуга выступает предметом анализа ряда наук. Так, с позиций экономического подхода досуг определяется как «время, потраченное на развлечения, ... проведенное не на работе»¹¹, а также как сектор современной экономики, связанный с «обеспечением средствами досуга, включая культурный отдых, спорт или индустрию развлечений»¹². Время досуга в этом подходе определяется, с одной стороны, очень широко (как все время, проведенное не на работе), с другой стороны, – ограничено, поскольку рассматривается лишь одна функция досуга (развлечение).

Философы также рассматривают досуг как разнообразные виды деятельности, реализуемые во «время вне работы», при этом выделяют следующие его характеристики значимые для нашего исследования. Во-первых, деятельность во время досуга является свободной и неоплачиваемой. Во-вторых, досуг оказывается необходимым для самовыражения и «восстановления душевного равновесия людей»¹³. В-третьих, досуг – это время, которое используется для привычных занятий. Вместе с тем значительное внимание в философии уделяется историческим и психологическим (З. Фрейд) факторам, определяющим досуг. Кроме того, понятие «досуг» отождествляется с понятием «свободное время»¹⁴, вследствие чего остается достаточно широким.

В педагогике для характеристики понятия «досуг» также используются две ключевые категории: время («остающееся после выполнения всех функционально-ролевых обязанностей»¹⁵) и деятельность («разнообразная деятельность по своему выбору»¹⁶).

Таким образом, сложившиеся в социально-гуманитарном знании подходы к определению досуга имеют ряд слабых сторон. Во-первых, в этих подходах недостаточно четко проводятся различия между свободным временем и досугом. Во-вторых, досуг определяется через понятие деятельности, т. е. рассматривается

---

¹¹ Блэк Дж. Экономика. Толковый словарь. М., 2000. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/econ_dict/20929.

¹² Там же.

¹³ Философский словарь. М., 2000. С. 121.

¹⁴ Философский энциклопедический словарь. М., 1983. 839 с.

¹⁵ Вишнякова С. М. Профессиональное образование Словарь. Ключевые понятия, термины, актуальная лексика. М., 1999. С. 82.

¹⁶ Педагогический энциклопедический словарь. М., 2002. С. 77.

в качестве целесообразной активности, направленной на преобразование окружающей среды, что учитывая ориентированность досуга в современном обществе на развлечения, а также такую его функцию как восстановление, представляется недостаточно обоснованным. В-третьих, обозначенные подходы не исследуют влияния социальных факторов на выбор досуговых занятий (в том числе возрастных особенностей), а также социальной значимости этой сферы, преимущественно уделяя внимание ее значению для отдельной личности.

Представляется, что указанные недостатки решаются в социологическом подходе. В социологии утвердилась трактовка досуга как «части нерабочего времени, которое остается у человека после исполнения непреложных непроеизводственных обязанностей»¹⁷. При этом отмечается, что всем социальным группам современного общества в той или иной степени доступен досуг. Проблема различения досуга и свободного времени решается К. Марксом, который в структуре внерабочего времени предлагает отделять время досуга от времени для более возвышенной деятельности¹⁸. Развитие этого подхода приводит к тому, что в отечественной социологии свободное время рассматривается как время, которое остается за вычетом рабочего времени, необходимых временных затрат, «связанных с дорогой от дома до места работы, ведением домашнего хозяйства, уходом за детьми, сном, личной гигиеной и др. несвободными занятиями»¹⁹. Все оставшееся время – время досуга и время более возвышенной деятельности. Эти два элемента свободного времени отличаются по своим функциям и по тем видам активности, которые характерны для них. Так, время более возвышенной деятельности направлено на занятия, связанные с развитием человека: учеба, самообразование, хобби, общественная деятельность и т. д. Досуг выполняет восстановительные функции, которые воплощаются в развлечениях и общении, это «свободное от работы время, необходимое для

---

¹⁷ Социологический энциклопедический словарь. М., 2000. С. 77.

¹⁸ «Свободное время – представляющее собой как досуг, так и время для более возвышенной деятельности, превращает того, кто им обладает, в иного субъекта, и в качестве этого иного субъекта он и вступает затем в непосредственный процесс производства» (Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 гг. Собр. соч. 2-е изд. М., 1955–1981. Т. 46. Ч. 2. С. 221).

¹⁹ Грушин Б. А. Свободное время // Новая философская энциклопедия. Т. 3. М., 2010. С. 508.; Грушин Б. А. Свободное время: актуальные проблемы. М., 1967. С. 27.

восстановления сил»²⁰. Таким образом, досуг является только частью свободного (от обязательств) времени.

Примечательно, что определяя структуру свободного времени, К. Маркс для названия одной из его частей использует понятие «деятельность», а для другой – нет. Обращает на себя внимание, что в философском подходе досугу приписываются привычные занятия. Кроме того, согласно данным социологических исследований в современных условиях досуг, в частности досуг молодых людей, в значительной степени стандартизирован и стереотипизирован²¹. В связи с этим для определения активности социальных субъектов во время досуга не представляется возможным использовать понятие деятельности и деятельностный подход. Мы считаем целесообразным определять досуговую активность социальных агентов через концепт социальной практики, поскольку «мышление или действие «по привычке» – это не только первое, но и наиболее консервативное понимание [социальной] практики»²².

Вводит и раскрывает понятие социальной практики П. Бурдьё. Образно под социальной практикой он понимает «театральные роли, партии или планы»²³, т. е. определенный способ действия, характерный для представителей социальной группы, то, как обычно они поступают в тех или иных ситуациях, что отражает специфику социальных групп. Практики фиксируют успешный в определенных условиях ситуационный порядок действия, т. е. эффективный стереотип действий и взаимодействий.

С позиции П. Бурдьё²⁴, практики являются социальными в том смысле, что социальное создается и воспроизводится в практике²⁵. Согласно этому подходу социальной реальностью руководят объективные структуры, организующие активность социальных агентов, – габитусы. Габитусы, не обладая

---

²⁰ Орлов А. С. Труд и рекреация // Социологические исследования. 1991. № 10. С. 73–77.

²¹ Меренков А. В. Социология стереотипов. Екатеринбург. 2001. С. 246.

²² Волков В. В., Хархордин О. В. Теория практик. СПб., 2008. С. 13.

²³ Бурдьё П. Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. I. № 3. С. 60–70.

²⁴ Bourdieu P. Outline of a theory of practice. Cambridge, 1977. 248 p.

²⁵ «Практика – это все то, что социальный агент делает сам и с чем он встречается в социальном мире» (Шматко Н.А. На пути к практической теории практики. Послесловие // Практический смысл. СПб., 2001. С. 548–562).

онтологическим статусом, проявляются «через практики агентов»²⁶, практики выступают порождением габитуса²⁷. Вместе с тем агенты способны преобразовывать практики, и таким образом преобразовывать социальную структуру, т. е. структуры создаются и воспроизводятся социальными практиками агентов. Исследование социальных практик становится необходимым для изучения социальных структур (габитусов) и социальных отношений их порождающих.

Подтверждением верности выбранного нами подхода для понимания досуга становится тот факт, что в отечественных исследованиях этого феномена также фиксируются обозначенные принципы двойного структурирования. Так, по мнению Г. П. Орлова, доступность конкретных способов проведения досуга для индивида определяется «всей совокупностью социальных отношений данного общества и уровнем духовного развития каждой личности»²⁸. А. Э. Мурзин отмечает, что досуг «с одной стороны, выступает как явление, детерминированное обществом и обладающее известной нормативностью, но, с другой, – оставляет индивиду возможность выбора»²⁹.

Как отмечает Н. В. Котельникова, французский исследователь сферы досуга Ж. Дюмазедье среди функций досуга называет функцию развития личности, что, по ее мнению, «свидетельствует о том, что досуг не отождествляется исследователем с бесполезным проведением времени, исключительно с «ничего неделанием»»³⁰. Однако функция развития личности – это функция более возвышенной деятельности в рамках свободного времени. В качестве основной цели досуга, ориентированного на восстановительную функцию, не может

---

²⁶ Антонова Н. Л. Социальная практика: теоретико-методологические основания исследовательского анализа. // Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общ. науки. Т. 70. № 4. 2009. С. 92–98.

²⁷ При этом, как отмечает Шматко Н. А. исследование и описание практик не является предельной целью социологического исследования: «П. Бурдьё призывает изучать ... социальные отношения, описывающие структуру и всевозможные состояния полей» (Шматко Н.А. «Социальные пространства» Пьера Бурдьё // Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики. М., 2005. С. 571). Интересно, что цели Дж. Урри в исследованиях мобильностей согласуются с мнением П. Бурдьё «Важны социальные отношения, коренящиеся в мобильностях. Концентрация на средствах мобильности аналогична концентрации на предметах потребления, на товарах и товарном фетишизме, а не на «реальных отношениях» (Урри Дж. Мобильности. М., 2012. С. 360).

²⁸ Орлов Г. П. Свободное время как социологическая категория. Свердловск, 1973. С. 30–31.

²⁹ Мурзин А. Э. Актуально ли изучать свободное время? // Социологические исследования. 1993. № 11. С. 95–99.

³⁰ Котельникова Н. В. Инновационные тенденции в сфере молодежного досуга в современной России. Ставрополь, 2003. 23 с.

определяться развитие личности, хотя досуг и способствует проявлению ее индивидуальности. Трудно согласиться с автором в том, что отсутствие функции развития в досуге однозначно приводит к его оценке как «бесполезного проведения времени». Поскольку отсутствие развития может быть сопряжено не только с деградацией, но и с восстановлением, которое реализуется в общении и развлечениях, необходимых для получения удовольствия и эмоциональной разрядки.

Индивид в социальных науках рассматривается как биосоциальное существо. Удовлетворение физиологических потребностей организма как восстановление биологической составляющей исключается из свободного времени, вследствие чего восстановительная функция досуга, прежде всего, ориентирована на восстановление социальной составляющей личности, которая обнаруживается в социальных взаимодействиях и действиях, соответствующих статусно-ролевому набору. Социальная составляющая личности или социальные свойства личности проявляются вследствие ее включения в определенные социальные группы³¹. В результате процесса социализации усваиваются ценности, потребности, образцы поведения, нормы и правила, которые определяют способы получения удовольствий, в рамках свойственной данному обществу системы отношений допустимые для представителей конкретной социальной группы в соответствии с их статусно-ролевыми наборами. Таким образом, предпочтения представителей различных социальных групп относительно досуговых занятий определяются образом жизни, который они реализуют, а также «базовыми характеристиками» обществ, в которых они проживают³².

Время досуга не связано с выполнением каких-либо обязанностей – это часть свободного времени. В связи с этим при определении досуга в качестве ключевой его характеристики называется возможность индивида распоряжаться

---

³¹ Ильин Г. Л. Социология и психология управления. М., 2005. 192 с.

³² Грушин Б. А. Свободное время // Новая философская энциклопедия. Т. 3. М., 2010. С. 508.

этим временем по своему усмотрению³³. Свобода действий, реализуемая во время досуга, определяет его ценность³⁴, поскольку является условием проявления человеческой индивидуальности, механизмом самовыражения. Досуг приближает человека к его сущности, он определяется волей личности, а не «давлением внешней цели, являющейся производственной необходимостью или социальной обязанностью»³⁵. Отсюда, соответственно, и повседневные перемещения в сфере досуга также становятся свободными в том смысле, что индивид или группа может осуществить свой выбор, исходя из потребностей и интересов, руководствуясь желаниями и временем, «...которое ... остается свободным для удовольствий, для досуга»³⁶.

Суммируя, мы можем уточнить понятие досуга как части бюджета времени, свободного от выполнения непреложных обязательств различного рода. Поскольку это время не является жестко регламентированным, индивид имеет возможность свободно распоряжаться им в соответствии с доступными способами развлечений и общения, необходимыми для восстановления социального субъекта как личности и как представителя определенных социальных групп, обладающего конкретным статусно-ролевым набором.

Таким образом, досуговые практики – это стереотипные, т. е. рутинизированные и опривыченные ситуационные порядки действий и взаимодействий, составляющие внеситуационный контекст жизнедеятельности конкретной социальной группы и общества в целом, реализуемые индивидами во время свободное от выполнения непреложных обязательств различного рода, целью которых становится восстановление наиболее значимых социальных свойств личности, в том числе и тех свойств, которые характеризуют его как представителя социальной группы. Такое свойство социальных действий и взаимодействий индивидов как стереотипность указывает на их регулярность и

---

³³ Зборовский Г. Е., Орлов Г. П. Досуг: действительность и иллюзии. Свердловск, 1970. С. 80; Зборовский Г. Е. Пространство и время как формы социального бытия. Свердловск, 1974. С. 167.

³⁴ На самооценку досуга, возникающую в результате ощущения свободы, обращают внимание Гордон Л. А., Клопов Э. В. Человек после работы. Социальные проблемы быта и вне рабочего времени. М., 1972. С. 81–84.

³⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, т. 26, часть III, С. 245–266. URL: <http://www.biblioclub.ru/book/54945/>.

³⁶ Там же. С. 146.

повторяемость, вследствие чего подобная активность индивида в значительной степени реализует восстановительную функцию.

Эмпирические исследования досуга в советской и российской социологии фиксируют различие в объеме того времени, которое на него отводится у социальных групп. Так, наибольшим временем досуга обладают молодые люди, не имеющие семьи. Происходит это под влиянием следующих тенденций: увеличение продолжительности времени затрачиваемого на получение образования, более поздний возраст вступления в брак, откладывание начала самостоятельной жизни. Современные молодые люди часто продолжают жить в родительской семье, вследствие чего время их досуга увеличивается за счет снижения времени, затрачиваемого на домашнюю работу. Некоторые исследователи делают вывод, что досуг – специфически молодежная тема³⁷. Мы полагаем, что, обладая большим временем досуга, молодежь, кроме того, активнее включена в повседневные перемещения, поскольку образ жизни молодых людей не является до конца сформированным (они ориентированы на достижение определенных жизненных целей, поиск оптимальной жизненной стратегии, вследствие чего склонны пробовать новое для себя).

Повседневные перемещения становятся предметом пристального внимания преимущественно западных ученых, представляющих различные сферы социально-гуманитарного знания. В том числе повседневные перемещения как предмет специального социологического осмысления выступают одним из актуальных вопросов современной общественной жизни. Однако в российской практике пока не сложилось самостоятельной традиции в исследовании данного феномена. Понятие повседневных перемещений еще не является до конца разработанным, отсутствует в социологических словарях, не определена его роль в общественных отношениях, функции, обуславливающие его значимость. Для понимания специфики повседневных перемещений в досуговых практиках молодежи необходимо последовательно рассмотреть сущность понятия

---

³⁷ См.: Омельченко Е. Л. Молодежные культуры и субкультуры. М., 2000. 262 с.

«повседневные перемещения», определить их виды, функции, а также факторы, детерминирующие повседневные перемещения.

Интенсификация физических повседневных перемещений происходит в XX веке вследствие урбанизации и роста городов. В конце XX – начале XXI века с развитием телекоммуникационных технологий повседневные перемещения приобретают новые формы.

Проблемы перемещений в городском пространстве изучаются с позиций разных дисциплин: медицины и социальной работы, географии, социологии, транспортных исследований и градостроительства, антропологии, культурологии, философии и т. д. Следствием такого разностороннего подхода к исследованию данного феномена становится отсутствие терминологического единства, в том числе и внутри дисциплин. Для обозначения перемещений в городском пространстве используются такие понятия как транспортное поведение, мобильность, подвижность.

Сложившаяся в начале XX века в архитектуре и градостроительстве модернистская парадигма (Н. Геддес, Р. Мозес) не предполагала ориентацию на повседневную жизнь горожанина. В планировании транспортных систем и градостроительстве не учитывались потребности и установки обычных людей, они считались незначимыми. Индивидуальные действия людей рассматривались как случайные, а их перемещения – хаотичными³⁸. Однако на смену такому подходу приходят идеи левого урбанизма (Дж. Джекобс, Д. Харви), развиваются концепции гуманитарной и временной географии, обращающие внимание на тот факт, что перемещения горожан в пространстве обусловлены их личными потребностями, интересами и установками. Предпринимаются и достаточно успешные попытки по выявлению определенных закономерностей в перемещениях горожан (Лундская школа³⁹, Б. Хиллиер, Дж. Хансон⁴⁰). Современные исследования в данном направлении становятся более успешными,

---

³⁸ Так, например, для их описания использовалась математическая модель – «случайные блуждания Леви».

³⁹ Петров Н. В. Пространственно-временной анализ в социальной географии: основные достижения и направления исследований шведской школы. М., 1986. 56 с.

⁴⁰ Hillier B., Hanson J. The social logic of space. Cambridge University Press, 1989. 282 p.

поскольку приобретают дополнительное техническое оснащение, позволяющее наблюдать за повседневными перемещениями горожан⁴¹.

Понятие повседневной мобильности, употребляемое архитекторами и градостроителями⁴², используется для обозначения повседневных перемещений, таких как ежедневные поездки людей на работу или за покупками. Вместе с тем понятие используется как само собой разумеющееся, отсутствуют целостные глубинные попытки его концептуализации.

С. А. Ваксман, российский исследователь транспортных систем городов, отмечает, что понятие «мобильность» проникает в научный дискурс городского движения без критического анализа. При этом автор обращает внимание на медицинские коннотации данного понятия и наличие социологической теории социальной мобильности, рассматривающие принципиально разный круг вопросов. Исследователь приходит к выводу, что мобильность можно определить как «потенциальную способность передвигаться»⁴³, тогда как подвижность является обобщающим показателем реализации данной способности, складывающимся из совокупности перемещений. «Перемещение следует рассматривать как территориальную форму подвижности (социально обусловленное и физически реализуемое количество перемещений в единицу времени)»⁴⁴. Таким образом, исследования транспортных систем городов, во-первых, принципиально разводят понятие мобильности, подвижности и перемещений, во-вторых, трактуют перемещения только как физическое изменение местоположения.

Понятие повседневной мобильности/повседневных перемещений в физическом пространстве города не представлено в словарях, однако имеется ряд разработок, которые нашли свое отражение в диссертационных исследованиях и научных публикациях. Так, под повседневной мобильностью, с позиций подхода

⁴¹ С помощью мобильных телефонов американские ученые выявили законы перемещения людей. URL: <http://gtmarket.ru/news/culture/2008/06/07/1699>.

⁴² См.: Бейер Е. Мобильность. Последствия парадигмы мирового городского планирования для жизни в социалистическом государстве. URL: <http://edu.tltsu.ru/sites/site.php?s=236&m=29766&y=2009>.

⁴³ Схожий подход см.: Flamm M., Kaufmann V. Operationalising the concept of motility: a qualitative study // *Mobilities*. 2006. Vol. 1. Iss. 2. Pp. 167–189.

⁴⁴ Ваксман С. А. О соотношении понятий «мобильность» и «подвижность» в исследовании транспортных систем городов. URL: <http://www.waksman.ru/Russian/Systems/Systems.htm>.

социальной работы, понимают поведение, осуществляемое в рамках социального контекста, который включает в себя социальные нормы (регулирующие межличностные отношения), социальные структуры (класс, раса, гендер и др.), а также институциональные практики⁴⁵. В качестве ключевого понятие в определении используется – «поведение». Таким образом исключается активность субъекта перемещения. В связи с этим обнаруживается внутреннее противоречие, когда феномен классифицируется одновременно и как поведение, и как институциональная практика. Между тем в данном подходе фиксируется нормативная детерминированность повседневных перемещений, выделяется ряд определяющих их социальных факторов, таких как социальные и институциональные структуры. Вследствие чего мы можем сделать вывод, что повседневные перемещения являются социально обусловленными.

Культурологический подход рассматривает повседневные перемещения как один из элементов культуры повседневности⁴⁶. Повседневные перемещения характеризуются как физические перемещения в пределах поселения постоянного проживания, необходимые для удовлетворения повседневных потребностей. К таковым относят потребности в продуктах питания, поддержании своего тела в чистоте; потребности, связанные с бытовой и хозяйственной деятельностью людей. Фиксируется также, что перемещения людей являются неотъемлемой частью повседневной жизни города. Особое внимание уделяется анализу маршрутов повседневных перемещений, которые включают в себя различные элементы городской инфраструктуры (улицы, площади и т. д.). Недостатком данного подхода видится искусственное противопоставление повседневных перемещений властно-административным, сакрально-религиозным, празднично-рекреативным, эстетическим как реализуемым в различных пространствах жизнедеятельности человека, т. е. отличающимся по функциональному значению.

---

⁴⁵ «We conceptualize daily mobility as a behaviour embedded within a social context involving social norms (including aspects of interpersonal relationships), social structures (e.g. class, race, gender), as well as institutional practices» (Shareck M. Considering daily mobility in contextual studies of social inequalities in health: conceptual and empirical insights. Canada, 2013. P. 55).

⁴⁶ Иконникова С. Н., Большаков В. П. Теория культуры. СПб., 2008. 592 с.

Схожим образом трактуют повседневные перемещения географы: через определение целей передвижений людей. Так, Т. В. Дробышевская определяет маятниковые миграции как «повседневные перемещения между поселениями с трудовыми и культурно-бытовыми целями»⁴⁷. Вместе с тем представляется более обоснованным обособление области повседневного с точки зрения временного критерия, а не функционального. Поскольку повседневная жизнь человека включает в себя различные сферы деятельности: и трудовую, и досуговую, и хозяйственно-бытовую.

В рамках философского подхода следует обратить внимание на позицию М. де Серто, который считает повседневные перемещения одной из форм пространственных практик, практик использования пространства⁴⁸. Под практиками, вслед за П. Бурдьё, исследователь понимает способы действовать⁴⁹, которые соотносятся со смыслами. Смыслы создаются как властными структурами, вырабатывающими правила осуществления перемещений, так и социальными агентами, практикующими их⁵⁰. Отметим, что работы М. Де Серто во многом определяют последующие исследования практик повседневных перемещений, в том числе задают ориентацию на исследования повседневных перемещений как физических перемещений в городском пространстве. В этих исследованиях также отсутствует четкое разграничение между повседневной мобильностью и повседневными перемещениями⁵¹. Понятия используются как тождественные для характеристики движения человеческих тел в пространстве города⁵².

Развивая подход М. де Серто, П. Ирон городскую повседневную мобильность определяет как «способы ежедневного практического изменения местоположения людьми, при этом повседневная городская мобильность —

⁴⁷ Дробышевская Т. В. Драматургия города. URL: https://ridero.ru/books/dramaturgiya_goroda/read/#textpreview.

⁴⁸ Серто М. де. Практика повседневной жизни. Пространственные практики // Прогнозис. 2010. № 1 (20). С. 151–184.

⁴⁹ Современная социальная философия: [учеб. пособие]. Екатеринбург, 2015. С. 128.

⁵⁰ Серто М. де. Изобретение повседневности. СПб., 2015. 328 с.

⁵¹ Фень Е. Г. Город в движении: к вопросу о повседневной мобильности // Антропологический форум. 2011. № 15. С. 145–156.

⁵² Фень Е. Г. Основные категории феноменологической философии пространства в современных исследованиях города. М., 2012. С. 7.

понятие более широкое, чем просто сумма всех реализованных поездок или время, затраченное на них. Такое понимание мобильности как социальной практики требует выработки методологического подхода к социальному значению, которым наделяется перемещение, независимо от того физическое это перемещение, воображаемое, виртуальное или перемещение, которое является одновременно и физическим, и воображаемым, и виртуальным»⁵³.

Достоинством данного подхода является выделение социальной практики в качестве базового понятия, поскольку при таком подходе действующий субъект не лишается активности. Кроме того, в качестве одной из характеристик перемещений выделяется наличие их социального значения. Повседневные перемещения являются не только социально обусловленным феноменом, как это утверждалось в предыдущем определении, но они становятся и частью социальных отношений, поскольку наделяются смыслом, значимостью, включаются в системы представлений и могут быть проинтерпретированы субъектами социального взаимодействия. Однако механизмы выработки и интерпретации социальных смыслов и значений в повседневных перемещениях автором не раскрываются. Таким образом, не раскрывается связь между повседневными перемещениями и социальными отношениями. Кроме того, автор предпринимает попытку определить «городскую повседневную мобильности». В действительности сужения понятия от «повседневной мобильности» к «городской повседневной мобильности» не происходит. Отметим также, что, определяя повседневные перемещения как изменение местоположения людей, автор выделяет такие его разновидности как физические, воображаемые и виртуальные. В связи с этим данное определение видится внутренне противоречивым, поскольку очевидно, что последние два вида перемещений не предполагают изменения местоположения тела человека в городском пространстве. Помимо этого воображаемые перемещения не обладают

---

⁵³ «Urban daily mobility refers to all the ways people relate experientially to change of place on a daily basis, which means that it encompasses more than the sum of journeys made or the time it takes to make them. This understanding of mobility as a social practice requires methodological access to the social meaning invested in movement, whether that movement is physical, imaginative, virtual, or a combination of these» (Jiron P. Mobility on the move: examining urban daily mobility practices in Santiago de Chile. London School of Economics and Political Science. 2008. P. 2).

интерсубъективностью, а повседневность представляет собой интерсубъективную реальность, состоящую из общих значений⁵⁴. Это также ставит под сомнение включение воображаемых перемещений в понятие повседневных перемещений. Вместе с тем различие виртуальных перемещений видится перспективным и будет предложено и обосновано далее.

Ни один из существующих подходов к определению повседневных перемещений в рамках других наук не является завершенным и исчерпывающим. Обращает на себя внимание тот факт, что в представленных подходах в качестве характеристик повседневных перемещений выделяются детерминирующие их социальные свойства и факторы. В связи с этим представляется, что именно в рамках социологического подхода окажется возможным сформулировать наиболее полное определение сущности и содержания данного феномена. Хотя первоначально задачи городского и транспортного планирования даже не ставили вопрос о наличии закономерностей в перемещениях горожан, современные исследователи-социологи должны объяснить существующие закономерности с учетом социальных факторов.

Традиция исследования повседневных перемещений в городском социальном пространстве, хотя и не является мейнстримом социологической мысли, была заложена еще в начале XX века в рамках Чикагской социологической школы. Так, Э. Берджесс указывает на важность изучения внутригородского движения населения. Он обнаруживает наличие разнообразных видов движения населения характерных для городской жизни, ставя в один ряд «переезд с одного места жительства на другое, изменение рода занятий, текучесть рабочей силы, движение на работу и с работы, движение ради отдыха и приключений⁵⁵». Анализируя тексты Э. Берджесса, можно прийти к выводу о наличии двух видов перемещений. Первые связаны с рутинными перемещениями («движение может быть фиксированным и неизменным порядком перемещения,

---

⁵⁴ На интерсубъективность повседневности указывают также П. Бергер и Т. Лукман: «в повседневной жизни я не могу существовать без постоянного взаимодействия и общения с другими людьми» (Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995. С. 44).

⁵⁵ Берджесс Э. Рост города. Введение в исследовательский проект // История социологии XX века: университетский курс. М., 2007. С. 65.

призванным контролировать постоянную ситуацию, например, в случае рутинного движения»⁵⁶). Вторые – с изменениями в повседневной жизни человека-персоны («движение, значимое для общества, предполагает изменение движений в ответ на новый стимул или ситуацию. Изменение движения этого рода называется мобильностью»⁵⁷).

Следуя логике Э. Берджесса, отметим, что одни перемещения подразумевают изменение социального статуса индивида и рассматриваются с позиций теории социальной мобильности, другие не сопряжены с подобными изменениями. Важным замечанием, которое мы будем учитывать в нашей работе, является выделенная чикагским исследователем характеристика перемещений – рутинность.

Поскольку история изучения повседневных перемещений в социологии прерывается для выделения дальнейших их характеристик необходимо обратиться к одной из современных альтернативных социологических теорий. В социологии в конце XX века возникает новая парадигма мобильностей (P. Adey, D. Bissell, T. Cresswell, T. Edensor, M. Sheller, J. Urry). М. Шеллер и Дж. Урри утверждают, что в предметном поле их исследований – «разнообразные мобильности людей, объектов, образов, информации, их сложные взаимозависимости и социальные эффекты»⁵⁸.

Исследователями пересматривается традиционное понимание социальной мобильности как смены социальной позиции субъектов⁵⁹, сложившееся под влиянием структурно-функционального подхода (Т. Парсонс⁶⁰, Р. Мертон⁶¹) и утвердившееся в социологии в XX веке. Новая парадигма мобильностей делает

⁵⁶ Берджесс Э. Рост города. Введение в исследовательский проект // История социологии XX века: университетский курс. М., 2007. С. 66.

⁵⁷ Там же. С. 66.

⁵⁸ Sheller M., Urry J. The new mobilities paradigm // Environment and Planning A. 2006. Vol. 38. Pp. 207–226.

⁵⁹ П. А. Сорокин определяет социальную мобильность как «любой переход индивида или социального объекта (ценности), то есть всего того, что создано или модифицировано человеческой деятельностью, из одной социальной позиции в другую» (Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 292). В работе непосредственно посвященной социальной мобильности определение звучит немного иначе: «любое перемещение индивидуального или социального объекта или ценности – всего, что создано или модифицировано человеческой деятельностью, – из одного положения в другое» (Сорокин П. А. Социальная мобильность. М., 2005. С. 119).

⁶⁰ Парсонс Т. Современное состояние и перспективы систематической теории в социологии // Современная западная теоретическая социология. М., 1994. С. 53–78.

⁶¹ Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М., 2006. 880 с.

акцент на процессуальность перехода из одного положения в другое. В современной текучей действительности⁶² возникает понимание, что процесс, а не только результат перемещения от одной статусной позиции к другой, становится базисом производства и воспроизводства различных социальных действий индивидов и групп в социальном пространстве. Между тем автор новой парадигмы Дж. Урри подчеркивает преимущество своей теории относительно теории П. А. Сорокина, однако обоснования данного утверждения отсутствуют.

Строго говоря, в социологии понятие «мобильность» как самостоятельный концепт в полном виде не разработан и, как правило, отсутствует в специализированных словарях. В тех случаях, когда оно включается в словари, предлагается либо общенаучное определение⁶³, либо перекрестная ссылка на понятие социальной мобильности⁶⁴.

Ни заимствование понятия мобильности из других наук или переводных источников, ни отсылки к теории социальной мобильности не представляются обоснованными. Восторженность современных исследователей перспективами, которые открывает новая парадигма мобильностей, сводится к изучению разнообразия практик повседневных перемещений индивидов и групп⁶⁵. Для этого используются геолокационные данные, наблюдения и опросы, результаты которых представляют описание перемещений людей в пространстве города. Таким образом, исследования становятся ближе к этнографии, нежели классической социологии. Это связано, на наш взгляд, с некоторыми сложностями в понимании новой парадигмы мобильностей, возникающими вследствие двусмысленности языка авторов, который полон метафор и при

⁶² Бауман З. Текучая современность. СПб., 2008. 240 с.

⁶³ Социологический энциклопедический словарь утверждает мобильность как «подвижность, способность к быстрому изменению состояния, положения» (Социологический энциклопедический словарь. М., 2000. С. 185).

⁶⁴ Джери Д., Джери Дж. Большой толковый социологический словарь. М., 1999. Т.1. С. 400.

⁶⁵ См., например, Фень Е. Г. Город в движении: к вопросу о повседневной мобильности // Антропологический форум. 2011. № 15. С. 145–156; Шайнер Й., Каспер Б. Образ жизни, выбор местожительства и каждодневная мобильность: образ жизни в контексте пространственной мобильности и планирования // Международный журнал социальных наук. 2004. № 46. С. 175–190; Olabarria M. Work, family and daily mobility: a new approach to the problem through a mobility survey // Gaceta sanitaria. Vol. 27. Iss. 5. Pp. 433–439; Camarero L. A. Exploring the social face of urban mobility: daily mobility as part of the social structure in Spain // International journal of urban and regional research. 2008. Vol. 32, Iss. 2. Pp. 344–362; Scheiner J. Lifestyles, choice of housing location and daily mobility: the lifestyle approach in the context of spatial mobility and planning // International Social Science Journal. 2003. Vol. 55, Iss. 176. Pp. 319–332.

первом приближении толкает к изучению физических движений и расстояний, а также вследствие примеров, постоянно отсылающих к физическим перемещениям.

Еще одним недостатком данного подхода становится слишком широкая трактовка понятия мобильности. Формулируя новый подход к изучению социального (а именно так представляется данная теория), авторы, к сожалению, не предлагают основательного методологического аппарата⁶⁶.

Невозможность использования понятия мобильности и развития данного подхода в исследовании повседневных перемещений молодежи в досуговых практиках между тем не меняет того факта, что перемещения различного рода становятся предметом изучения социологов всего мира. В настоящее время ведется активный поиск теоретических ресурсов для осмысления роли перемещений в современном обществе. Очевидно, что перемещения сегодня являются проблемой не только транспортных наук, и их теоретических ресурсов оказывается недостаточно.

Помимо актуализации проблемы перемещений, к достоинствам новой парадигмы мобильностей следует отнести попытки представить типологии перемещений по различным основаниям⁶⁷. По способам реализации перемещения

---

⁶⁶ Мулеев Е. Ю. «Транспортное поведение», «подвижность», «мобильность»: к вопросу о концептуализации терминов // Социологический журнал. 2015. № 3. С. 8–28.

⁶⁷ «Передвижения и миграция в поисках политического убежища или места жительства; путешествия с деловыми и профессиональными целями; познавательные странствия студентов, девушек «au pair» и других категорий молодых людей, которые представляют собой своеобразный «обряд перехода» и обычно заключаются в поездках в заграничные центры цивилизации; медицинские поездки на курорты, минеральные воды, в больницы, лечебные центры и т. п.; военная мобильность армий, танков, вертолетов, самолетов, ракет, спутников и самолетов-шпионов, которые впоследствии могут использоваться с гражданскими целями; переезды после выхода на пенсию, формирование особого транснационального стиля жизни пожилых людей; «буксирные путешествия» детей, супругов и других родственников и слуг; перемещений и миграция по узловым точкам какой-то одной диаспоры, например, китайской; движение работников сферы обслуживания по всему миру и особенно по глобальным городам; туристические путешествия с целью посещения мест и событий, ради удовлетворения различных чувств, особенно – «туристического взгляда»; посещение друзей и родственников, но там, где эти дружеские сети тоже могут приходить в движение; перемещения в связи с работой, в том числе и ежедневные поездки из пригорода в город» (Урри Дж. Мобильности. М., 2012. С. 79–80).

подразделяются на телесные, виртуальные, воображаемые, коммуникационные⁶⁸. В соответствии с пространственно-временным критерием в особую группу выделяются повседневные перемещения.

Швейцарский социолог В. Кауфманн⁶⁹ определяет повседневные перемещения как относительно непродолжительные, осуществляемые на небольшие расстояния. Критерием относительной непродолжительности данных перемещений становится возможность их реализации в границах суток: индивид должен быть способен покинуть место своего проживания и вернуться обратно в течение суток. Критерий темпоральности для характеристики повседневных перемещений представляется действительно значимым. В этом смысле свойствами повседневных перемещений следует считать возвратность («two way») и регулярность («frequently performed»)⁷⁰.

Таким образом, чертами повседневных перемещений являются рутинность, возвратность, регулярность, а также социальная обусловленность и наличие социальной значимости (т. е. смыслов, которые «вкладываются» и «прочитываются» социальными субъектами).

Российский исследователь Г. Е. Зборовский отмечает, что в отечественной социологии используется понятие социального перемещения, которое рассматривается как тождественное социальной мобильности⁷¹. Справедливым представляется высказанное автором мнение, согласно которому концепт

---

⁶⁸ Дж. Урри различает мобильности по способу их реализации: «телесные перемещения людей ради работы, досуга, семейной жизни, удовольствий, миграции или бегства, по-разному организованные по отношению к контрастным пространственно-временным модальностям (от ежедневных поездок на работу до единственного в жизни изгнания с родины); физические перемещения объектов между производителями, потребителями и продавцами, равно как посылки и получения подарков и сувениров; воображаемые перемещения при помощи образов мест и людей, осуществляемые через различные печатные или визуальные носители информации; виртуальные путешествия, часто в реальном времени, преодолевающие географические и социальные расстояния; коммуникационные путешествия посредством обмена СМС, текстами, письмами и телеграммами, через факс, телефон или мобильный телефон» (Урри Дж. Мобильности. М., 2012. С. 135–136).

⁶⁹ Kaufmann V. Rethinking the city: urban dynamics and motility. Lausanne, 2011. P. 25.

⁷⁰ Kellerman A. Daily spatial mobilities: physical and virtual. Farnham; Burlington, 2012. 252 p.

⁷¹ Зборовский Г. Е. Общая социология: Учебник. 3-е изд., испр. и доп. М., 2004. С. 284.

социальных перемещений – шире⁷². Поскольку социальная мобильность включает только социальные перемещения сопровождаемые «изменением статуса, социальной позиции группы и индивида в структуре общества, их движение из одного социального слоя в другой, из одного класса в другой»⁷³. Очевидно, что существуют и другие виды социальных перемещений. Так, повседневные перемещения, которые реализуются молодыми людьми во время досуга, не сопровождаются изменением социального статуса, однако являются социально значимыми и социально обусловленными.

До тех пока мы рассматриваем повседневные перемещения исключительно в физическом пространстве, они остаются за пределами предметного поля социологии. Поскольку перед нами стоит задача выявить социальные свойства повседневных перемещений в досуговых практиках молодежи и факторы их детерминирующие, необходимо определить их в пространстве социальном.

Одним из первых социологов, включивших социальное пространство в рамки своей теории, стал великий русский мыслитель П. А. Сорокин. Социальное пространство он противопоставляет физическому, и определяет как иерархически организованную структуру социальных отношений⁷⁴. Положение, занимаемое индивидом в социальном пространстве, складывается из «совокупности его связей со всеми группами населения, а внутри каждой из этих групп – совокупности его связей с их членами»⁷⁵. Изменения положения индивида в социальном пространстве анализируются при помощи теории социальной мобильности. При таком подходе изменение положения в социальном пространстве неизбежно сопровождается изменением групповой принадлежности

---

⁷² Следует отметить существование противоположного подхода. Руткевич М. Н. (Руткевич М. Н. Макросоциология: Методологические очерки. М., 1995. С. 54) трактует социальное перемещение как составную часть социальной мобильности, т. е. как более узкое понятие. Предполагается применение понятия «социальное перемещение», когда речь идет о переходах отдельных индивидов из одних слоев в другие и «социальная мобильность» – при изменениях положения целых групп в условиях определенной социальной системы. Количественный критерий для различения данных понятий представляется сомнительным, поскольку сам П. А. Сорокин выделял индивидуальную и групповую социальную мобильность.

⁷³ Зборовский Г. Е. Общая социология: Учебник. 3-е изд., испр. и доп. М., 2004. С. 284.

⁷⁴ Под социальным пространством П. А. Сорокин понимает «некую вселенную, состоящую из народонаселения земли. ... одна особь не может иметь в мире никакого отношения к другим. Она может находиться только в геометрическом, но не в социальном пространстве» (Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 298).

⁷⁵ Сорокин П. А. Социальная мобильность. М., 2005. С. 5.

индивида, сменой его социального статуса, что не позволяет нам анализировать повседневные перемещения.

Особый взгляд на социальное пространство развил французский социолог П. Бурдьё. Исходной точкой своих рассуждений он называет тот факт, что «человеческие существа являются в одно и то же время биологическими индивидами и социальными агентами»⁷⁶. Вследствие этого каждый человек обладает определенной «локализацией» в физическом пространстве и определенным «положением, рангом» в социальном пространстве⁷⁷.

П. Бурдьё, как и П. А. Сорокин, отмечает качественную отличность социального пространства от физического (геометрического), но указывает на их взаимосвязь: социальное пространство стремится найти выражение в пространстве физическом. Таким образом, физическое пространство, в котором живет современный человек, социально сконструировано и обусловлено. Структура социального пространства основана на неравном распределении различных видов капитала. Ввиду того, что социальное пространство выражается в физическом, факт неравномерного распределения капиталов⁷⁸ отражается в организации физического пространства и наблюдается через разные возможности доступа индивидуальных и коллективных агентов к благам и услугам⁷⁹. Неравномерное распределение благ и услуг обнаруживается в их концентрации в физическом пространстве: существуют пространства «насыщенные» благами и пространства «лишенные» благ (как, например, столица и провинция). В связи с этим Бурдьё в качестве методологического принципа анализа социального пространства предлагает проводить четкое различие между физическим и социальным пространством для того, чтобы определить, как локализация в определенном месте сказывается на представлении агентов об их позиции в социальном пространстве.

---

⁷⁶ Бурдьё П. Социология социального пространства. СПб., 2007. С. 39.

⁷⁷ Социальное пространство многомерно, и в различных социальных полях индивид может занимать различное положение.

⁷⁸ Структура социального пространства основана на неравном распределении различных видов капитала между позициями (так же как и три стратифицирующих критерия П. А. Сорокина).

⁷⁹ Бурдьё П. Социология социального пространства. СПб., 2007. С. 54.

Концепция П. Бурдьё в рамках нашей работы интересна тем, что впервые признает существование взаимосвязи между социальным и физическим пространством. Кроме того, французский исследователь обнаруживает взаимосвязь между структурой социальных отношений и практическими повседневными взаимодействиями людей. Как было показано выше, структура социального пространства, с одной стороны, задает правила действия агентов⁸⁰, с другой стороны, социальное пространство – результирующая обыденной практической деятельности социальных агентов⁸¹. Таким образом, есть основания считать, что повседневные перемещения, как часть такой обыденной практической деятельности также определяются положением индивида в социальной структуре, его статусной позицией, принадлежностью к определенным социальным общностям.

Вместе с тем П. Бурдьё стремится к описанию структуры социального пространства, т. е. социальное пространство рассматривается им в статике, а не динамике. Исследования П. Бурдьё ориентированы на изучение того, как структура социального пространства отражается и закрепляется в структуре физического пространства. Этот факт, а также методологический принцип разделения физического и социального пространства не позволяют в полной мере использовать данный подход в исследовании повседневных перемещений.

Современная отечественная социология при определении социального пространства стремится учесть достижения представленных теорий и преодолеть их недостатки, в результате чего возникают «комплексные» подходы. Так, А. Ф. Филиппов, характеризуя социальное пространство, отмечает, что это и порядок социальных позиций, и его объективация в физическом пространстве⁸².

---

⁸⁰ «Воспроизводство социальных отношений основано исключительно на габитусе, т. е. на диспозициях ... толкающих агентов совершать постоянную работу по поддержанию социальных отношений» (Бурдьё П. Социология социального пространства. СПб., 2007. С. 111).

⁸¹ «Социальный мир в значительной мере есть то, что делают в каждый момент его агенты» (Там же. С. 32).

⁸² «Социальное пространство. 1. Порядок социальных позиций, например, статусов, сосуществующих таким образом, что занятие одной позиции исключает занятие другой, подобно тому, как в физическом пространстве вещи одной и той же природы не могут занимать в одно и то же время одно и то же место. 2. Характеристика любого пространства (зоны, территории, места, региона, локала), поскольку его составляющие (границы, объекты) имеют социальное происхождение. 3. Физическое пространство, поскольку на него проецируется принцип распределения и соотношения социальных позиций» (Филиппов А. Ф. Социология пространства. СПб., 2008. С. 262).

Г. Е. Зборовский в социальном пространстве выделяет также несколько аспектов. С одной стороны, социальное пространство – часть объективной социальной реальности. С другой стороны, социальное пространство представляет собой «пространство социального взаимодействия общностей» и индивидуального бытия, в котором «локализуется деятельность человека по определенным сферам с точки зрения места их проявления»⁸³. В этом смысле социальное пространство включает в себя и «зону свободного времени», и «область межличностного общения», а характеристиками социального пространства становятся направленность и интенсивность перемещений. Именно за счет перемещений социальное пространство воспроизводится⁸⁴.

Другими словами, в социальном пространстве выделяется несколько слоев и уровней. Социальное пространство на макроуровне анализируется через взаимодействия между социальными общностями и институтами, на микроуровне оно может быть рассмотрено через взаимодействия индивидов в их повседневной активности. Если рассматривать «слои» социального пространства, то в нем можно выделить предметно-вещную среду, т. е. среду обитания или «пространственно-территориальный ареал деятельности людей», а также непосредственно пространство социальных отношений⁸⁵. Эти два слоя социального пространства в условиях современного цифрового общества, мы считаем, необходимо дополнить виртуально-коммуникационной средой. Виртуальная реальность и современные средства коммуникации становятся неотъемлемой частью жизни человека и образуют новую среду его жизнедеятельности по своему значению схожую с предметно-вещной средой.

Эти изменения стали возможными благодаря развитию технических устройств и технологий, которые представляют собой одновременно средства и среды для массовых и межличностных социальных взаимодействий и коммуникаций. Устройства и технологии позволяют удовлетворять потребности

---

⁸³ Зборовский Г. Е. Пространство и время как форма социального бытия. Свердловск, 1974. С. 14.

⁸⁴ Там же. С. 69.

⁸⁵ Г. Е. Зборовский рассматривает общественную и географическую среду как элементы социального пространства, которое в свою очередь, выступает одновременно и условием и формой многообразных общественных отношений.

людей не только в коммуникации и взаимодействии, но и в самоутверждении и самореализации, а также демонстрации собственной позиции и статуса.

Особенность виртуально-коммуникационной среды состоит в том, что она предоставляет возможности для публичной коммуникации, а также для межличностных коммуникаций и взаимодействий, в силу территориальной или социальной дистанции между субъектами практически неосуществимых в предметно-вещной среде⁸⁶. Высказывания в интернете⁸⁷ становятся доступными для просмотра неограниченного круга лиц и, таким образом, основанием для неограниченного числа социальных взаимодействий. Виртуально-коммуникационная среда создает условия, при которых число «зрителей» – потенциальных участников социального взаимодействия значительно выше, чем в предметно-вещной среде⁸⁸. При этом социальные связи, объединяющие «наблюдателя» и «исполнителя» можно охарактеризовать как слабые, не подкрепленные регулярными межличностными взаимодействиями и высоким уровнем информированности друг о друге. Это открывает возможности для конструирования индивидами социально-статусной принадлежности и представления желаемого образа себя через презентацию привлекательных социальных позиций. Кроме того, доступность «публичных высказываний» по различным вопросам создает условия, при которых снижаются барьеры для

---

⁸⁶ Эта тенденция отражается даже в практике конкретных социологических исследований, которые в силу труднодоступности респондентов и высокого уровня фальсификации данных отказываются от квартирных и телефонных опросов пользу интернет-исследований. «В мире же отказываются от поквартирных опросов и переходят на более технологичные автоматизированные телефонные (АСАТ) или личные опросы (АСАСИ-опросы), онлайн интервью, позволяющие в автоматическом режиме собирать параданные, значительно снижающие масштабы фальсификаций и практически исключают фабрикацию» (Рогозин Д. М., Ипатова А. А. Насколько разумна наша вера в результаты «бумажных» квартирных опросов? М., 2015. С. 111).

⁸⁷ Это могут быть сообщение (пост) на собственной странице в виртуальной социальной сети, в виртуальном сообществе жильцов многоквартирного дома комментариев на сайте онлайн магазина или к новости на одном из информационных проектов.

⁸⁸ Так, современному городу и отношениям между горожанами, по-прежнему, свойственна анонимность и дистанцированность описанная Г. Зиммелем (Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. 2002. № 3–4. С. 23–35.), а также «эффект большого города», когда нормой становится максимальное невмешательство в жизнь другого человека (Милграм С. Эксперимент в социальной психологии. СПб., 2000. 335 с.). В современном же интернет-пространстве снижается анонимность пользователя, а невмешательство и вовсе не является нормой, скорее наоборот. В России тенденция снижения анонимности в интернете закреплена нормативно: «выработать систему доверия в сети «Интернет»...исключающую анонимность, безответственность пользователей и безнаказанность правонарушителей в сети «Интернет» (Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы». URL: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/1110145/>). Снижение анонимности и увеличение взаимного участия в виртуально-коммуникационном пространстве отражает идеи «глобальной деревни» (Маклюэн М. Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего. М., 2005. 495 с.).

достижения роли эксперта: экспертность определяется не сообществом профессионалов, а неспециалистами. Следствием этого становится появление новых внеинституциональных форм социальной мобильности, когда оказывается возможным убедить «неспециалистов» в экспертности своего мнения и, таким образом, заслужить авторитет в какой-либо сфере. Этим можно объяснить феномен «звезд» и «профессионалов», которые приобрели свою популярность в интернете.

С развитием телекоммуникационных сетей появляются новые возможности опосредованных социальных взаимодействий, таких как общение по электронной почте, посредством мобильных мессенджеров, в виртуальных социальных сетях. Телекоммуникационные сети соединяют отдельных пользователей, таким образом, укрепляют существующие сети межличностных контактов, происходит «виртуализация» реальных социальных сетей⁸⁹. Кроме того, сети межличностных контактов, прежде ограничивающиеся друзьями, родственниками и коллегами расширяются⁹⁰ за счет новых контактов, приобретаемых в виртуальном пространстве. В результате чего мы можем говорить о том, что виртуально-коммуникационная среда становится основанием для существования и развития социальных связей и отношений.

Поскольку телекоммуникационные сети способствуют становлению, утверждению, демонстрации социального статуса, укреплению и расширению индивидуальных сетей контактов, доступ к ним в современном обществе становится важным ресурсом. Так, согласно теории «цифрового разрыва» существует дифференциация населения в зависимости от доступа к сети интернет. Эта дифференциация имеет разные масштабы и уровни. Отличия в доступе к сети интернет существуют между развитыми и развивающимися странами. В развитых странах доступ к телекоммуникационным сетям распределен неравномерно между разными социальными группами. Неравенство определяется

---

⁸⁹ Рыков Ю. Г. Виртуальное сообщество как социальное поле: неравенство и коммуникативный капитал // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Том XVI. № 4 (69). С. 44–60.

⁹⁰ Стриженко А. А. Виртуальные сообщества как участники компьютерно- опосредованной коммуникации // Мир науки, культуры, образования. 2010. № 3. С. 67–69.

возможностями технического оснащения, имеющегося в распоряжении социальных субъектов, а также навыками и целями использования телекоммуникационных технологий: «Неравный доступ и вариативное использование интернета связываются, в свою очередь, с влиянием индивидуальных (пол, возраст, этническая принадлежность, состояние здоровья) и социально-экономических (уровень доходов и образования, квалификация и занятость, место проживания) различий»⁹¹.

В зависимости от цели реализации опосредованные телекоммуникационными сетями взаимодействия подразделяются на такие, которые осуществляются ради социального взаимодействия, имеющего место в реальном физическом пространстве, и взаимодействия, ценные сами по себе, реализуемые ради самой виртуальной коммуникации, неформального общения. И те, и другие используются для укрепления существующих у индивида сетей межличностного общения. Между тем «ценные сами себе» опосредованные взаимодействия, в которых участвуют ранее незнакомые люди, становятся основой для формирования обособленных социальных пространств – виртуальных сообществ. Взаимодействия этих сообществ могут переноситься в предметно-вещную среду, в результате, как и любые другие социальные отношения, они включаются в социальный капитал социального субъекта. Вместе с тем структура виртуальных онлайн сообществ видится исследователям иерархической: существует неравномерное распределение авторитета и власти⁹² и, соответственно, неравный доступ к получению выгод.

По аналогии с предметно-вещной средой виртуально-коммуникационную среду мы рассматриваем как одну из составляющих социального пространства по следующим причинам. Во-первых, в виртуально-коммуникационной среде осуществляются взаимодействия между социальными группами и общностями (то, где социальные роли исполняются, а социальные отношения производятся и воспроизводятся). Во-вторых, в виртуально-коммуникационной среде могут быть

---

⁹¹ Рыков Ю. Г. Сетевое неравенство и структура онлайн-сообществ // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. Том XVIII. № 4 (81). С. 144–156.

⁹² Там же. С. 146.

также выделены отдельные сферы индивидуальной жизнедеятельности человека: одни устройства, технологии и ресурсы используются для работы, другие для досуга или самообразования, третьи – для общения. В-третьих, вследствие «цифрового неравенства» и виртуализации сетей межличностных контактов, можно утверждать, что социальное пространство как пространство отношений и иерархически организованных статусных позиций объективируется в виртуально-коммуникационной среде. В-четвертых, в виртуально-коммуникационной среде возможно формирование новых социальных контактов, а на их основе социальных взаимодействий, связей и отношений. В-пятых, виртуально-коммуникационная среда, как и предметно-вещная становится пространством, в котором происходит самореализация и конструирование идентичности личности: индивиды реализуют социальные роли и, таким образом, достигают определенных статусных позиций или утверждают в имеющихся.

В результате мы утверждаем, что возникает связка «предметно-вещная среда – социальное пространство – виртуально-коммуникационная среда», в которой предметно-вещная среда и виртуально-коммуникационная среда становятся «материальными» формами существования социальных отношений и иерархически организованных статусных позиций (то, как социальные роли исполняются). Таким образом, повседневные перемещения, осуществляемые в виртуально-коммуникационной и предметно-вещной среде социального пространства, оказываются необходимыми для исполнения статусно-ролевого набора личности.

Стоит отметить, что воображаемые перемещения в мечтах или при просмотре телепутешествий не осуществляются в социальном пространстве, поскольку не способствуют ни изменению, ни подтверждению социальной позиции индивида. Воображаемые перемещения в мечтах реализуются в границах сознания отдельного человека и не влияют на его отношения с другими. Телевидение представляет собой коммуникацию, т. е. «процесс передачи информации»⁹³, обмена информацией при этом не происходит. Конечно, выбор

---

⁹³ Социологический энциклопедический словарь. М., 2000. С. 133.

телепередач осуществляется не только в соответствии со вкусами и предпочтениями индивида, но также его социально-статусными характеристиками. Вместе с тем для того, чтобы на основе этой коммуникации произошло перемещение в социальном пространстве, необходимы физические или виртуально-коммуникационные перемещения. Так, чтобы утвердиться в роли телезрителя, может потребоваться звонок в студию или участие в СМС-голосовании. Если под впечатлением от телепередачи будет принято решение о путешествии, исполнение роли туриста потребует физических перемещений. Если полученная информация покажется полезной для кого-то из друзей или близких, индивиду необходимо будет связаться/встретиться с ними и исполнить роль заботливого друга/родственника.

Представленный выше анализ позволяет определить повседневные перемещения как рутинные, возвратные, регулярные перемещения индивидов и групп, реализуемые в пространственно-территориальном ареале их деятельности и/или виртуально-коммуникационной среде, детерминируемые структурой социальных отношений свойственных конкретному обществу и направленных на становление/поддержание статусно-ролевого набора личности.

Любая активность субъекта, которая характеризуется повторяемостью, через короткое время начинает руководствоваться стереотипом⁹⁴. Стереотипизация поведения индивидов происходит в повседневности, о чем пишет Л. Г. Ионин, определяя повседневность как «процесс жизнедеятельности индивидов, развертывающийся в привычных общеизвестных ситуациях на базе самоочевидных ожиданий»⁹⁵. Нами было определено, что и досуговые практики, и повседневные перемещения характеризуются рутинизированностью, т. е. осуществляются бессознательно, на основе стереотипов. Сами стереотипы являются устойчивыми программами воспроизводства субъекта⁹⁶. Таким образом, повседневные перемещения в досуговых практиках способствуют воспроизводству социальных свойств личности. А. В. Меренков подчеркивает

⁹⁴ Меренков А. В. Социология стереотипов. Екатеринбург, 2001. С. 246.

⁹⁵ Ионин Л. Г. Повседневность // Культурология. XX век: энциклопедия. Т. 2. СПб., 1998. С. 104–105.

⁹⁶ Меренков А. В. Социология стереотипов. Екатеринбург, 2001. С. 30.

первичность групповых стереотипов по отношению к индивидуальным⁹⁷. Это дает основания для исследования закономерностей, которые отличают представителей различных социально-статусных групп в повседневных перемещениях во время досуга.

Повседневные перемещения в досуговых практиках осуществляются на основе стереотипов, и в связи с этим их действительное значение не осознается социальными субъектами. Не смотря на это, при исполнении социальных ролей в процессе поддержания межличностных социальных отношений и сохранении себя как социального субъекта человек бессознательно участвует в воспроизводстве собственного социально-статусного набора. Повседневные перемещения в досуговых практиках осуществляются ради самосохранения социальных общностей, воспроизводства их социальной структуры через воспроизводство социально-статусных характеристик социальных субъектов, что в конечном счете обнаруживает и дифференциацию между индивидами и группами. Социальное значение осуществляемых на основе стереотипов повседневных перемещений в досуговых практиках не осознается социальными субъектами, поскольку ориентировано на реализацию общей потребности функционирования. Потребность функционирования подразумевает сохранение себя как индивида и как представителя определенных социальных групп⁹⁸. В свою очередь общая потребность функционирования раскрывается через ряд конкретных потребностей, которые и воспринимаются социальными субъектами как внутренняя необходимость. Сохранение себя как представителя определенных социальных групп осуществляется в семейном, дружеском и т. п. общении. Сохранение себя как индивида в рамках нашей работы уточняется через конкретные потребности в отдыхе и досуговые потребности, реализуемые в одиночестве. Способы удовлетворения конкретных потребностей ограничиваются требованиями социальных ролей и ценностными ориентациями. Ценностные ориентации содержат в себе критерии отбора приемлемых социальных паттернов.

---

⁹⁷ Меренков А. В. Социология стереотипов. Екатеринбург, 2001. С. 33.

⁹⁸ Там же. С. 78.

Таким образом, основу повседневных перемещений в досуговых практиках составляют перемещения, ориентированные на удовлетворение потребностей в общении и отдыхе, а их траектории определяются целями и ценностными ориентациями.

Исходя из предложенной трактовки повседневных перемещений, можно выделить телесные (физические) перемещения и виртуально-коммуникационные. Принятие решения об использовании определенного вида повседневного перемещения соотносится с их целями и имеющимися возможностями. Представляется, что становление/поддержание статуса через исполнение определенной социальной роли как конечная цель повседневного перемещения, может быть конкретизировано через потребности, удовлетворению которых способствует перемещение. Так, физические повседневные перемещения осуществляются ради удовлетворения потребностей в (со)присутствии и непосредственном взаимодействии, продиктованных необходимостью исполнения определенной роли. Виртуально-коммуникационные перемещения также входят в требования исполнения различных социальных ролей, однако исполнение этих требований не связано с необходимостью присутствия в определенном месте, поскольку ориентировано на опосредованные взаимодействия, межличностные и публичные коммуникации.

Для понимания различий между физическими и виртуально-коммуникационными перемещениями необходимо обратиться к понятию места. В социологии складывается подход, при котором место рассматривается как часть пространства, очерченная границами⁹⁹ и обладающая социальным значением. Социальное значение места возникает в результате взаимосвязи между социальным и физическим пространством: «место служит центром кристаллизации социальных связей»¹⁰⁰. Разрабатывая концепцию места, западные исследователи подчеркивают, что места обладают самостоятельной ценностью¹⁰¹,

---

⁹⁹ «Таково государство, исключаящее на своей территории другие государства» (Филиппов А. Ф. Обоснование теоретической социологии: введение в концепцию Георга Зиммеля // Социологический журнал, 1994. Том. 0. № 2. С. 65–81).

¹⁰⁰ Филиппов А. Ф. Социология пространства. СПб., 2008. С. 109.

¹⁰¹ Auge M. Non-places: Introduction to an anthropology of super-modernity. London, 1995. 122 p.

которая ощущается¹⁰² социальными акторами¹⁰³. На основе эмоциональных и смысловых связей между социальными субъектами и местами возникают определенные представления, которые оказывают решающее влияние на принятие решений о перемещениях в повседневной жизни людей. Места обладают способностью притягивать или отталкивать социальные субъекты, в связи с этим они становятся остановками¹⁰⁴, точками начала или конца маршрутов¹⁰⁵. Более того, места оказываются тесно связанными с процессами конструирования территориальной идентичности: будь то национальная¹⁰⁶ или, например, городская¹⁰⁷ идентичность. Р. Ольденбург¹⁰⁸ указывает, что особое значение для объединения горожан в сообщества и формирования у них чувства сопричастности и идентичности имеют не места проживания или работы, а общественные места для неформальных встреч.

Именно между местами проживания и общественными местами для неформальных встреч осуществляются физические перемещения в досуговых практиках. Продолжая обозначенную логику, мы утверждаем, что места связаны и с процессом формирования социальной идентичности личности, поскольку различные места в городском пространстве ассоциируются с различными социально-статусными группами. Таким образом, «перемещение между различными местами может стать источником статуса»¹⁰⁹. Присутствие в определенных местах в соответствии со сложившимися представлениями о них свидетельствует о социально-статусной принадлежности личности и оказывается необходимым для исполнения социально-ролевого набора. Места, как конечные

¹⁰² И-Фу Туан вводит понятие «ощущаемая ценность» (Tuan Y.F. Space and place. The perspective of experience. Mineapolis, 2001. 496 p.).

¹⁰³ «Дома вы член семьи, мать, отец, супруг или супруга, на работе менеджер, токарь, скрипач, журналист, инженер, на курорте – отдыхающий, отпускник, курортник, в поликлинике – больной, в магазине – покупатель, но в промежуточных местах вас будто нет: вы уже вышли из одной важной для себя функциональности, но не вошли в другую, хотя и держите их в голове» (Яцутко Д. Слово о транзитных пространствах. URL: <https://22century.ru/popular-science-publications/transitional-spaces>).

¹⁰⁴ По И-Фу Туану, пространство – это движение и действие, а место – это остановка и вовлечение (Tuan Y. F. Languages and the making of place: a narrative descriptive approach // Annals, Association of American Geographers. 1991. Vol. 81. № 4. Pp. 684–696).

¹⁰⁵ Morris M. At Henry Parkes Motel // Cultural studies. 1988. Vol. 2. № 1. Pp.1–47.

¹⁰⁶ Урри Дж. Мобильности. М., 2012. 394 с.

¹⁰⁷ Веселкова Н. В., Прямикова Е. В., Вандышев М. Н. Места памяти в молодых городах. Екатеринбург, 2016. С. 16.

¹⁰⁸ Ольденбург Р. Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества. М., 2014. 456 с.

¹⁰⁹ Урри Дж. Мобильности. М., 2012. С. 76.

точки маршрутов, «представляют собой узлы, связывающие это пространство и выстраивающие траектории»¹¹⁰ повседневных перемещений.

В отличие от физических перемещений, виртуально-коммуникационные перемещения не требуют от социального агента присутствия в определенном месте. Отсутствие информации о местонахождении осложняет процесс взаимной социальной идентификации для участвующих во взаимодействии. В связи с этим виртуально-коммуникационное перемещение менее чувствительно не только к территориальным барьерам, но и барьерам, препятствующим преодолению социальной дистанции. Оно открывает возможности для утверждения в привлекательных, по мнению индивида, социальных статусах.

Другая особенность виртуально-коммуникационных перемещений состоит в том, что они реализуются в ситуациях, когда физическое соприкосновение может быть заменено «виртуальной близостью»¹¹¹, и создают основание для потенциальных взаимодействий. Они оказываются необходимыми для установления соединения, связи с другими социальными субъектами ради исполнения ролевых обязательств посредством различных коммуникационных устройств и технологий. Виртуально-коммуникационное перемещение не тождественно виртуальному общению или общению по телефону. Оно представляет собой создание/установление соединения в технико-технологическом смысле: открытие окна для обмена мгновенными сообщениями, страницы в социальной сети или соединение по мобильному телефону. Так, при физическом перемещении индивиды могут находиться в одном месте, но не встретиться, при этом нельзя отрицать факта осуществления перемещения. При виртуально-коммуникационном перемещении, перемещение также может быть реализовано без взаимодействия, например, индивид может «зайти» на страницу друга в социальной сети, посмотреть его обновления (фотографии, статусы и т. д.), но не вступить во взаимодействие.

---

¹¹⁰ Веселкова Н. В., Прямикова Е. В., Вандышев М. Н. Места памяти в молодых городах. Екатеринбург, 2016. С. 16.

¹¹¹ Урри Дж. Мобильность и близость // Социологические исследования. 2013. № 2. С. 3–14.

В случае использования физических перемещений индивиду/группе для исполнения ролей и становления/поддержания статуса приходится изменять свое положение в физическом пространстве и пересекать границы места своего жительства. При этом перемещение может осуществляться как без использования, так и с использованием транспортных средств (трамвай, троллейбус, автобус, автомобиль, поезд, самолет). В виртуально-коммуникационных перемещениях речь идет об использовании технических ресурсов в виде телефонов, компьютеров, планшетов и пр., которые позволяют осуществить повседневные перемещения, оперативно преодолевая значительные расстояния, для исполнения ролей и становления/поддержания статуса, не требуя фактического изменения местоположения. Виртуальный мир создал новые возможности, частично заменяющие необходимость физического присутствия. Таким образом, в физических и виртуально-коммуникационных перемещениях используются принципиально разные возможности для повседневных перемещений.

В представленные выше виды повседневных перемещений помимо средств перемещения и расстояния включается еще один критерий – время, которое индивид затрачивает на преодоление расстояний: телесные перемещения требуют больших временных затрат, нежели виртуально-коммуникационные. Соответственно, преодоление расстояния обладает темпоральным измерением. Повседневные перемещения предполагают «вписанность» индивида/группы в систему событий. С одной стороны, темпоральность характеризует перемещения как одновременные или последовательные. Физические перемещения характеризуются последовательностью: пока не завершено одно перемещение – другое не может начаться, движение по маршруту происходит поэтапно в определенном порядке; не достигнув остановки определенного вида транспорта, индивид не сможет воспользоваться им. Виртуально-коммуникационные перемещения с большей вероятностью оказываются одновременными: распространение программ по обмену мгновенными сообщениями позволяет вести несколько бесед параллельно, кроме того написание текстового сообщения

может сопровождаться разговором по телефону. Использование различных мобильных устройств (смартфоны, ноутбуки, планшеты и т. д.) позволяет одновременно осуществлять физические и виртуально-коммуникационные перемещения, такая практика отражается на развитии технических средств: появление и демократизация bluetooth-гарнитуры и громкой связи в автомобиле (hands free), отвечают потребностям одновременных перемещений.

С другой стороны, индивид осуществляет перемещения в соответствии с ориентацией во времени. Современные индивидуальные повседневные перемещения представляют собой слабо синхронизированные системы. Индивидам необходимо тщательно согласовывать время для того, чтобы встреча состоялась, иногда это происходит вплоть до наступления самого события встречи. Также существуют формальные обязательства присутствия на время начала/завершения события, которые свидетельствуют о необходимости следования сложившейся системе норм.

Таким образом, удовлетворение потребностей присутствия и непосредственного взаимодействия соотносится с имеющимися у индивида возможностями и значимостью удовлетворения этих потребностей. При невысокой значимости и/или ограниченных возможностях физическое перемещение может быть заменено виртуально-коммуникационным, как например, общение с родственниками посредством Skype, проживающими территориально отдаленно. Вместе с тем, несмотря на высокие затраты физических перемещений, они не всегда могут быть заменены виртуально-коммуникационными. Так, байкер не может заменить реальные поездки поездками на компьютерном симуляторе, поскольку в таком случае конституирующий образец поведения не будет исполнен.

Представленные выше рассуждения задают вектор определения основных пунктов, образующих маршруты повседневных перемещений. Для обозначения этих пунктов в рамках нашей работы мы используем понятие смысловой точки. Понятие смысловой точки представляется родственным понятию «точка вращения» (Drehpunkt), введенному Г. Зиммелем. Точка вращения «означает, что

только в данном и ни в каком другом месте могут соприкоснуться между собой элементы, в остальном независимые (таково, например, место отправления правосудия)»¹¹². Таким образом, «точка вращения» является местом локализации, где встречаются и вступают во взаимодействие социальные группы, обычно не пересекающиеся. Смысловая точка в нашем понимании – пространственное основание, необходимое представителям социальных групп для исполнения их ролевых обязательств, значимых рутинных социальных действий и взаимодействий. В предметно-вещной среде социального пространства смысловая точка имеет форму места, в виртуально-коммуникационной – это установленное соединение, которое может быть окном для обмена мгновенными сообщениями, страницей в социальной сети или соединением по мобильному телефону.

Смысловые точки образуют смысловую карту, которая представляет собой определенный порядок, отражающий маршруты повседневных перемещений (т. е. основные пункты, способы и направления перемещений) реализуемые социальным субъектом. Смысловые карты существуют у социальных субъектов вне зависимости от интенций исследователя¹¹³. Маршруты повседневных перемещений, таким образом, следует определить как устойчивые направления перемещений и соответствующие им возможности и способы перемещений внутри совокупности смысловых точек, т. е. смысловой карты индивидов и социальных групп. Следует подчеркнуть вероятное отличие в «будничных» (включают перемещения в течение рабочей недели) и «воскресных» (включают перемещения в выходные и праздничные дни) повседневных маршрутах в досуговых практиках молодежи. Это отличие возникает вследствие того, что бюджеты времени, определяемые для досуговых практик в праздничные и

¹¹² Цит. по Филиппов А. Ф. Социология пространства: общий замысел и классическая разработка проблемы // Логос. 2002. № 2. С. 113-151.

¹¹³ Подчеркнем, что в своей работе мы используем понятие смысловой карты, а не ментальной карты. Поскольку ментальные карты представляют собой метод конкретного социологического исследования и продукт применения этого метода (Веселкова Н. В. Ментальные карты города: вопросы методологии и практики использования // Социология: методология, методы, математические модели. 2010. № 31. С. 5–29). К данному методу мы не обращаемся. Во-первых, ментальные карты визуализируют представления о местности, а в задачи нашего исследования визуализация представлений о городе, создание образа города не входит. Во-вторых, метод ментальных карт позволяет изучать только физические перемещения. В-третьих, метод ментальных карт тяготеет к качественной исследовательской стратегии, что не позволяет определить распространенность различных типов маршрутов молодых людей в досуговых практиках.

выходные дни, превосходят по объему будничные. Маршруты повседневных перемещений определяются на основе потребностей, целей, ценностей индивидов, их представлений о желаемом и должном, в соответствии с их статусно-ролевой принадлежностью и обеспеченностью ресурсами, т. е. возможностями, а также регламентируются установленными социальными нормами.

Итак, в результате исследования сущности повседневных перемещений в досуговых практиках молодежи можно сделать следующие выводы.

Повседневные перемещения в досуговых практиках становятся основанием поддержания социального порядка, который, служит организации предсказуемой повседневной жизнедеятельности индивидов и групп. Для современных обществ отсутствие возможности осуществлять ожидаемые, привычные перемещения становится дестабилизирующим фактором: достаточно вспомнить драматизм новостных репортажей о «заблокированных» и «запертых» пассажирах, которые не могут воспользоваться услугами авиаперевозок из-за непогоды или ощущение оторванности от жизни, когда мы забываем мобильный телефон дома. Отсутствие возможности осуществлять привычные ожидаемые перемещения может категоризироваться как «сбой», нарушение привычного ритма жизни в масштабах жизни конкретного индивида или социальной группы. Что касается досуговых практик, то здесь также имеют большое значение предсказуемость и поддержание порядка собственной жизни, которые достигаются за счет повседневных перемещений. Вследствие повышающейся индивидуализации ежедневных расписаний зачастую согласование места и времени необязательных встреч, как раз таких, которые происходят во время досуга, происходит вплоть до момента наступления встречи: индивиды сообщают друг другу о своем местонахождении в процессе движения. Возникают новые нормы, регламентирующие этот процесс. Так, например, предупреждение об опоздании даже за небольшое время до начала встречи смягчает недовольство ожидающей стороны. Другой пример, распространение современных телекоммуникационных средств практически исключает возможность появления гостей «без предупреждения», современные

нормы общения предполагают предварительный звонок или сообщение, даже если вы случайно оказались рядом.

Повседневные перемещения в сфере досуга являются индивидуально и социально обусловленными, т. е. они связаны с выполнением институциональных, групповых и межличностных обязательств. «Перемещение – это социальный процесс, в основе которого – социально заданная необходимость присутствия в определенном месте и в определенное время»¹¹⁴. В связи с этим мы можем говорить не только о социальной обусловленности повседневных перемещений, но и о социальных характеристиках протекания и определенных социальных последствиях¹¹⁵.

В целом повседневные перемещения в досуговых практиках можно определить как рутинные, возвратные, регулярные перемещения во время, свободное от непреложных дел, детерминированные структурой социальных отношений, свойственных конкретному обществу, и осуществляемые на основе стереотипов в соответствии с определенными целями, ценностными ориентациями и возможностями удовлетворения широкого спектра потребностей в сфере досуга, способствующие становлению/поддержанию статусно-ролевого набора личности. С точки зрения темпорального критерия, повседневные перемещения в досуговых практиках реализуются, во-первых, в пределах суточного времени, во-вторых, в рамках времени, свободного от выполнения непреложных обязательств. С точки зрения пространственного критерия, повседневные перемещения в досуговых практиках осуществляются в пространственно-территориальном ареале деятельности индивидов и групп или виртуально-коммуникационной среде. Молодежь является наиболее чувствительной к изменениям социальной группой, и именно о факторах

---

¹¹⁴ Харламов Н. А. Новое общество или новая наука об обществе? Социология мобильностей Джона Урри // Мобильности. М., 2012. С. 20.

¹¹⁵ На социальную природу перемещений обращают внимание и другие исследователи: «... потребность в перемещении и потребность в мобильности – это суть две близкие по смыслу, но качественно отличающиеся по содержанию категории. Быть мобильным означает социальное свойство перемещения, мобильность содержится в умах людей, в знаниях, привычках, практических схемах» (Бочарова О. В. Истоки институционализации городского общественного транспорта // Теория и практика общественного развития. 2010. № 3. С. 102–106).

воспроизводства повседневных перемещений в досуговых практиках городской молодежи пойдет речь в следующем параграфе первой главы нашей работы.

1.2. Факторы воспроизводства повседневных перемещений в досуговых практиках городской молодежи

Воспроизводство повседневных перемещений в досуговой сфере находится под влиянием различного рода факторов, имеющих и объективную, и субъективную основу, и обусловленных совокупностью как сознательных, так и стихийных действий индивидов и групп в процессе жизнедеятельности. Анализ внешних факторов воспроизводства повседневных перемещений в досуговых практиках городской молодежи предполагает рассмотрение инфраструктуры городской среды, уровня технико-технологического развития современной системы коммуникаций, а также моды. При анализе внутренних факторов мы обратимся к исследованию принадлежности к определенной субкультуре и микросоциальной среде (семья, родственники, друзья).

В рамках нашей работы изучение факторов воспроизводства повседневных перемещений в досуговых практиках невозможно без выявления особенностей функционирования общности молодежи, которая, становится в современных условиях средоточием инновационной деятельности в досуговой сфере. Молодежь в современных трактовках социологов определяется как социально-демографическая общность со схожими возрастными и социально-психологическими характеристиками. Границы общности являются достаточно размытыми. В соответствии с различными управленческими целями возрастные

границы часто переопределяются¹¹⁶. Утвердившаяся в социологии позиция ограничивает возраст молодежи периодом от 14 до 30 лет¹¹⁷. Однако формальный критерий возраста – не единственный для определения границ данной социальной общности. Российский исследователь Ю. Р. Вишневецкий говорит о существовании «стилевого» подхода к определению молодежи, при котором в молодежную общность включаются все те, кто ведет молодежный образ жизни вне зависимости от возраста¹¹⁸, т. е. более значимыми характеристиками общности следует считать социально-психологические.

Молодость – это период между детством и зрелостью, который сопряжен с процессами самоопределения, социализации¹¹⁹, адаптации и интеграции в ключевые сферы жизнедеятельности человека и общества. Основной характеристикой рассматриваемой социальной общности является то, что ее представители находятся в процессе самоопределения. Социальное самоопределение сопряжено с необходимостью включения в разнообразные сферы общественной жизни и формированием устойчивой социальной идентичности¹²⁰. Включение в социальную структуру подразумевает «профессиональную ориентацию, приобретение профессии, выбор места жительства, адаптацию к трудовой деятельности, создание семьи, формирование позиций в культурной, общественной, политической сферах»¹²¹. В свою очередь, социальная идентичность состоит из духовно-ментальных (таких как ценностно-нормативные установки), социальных (совокупность социальных связей,

¹¹⁶ Согласно Всемирной программе действий, касающейся молодежи, ООН относит к молодежи население в возрасте от 15 до 24 лет (URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N96/771/45/PDF/N9677145.pdf?OpenElement>). В соответствии с Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 года № 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года», к категории «молодежь» относятся лица в возрасте от 14 до 30 лет, «а в некоторых случаях, ... до 35 и более лет» (URL: <http://docs.cntd.ru/document/420237592>). Вместе с тем в СМИ появилась информация, что ВОЗ изменила границы молодежного возраста для статистического учета: «По новой возрастной классификации Всемирной организации здравоохранения, от 25 до 44 лет – это молодой возраст» (URL: <http://www.ugra.kp.ru/daily/25957/2898006/>).

¹¹⁷ Российская социологическая энциклопедия. М., 1999. 666 с.

¹¹⁸ Вишневецкий Ю. Р., Шапко В. Т. Парадоксальный молодой человек // Социологические исследования. 2006. № 6. С. 26–36.

¹¹⁹ На данную характеристику указывает П. А. Сорокин (Сорокин П. А. Кризис современной семьи (социологический очерк) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 1997. № 3. С. 65–79), а также В. Т. Лисовский (Лисовский В. Т. О молодежи и молодежной политике: В 2 т. Т. 1. СПб., 2005. С. 36).

¹²⁰ Левичева В. Ф. Социальное самоопределение молодежи // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 2. С. 322–324.

¹²¹ Фомченкова Г. А. Институционализация безопасности молодежи в условиях трансформации российского общества. СПб., 2014. С. 137.

поведенческий аспект) и материально-экономических (доход, собственность, потребляемые товары) элементов¹²².

Социальное самоопределение отчасти происходит стихийно, когда в процессе социализации усваиваются социально-приемлемые ценностные и нормативные установки и поведенческие паттерны. В этом процессе ключевым агентом становится семья: дети усваивают как досуговые практики, реализуемые родителями, так и способы повседневных перемещений. С возрастом влияние семьи как агента социализации ослабевает, и ведущую роль начинают играть сверстники (референтная группа). Влияние сверстников и других референтных групп на самоопределение молодого человека усиливается в условиях непрерывно трансформирующегося российского общества. Происходит это потому, что самоопределение молодежи осуществляется через противопоставление культуре «взрослых» и создание собственной культуры, субкультуры. Е. Л. Омельченко в ходе исследований обнаруживает отторжение: «родители, пережившие лихие 90-е, в сознании поколения 20–25-летних являются лузерами, неудачниками»¹²³. Как следствие родительские статусы и исполняемые образцы поведения воспринимаются критично, не перенимаются безоговорочно. Молодым людям, ориентированным на модели поведения и потребления своих сверстников, в том числе зарубежные, оказывается значительно легче отказаться от установок и стереотипов поведения, которые транслируются представителями старшего поколения. Примером такого стереотипа может послужить известная киноцитата: «наши люди в булочную на такси не ездят». Сегодня ранее не доступные способы повседневного передвижения по городу демократизируются. Молодежь активно включается в новые практики досугового потребления в сфере повседневных перемещений, такие, как заказ такси посредством мобильных приложений и использование Uber¹²⁴. Однако имеющиеся установки и стереотипы

---

¹²² Пименова О. И. Глянцевый журнал как фактор конструирования социально-статусной идентичности молодежи. Екатеринбург, 2013. С. 12.

¹²³ Социолог Елена Омельченко – О поколении Крыма, прагматичном патриотизме и исчезновении готов. URL: <http://www.the-village.ru/village/people/city-news/178619-omelchenko>.

¹²⁴ Американская международная компания из Сан-Франциско, создавшая одноименное мобильное приложение для поиска, вызова и оплаты такси или частных водителей без посредников и операторов.

поведения часто препятствуют включению в них людей старшего возраста. Это касается и разнообразных альтернативных транспортных средств, таких как самокаты, велосипеды и т. д. Использование самоката в городской среде сегодня стало достаточно популярным среди молодежи, а для многих взрослых людей этот вид транспорта ассоциируется с детской субкультурой и исключается из возможных способов перемещений.

Отметим что, социальное самоопределение, приобретение социальной идентичности – процесс, который подразумевает и активную роль социального субъекта. Социальный субъект активен и осуществляет «самоконструирование» идентичности в том смысле, что он способен выбирать привлекательные для освоения социальные статусы и роли, социокультурные образцы¹²⁵. Это касается и образцов поведения, реализуемых в досуговых практиках и повседневных перемещениях. По утверждению О. Йенсена, повседневные перемещения могут быть проанализированы с точки зрения драматургического подхода И. Гофмана как акты конструирования идентичности¹²⁶. Так, например, велосипедист в городе может считать себя «спортсменом», «бедным студентом», «хипстером», «бэмером» и т. д. в соответствии с привлекательными для себя системами обоснования и стилями жизни. От избранной стратегии самоопределения будет зависеть его поведение, одежда, стиль езды, маршрут и, более того, модель велосипеда.

Выступая способом выявления и раскрытия индивидуальности молодого человека, самоопределение сегодня, зачастую, происходит через те досуговые практики, которые он реализует: какую музыку слушает, какие фильмы смотрит, в какие клубы ходит – а не в связи с его основным видом деятельности (местом и направлением обучения, сферой занятости и местом работы). Это обусловлено, снижением в современном российском обществе общественной значимости труда и заменой самоопределения в труде самоопределением посредством других сфер жизнедеятельности. Профессиональные статусы становятся менее постоянными,

---

¹²⁵ Пименова О. И. Глянцевый журнал как фактор конструирования социально-статусной идентичности молодежи. Екатеринбург, 2013. С. 12.

¹²⁶ Jensen O. Erving Goffman and everyday life mobility // The contemporary Goffman. New York, 2010. Pp. 333–351.

не такими стабильными как в советском обществе. Более того, сегодня, выбор направления обучения и образовательной организации не коррелирует напрямую с профессиональным самоопределением, поскольку допускается значительная вариативность карьерных биографий. Даже у определившегося с выбором направления обучения и образовательной организации молодого человека остается возможность кардинально изменить область профессиональных интересов посредством самообразования, услуг дополнительного образования, изменения профиля при переходе от одного уровня высшего образования к другому или вследствие принятия решения не работать по специальности при трудоустройстве. Таким образом, предпочтения в сфере досуга и реализуемые на основе стереотипов досуговые практики могут оказаться более устойчивыми и постоянными, создающими основу для социального самоопределения личности.

Особо следует подчеркнуть, что социальное самоопределение в досуговых практиках осуществляется в различных аспектах. С одной стороны, осознание человеком своей социальной позиции происходит через те практики, которые он реализует, в соответствии со сложившимися в обществе представлениями о том, для каких позиций и социальных групп они свойственны. С другой стороны, социальное самоопределение и принятие социальных ролей и статусов невозможно без общения и периодических встреч с представителями социальных групп, частью которых индивид себя считает.

При существующем сегодня многообразии стилей жизни помимо социально-статусных групп, без сомнения, следует учитывать существование молодежных субкультур и потребность молодых людей в конструировании социальной идентичности через вхождение в ту или иную субкультуру. Субкультура – это всегда особая микросоциальная среда, в которую включены значимые для молодежи субъекты – друзья. Принадлежность к субкультурам определяет ценностные и поведенческие паттерны, при этом как показывают эмпирические исследования, представители молодежных субкультур относятся к

разным социальным слоям¹²⁷, т. е. существующее многообразие невозможно зафиксировать посредством иных концептов. И повседневные перемещения, и конкретные досуговые практики могут охарактеризовать молодого человека как индивида, принадлежащего к определенной субкультуре. Для таких городских субкультур как байкеры, велосипедисты, скейтеры повседневные перемещения имеют особое, принципиальное значение: они образуют саму субкультуру. Через перемещения воспроизводится субкультура, т. е. идет взаимовлияние: перемещения воспроизводятся под влиянием субкультуры, субкультура функционирует благодаря перемещениям. В виртуальном пространстве к таким субкультурам можно отнести блогеров, для которых основой конструирования идентичности становится ежедневное обращение к своим подписчикам, рассматриваемое нами как форма виртуально-коммуникационного перемещения. Сам факт осуществления перемещений, а также то, как эти перемещения совершаются, является подтверждением принадлежности к определенной социальной группе: воспроизводятся социально-статусные характеристики как индивидов, так и группы в целом. Другими примерами субкультур, связанных с особенностями повседневных перемещений в досуговых практиках, могут стать социальные группы, созданные по принципу приверженности определенному средству передвижения, например, велосипедисты или автолюбители. Принадлежность индивида к определенной субкультуре, выступая фактором воспроизводства повседневных перемещений, свидетельствует об его идентичности и самоопределении.

Один из важнейших способов формирования группового и личностного самосознания – общение, реализуемое в свободное время¹²⁸. В современных условиях общение приобретает особенно важное значение, поскольку в связи с развитием постиндустриальной урбанистической культуры становится более

---

¹²⁷ Власова О. В. Молодежные субкультуры и образование: особенности взаимодействия в условиях северного города. Екатеринбург, 2013. С. 11.

¹²⁸ Баразгова Е. С., Лихачева Л. С. Досуг как пространство инновационной активности молодежи // Инновационный потенциал молодежи: патриотизм, образование, профессионализм: сборник материалов Международной молодежной научно-практической конференции (г. Екатеринбург, 27–28 октября 2015 г.). Екатеринбург, 2015. С. 17–25.

актуальной проблема преодоления одиночества. Другая причина увеличившейся значимости общения во время досуга связана с необходимостью воспроизводства социального капитала. В рамках нашей работы мы рассматриваем социальный капитал, с точки зрения индивидуалистического подхода (Дж. Коулман¹²⁹), как атрибут индивида. Формирование и поддержание социального капитала осуществляется посредством социальных взаимодействий, на основе которых строятся социальные связи и отношения, образующие личные индивидуальные сети. Социальный капитал как совокупность сильных и слабых связей становится значимым ресурсом для получения выгод в российском обществе, которое характеризуется высоким уровнем недоверия к официальным институтам и дисфункцией многих социальных институтов¹³⁰. В таких условиях социальный капитал является источником приобретения разнообразных выгод: от рекомендации врача до трудоустройства. Материалы эмпирических исследований свидетельствуют об осознании молодыми людьми значимости социального капитала¹³¹. В аспекте самоопределения обладание полезными социальными связями расценивается как индикатор принадлежности к привилегированным социальным группам.

Между тем чем больше социальный капитал индивида, тем, очевидно, больше усилий ему необходимо прикладывать для поддержания социальных связей и отношений, составляющих этот капитал. В результате происходит интенсификация физических и виртуально-коммуникационных перемещений. Таким образом, контакты или «удаленные другие»¹³², составляющие личные индивидуальные сети сказываются на повседневных перемещениях в досуговых практиках молодежи. В свою очередь, возможность осуществлять перемещения, необходимые для поддержания социального капитала, также становится важным

---

¹²⁹ Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // *Общественные науки и современность*. 2001. № 3. С. 122–139.

¹³⁰ См.: Жигарева П. А. Стратегии мобильности и сети доверия: анализ современных тенденций // *Социология власти*. 2015. № 4. С. 177–194; Бардина С. М. Кооперация или недоверие? Влияние объема социального капитала на стратегии экономического поведения // *Социология власти*. 2015. № 4. С. 159–176.

¹³¹ Треть студентов, участвовавших в мониторинговом исследовании в Свердловской области, считают, что реализации их жизненных планов помогут связи, знакомства. См.: *Студент – 2012: материалы шестого этапа социологического мониторинга*, декабрь 2011 – январь 2012. Екатеринбург, 2012. С. 151.

¹³² Урри Дж. *Мобильности*. М., 2012. С. 362.

ресурсом, поскольку неспособность участвовать во взаимодействиях, продиктованных ролевыми ожиданиями, препятствует поддержанию социальных связей и отношений.

Современные исследования досуга демонстрируют высокую ориентацию молодежи на воспроизводство социальных контактов и связей. Специалисты отмечают, что по сравнению с представителями старшего поколения, для которых ведущим мотивом досуговой деятельности является развитие, для современной российской молодежи характерен досуг, ориентированный на общение¹³³. Общение в отсутствие внешнего контроля со стороны «взрослых» является ключевой практикой для молодежных культур¹³⁴. Отличия между досугом молодых людей и старшего поколения фиксируются не только в структуре досуга, но и в его содержании. Неформальное общение российской молодежи значительно отличается от неформального общения старшего поколения, которое преимущественно общается с представителями семейно-родственного круга. Доля родственников в кругу неформального общения молодых людей значительно ниже, чем доля старых друзей, коллег, людей, с которыми общаются в компании или имеют общие хобби¹³⁵. Именно эти люди становятся основными агентами социализации и проводниками при выборе средств повседневных перемещений и маршрутов, проводниками в различных, новых для молодого человека социальных группах, принадлежность к которым способствует формированию его идентичности и самоопределению. Более того, эти люди образуют личные индивидуальные сети, качество которых определяет доступность разнообразных возможностей для молодого человека.

Направленность досуга молодежи на общение со сверстниками, в свою очередь, обуславливает рост внедомашнего досуга среди молодежи за период с 1997 по 2007 год¹³⁶. Современная городская молодежь чаще, чем их родители, посещает ночные клубы, концерты, кафе, бары, в большей степени увлекается и

---

¹³³ Молодежь новой России: образ жизни и ценностные приоритеты. М., 2007. С. 84.

¹³⁴ Омельченко Е. Л. Солидарности и культурные практики российской молодежи начала XXI века: теоретический контекст // Социологические исследования. 2013. № 10. С. 52–61.

¹³⁵ Молодежь новой России: образ жизни и ценностные приоритеты. М., 2007. С. 29.

¹³⁶ Там же. С. 83.

спортом. Происходит это потому, что для утверждения в новых для молодого человека статусных позициях и социальных ролях, в которых он предстает в общении со сверстниками, необходима реализация определенных досуговых практик, посещение соответствующих им мест в предметно-вещной среде и транслирование информации об этом в виртуально-коммуникационную среду¹³⁷.

В домашних досуговых практиках молодые люди в меньшей степени ориентированы на телевидение, чтение (как книг, так и периодической литературы), меньше вовлечены в домашние дела, больше времени проводят за компьютером или слушая современную музыку. Досуг «за компьютером» представляет собой многообразие досуговых практик: программирование, поиск информации в интернете, интернет-серфинг¹³⁸, общение в социальных сетях, компьютерные игры¹³⁹. По справедливому замечанию Е. Л. Омельченко, «компьютерная игра, сетевой контакт, общение по «аське» (ICQ) или скайпу включаются в дневной график, становясь не менее значимыми для удовлетворения от прожитого дня, чем выполненное задание по работе или учебе»¹⁴⁰.

Представляется, что отличия в домашних досуговых практиках могут быть объяснены потребностью молодых людей в социальном самоопределении и особенностями общественного развития. Важный элемент социального самоопределения молодых людей – включенность в новые для своего времени

¹³⁷ Эта функция перемещений обнаруживается и Дж. Урри, который обращает внимание на тот факт, что первые самостоятельные поездки в заграничные центры цивилизации, предпринимаемые молодыми людьми, представляют собой своеобразный «обряд перехода», знаменующий начало «взрослой» жизни (Урри Дж. Мобильности. М., 2012. С. 79).

¹³⁸ Интернет-серфингом названо посещение страниц web-сайтов. Занимаясь чтением новостей, просмотром фильмов, играя в онлайн игры, люди «серфят» в виртуальном пространстве. Для серфинга нужно установить на компьютер обозреватель. Это особая программа, предоставляющая возможность связываться с web-узлами и слушать, читать и смотреть информацию, содержащуюся в них. Благодаря ей можно также перемещаться к иным узлам, кликая по гиперссылкам. Открывающийся веб-документ может содержать другие ссылки. В результате пользователь «плывет» по океану информации. Поэтому используется название «серфинг» (Что такое интернет-серфинг? URL: <http://www.kakprosto.ru/kak-843318-chto-takoe-internet-serfing>).

¹³⁹ Распространение компьютерных и видеоигр на сегодняшний день привело к тому, что они стали не только досуговой практикой, киберспорт признан в России и официальным видом спорта (Приказ Министерства спорта Российской Федерации от 29.04.2016 № 470 «О признании и включении во Всероссийский реестр видов спорта спортивных дисциплин, видов спорта и внесении изменений во Всероссийский реестр видов спорта», Приказ Министерства спорта, туризма и молодежной политики Российской Федерации от 17.06.2010 № 606 «О признании и включении видов спорта, спортивных дисциплин во Всероссийский реестр видов спорта»).

¹⁴⁰ Омельченко Е. Л. От сытых нулевых – к молчаливым десяткам: поколенческие уроки российской молодежи начала XXI века // Социологический ежегодник: Сб. науч. тр. М., 2011. С. 243–263.

социальные практики. Появление и распространение телевидения в свое время выступало показателем научно-технического прогресса: «во второй половине 60-х гг. началась настоящая «экспансия» телевидения»¹⁴¹. Включенность в практики просмотра телевизора подразумевала одновременно самоопределение как человека современного обеспеченного, поскольку приобретение телевизора было доступно не всем. Сегодня приверженность старшего поколения телевидению свидетельствует о стереотипизированности сферы досуга: действия людей в ней осуществляются по привычке, на основе ранее созданных и принятых смыслов.

Телевидение не имеет подобных смыслов для современных молодых людей. Вместе с тем научно-технический прогресс все-таки оказывает влияние на их досуговые практики. Этим обусловлен интерес к проведению времени за компьютером. Те, кого сегодня относят к «молодежи», родились в доцифровую эпоху, их называют «цифровыми мигрантами»¹⁴². Они активно перемещаются в различных пространствах (и в пространственно-предметной среде, и в виртуально-коммуникационной), используя для этого технические и коммуникационные устройства. Молодые люди находятся в движении: они могут менять свои планы на ходу, «пересогласовывать» встречи, поэтому представители этого поколения доступны для взаимодействий, вне зависимости от местоположения.

Использование новых технологий, обеспечивающих «виртуальную близость» или соединение между взаимодействующими субъектами, т. е. позволяющих осуществлять виртуально-коммуникационные перемещения, соотносится с принципом удовольствия, однако является не только желательным, но и в определенной степени обязательным. Более того технико-технологическое развитие современной системы коммуникаций трансформирует сложившиеся ранее досуговые практики. Так, мобильный телефон становится средством не только разговора, но и письменного общения в социальных сетях и мобильных

---

¹⁴¹ Социология в России. М., 1998. С. 69.

¹⁴² Пэлфри Дж. Дети цифровой эры. М., 2011. 368 с.

мессенджерах, а также средством для «смотрения», наблюдения за окружающими посредством визуально ориентированных социальных сетей, таких, как, например, Instagram. Сегодня «все народы объединены электронной коммуникативной сетью... Сегодняшние дети вырастают в мире, которого не знали старшие»¹⁴³.

Таким образом, изменения, происходящие в процессе воспроизводства досуговых практик молодежи, во многом обусловлены технико-технологическим развитием. Возникновение и совершенствование мобильных коммуникационных устройств и сетей связи, распространение сети Интернет, мобильной телефонии – те факторы внешней среды, которые увеличили темпы повседневной жизни, расстояния, которые преодолеваются ежедневно, и определили формирование нового свойства личности и новой потребности – потребности в перемещениях. Эти технико-технологические новшества создают новые возможности для взаимодействий индивидов и групп и закрепления социально-статусных позиций и формируют новые нормы и стандарты, преобразующие ролевые ожидания социальных субъектов. Характеризуя происходящие изменения в целом, отметим, что они в значительной степени связаны с возрастающей ролью повседневных перемещений в досуговых практиках молодых людей.

Между тем молодежь является внутренне не однородной, а классово-дифференцированной общностью¹⁴⁴. Эта идея возникает в рамках марксистской концепции молодежи и получает значительное развитие в современной отечественной социологии. Так, Г. А. Фомченкова¹⁴⁵ указывает на наличие разнообразных стратификационных признаков: демографических, национальных, локализационных, экономических, профессионально-образовательных и т. п.

Студенческая молодежь и молодежь с высшим образованием отличается в досуговых практиках от молодежи других групп. Высшее образование формирует духовные ценности и потребности молодого человека. Наличие высшего

---

¹⁴³ Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения. М., 1988. С. 361.

¹⁴⁴ Иконникова С. Н. Проблема всестороннего и гармоничного развития личности // Духовная культура развитого социализма и личность. Ленинград, 1980. С. 142–151.

¹⁴⁵ Фомченкова Г.А. Институционализация безопасности молодежи в условиях трансформации российского общества. СПб., 2014. С. 133.

образования или стремление его получить дает основания характеризовать индивида как ориентированного на соответствующий образ и уровень жизни, обладающего волей и определенными способностями к самоорганизации и целеполаганию. Другими словами, характер и содержание представлений о желаемом и должном способе проведения времени досуга, а также сами досуговые практики обусловлены в том числе и уровнем образования.

Этот факт обнаруживается в данных, представленных ФОМнибус. Люди с высшим образованием чаще, чем население России в целом, посещают торговые центры и магазины для своего удовольствия, ходят в парки, кафе, рестораны, музеи, театры, кинотеатры, на концерты, выставки, спортивные матчи (в качестве зрителей) и посещают спортивные клубы, бассейны (для занятий спортом)¹⁴⁶. Единственный способ внедомашнего досуга, менее распространенный среди людей с высшим образованием, – это посещение залов игровых автоматов (исследование проводилось в тот период, когда они не были запрещены). Посещение залов игровых автоматов – достаточно неоднозначная форма досуга, которая может быть отнесена к деструктивным¹⁴⁷. Кроме того, люди с высшим образованием реже, чем население России в целом, считают, что у них нет увлечений, любимых занятий, не связанных с работой, учебой. Отметим, что среди людей с высшим образованием значительно выше доля тех, кто в качестве такого увлечения называет общение с друзьями¹⁴⁸, чтение, интернет, искусство и т. д. Наиболее активными пользователями сети Интернет в России также являются люди с высшим образованием в возрасте от 18 до 30 лет¹⁴⁹. При этом среди населения в целом, по сравнению с людьми, имеющими высшее образование, более популярны просмотр телевизора,

¹⁴⁶ Досуг россиян: развлечения и увлечения. Как проводят свое свободное время те, у кого оно есть? URL: <http://fom.ru/posts/10846>.

¹⁴⁷ Головина Г. В. Культура досуга как условие адекватного развития личности // Аналитика культурологии. 2011. № 19. С. 241–244; Коленкова М. А. Досуговая культура российских студентов // Сервис в России и за рубежом. 2015. №4 (60). Т. 9. С. 51–59; Батнасунов А. С. Досуг как сфера жизнедеятельности современной российской молодежи. Ставрополь, 2004. 28 с.

¹⁴⁸ Как показывают эмпирические данные, для населения без высшего образования не характерно «использование свободного времени для наращивания и поддержания социальных контактов» (Каравай А. В. Социальный капитал российских рабочих и их установки в отношении его накопления // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 3. С. 1–15).

¹⁴⁹ Интернет-зависимость. URL: <http://fom.ru/SMI-i-internet/10872>.

увлечение дачей, садом. Таким образом, обнаруживается тяготение населения без высшего образования к более простым, традиционным для России формам досуга. Мы можем заключить, что уровень образования оказывает непосредственное влияние на разнообразие досуга и его направленность.

Центрами притяжения для молодых людей с высшим образованием, независимо от его направленности (гуманитарной или технической), в России являются областные центры и мегаполисы. Городская среда влияет на воспроизводство повседневных перемещений в досуговых практиках молодежи, поскольку, по утверждению Г. Р. Габидуллиной¹⁵⁰, именно для городского образа жизни характерна высокая пространственная, профессиональная и социальная мобильность. По данным федеральной службы государственной статистики, на 01 января 2016 г. численность городского населения в возрасте от 18 до 30 лет в РФ составила 20 012 094 человека, в Свердловской области численность молодых горожан – 646 904 человек, что в 6 раз превышает численность сельской молодежи.

Повседневная жизнь горожанина не может быть сосредоточена в пределах места проживания, за последние десятилетия значительно увеличились расстояния, которые индивиды преодолевают в границах своей суточной активности¹⁵¹. Городская среда способствует повышению пространственных перемещений во время досуга¹⁵². Как отмечает А. В. Стрельникова, «застывание» жизненной траектории на какой-то определенной социальной позиции влечет за собой и снижение или полную утрату потребностей в географической мобильности»¹⁵³. Жизненные траектории городских молодых людей, в том числе

¹⁵⁰ Габидуллина Г. Р. Особенности изменения образа жизни городской и сельской молодежи в условиях трансформации российского общества. Екатеринбург, 2009. 23 с.

¹⁵¹ Яковлев А. Как живут те, кто каждый день тратит долгие часы на дорогу в Москву. URL: <http://www.the-village.ru/village/people/people/229465-dolgaya-doroga-domoy>; О понятии «пространственно-временной конвергенции» см.: Гидденс Э. Взаимодействие во времени и пространстве // Социология. М., 2005. С. 110.

¹⁵² Так, например, 30 % москвичей в свободное время стараются выехать за город или в центр города из района своего проживания (Шевелева А. Городские социологи о доверии к ЦАО, нежелании быть москвичом и районной идентичности. URL: <http://www.the-village.ru/village/people/city-news/141767-gorodskie-sotsiologi-interview>).

¹⁵³ Стрельникова А. В. Перемещения в пространственных координатах: больше, чем географическая мобильность // Inter. 2014. № 8. С. 30–35.

студентов¹⁵⁴, сложно назвать «застывшими»: взросление и приобретение самостоятельности сопровождается включением в новые социальные общности и расширением статусно-ролевого набора личности. Как правило, выбор организации высшего образования или места работы в меньшей степени привязан к месту проживания, чем, например, выбор общеобразовательной организации для учащегося, повседневная жизнь которого преимущественно сконцентрирована вокруг единственного маршрута между домом и школой¹⁵⁵. В результате появляется необходимость в освоении общественных пространств со свойственными им нормами поведения (как, например, пространство университета или офиса) и новых городских районов, а также маршрутов передвижений в городском пространстве. Таким образом, освоение социальных ролей, необходимых для успешного самоопределения молодого поколения, сопровождается расширением пространства жизнедеятельности и приводит к интенсификации повседневных перемещений в городской среде.

Большим городам свойственны «уличная сутолока, быстрый темп и многообразие хозяйственной, профессиональной и общественной жизни»¹⁵⁶. Мир города – анонимный, ему свойственны высокие риски и страхи, основанные на большом числе контактов с незнакомцами. Для приспособления к таким условиям возникает специфический городской тип личности, для которого свойственно «бесчувственное равнодушие» по отношению к «чужим» и незнакомцам. В повседневной жизни городского жителя преобладают функционально-ролевые отношения между людьми. В то же время потребности в эмоциональной близости, доверии и поддержке сохраняются. Это придает особую ценность

---

¹⁵⁴ По данным исследований ГАУ г. Москвы «Московский институт социально-культурных программ» студенты являются самыми активными потребителями городского пространства (Шевелева А. Городские социологи о доверии к ЦАО, нежелании быть москвичом и районной идентичности. URL: <http://www.the-village.ru/village/people/city-news/141767-gorodskie-sotsiologi-interview>).

¹⁵⁵ См.: Fagerholm N., Broberg A. Mapping and characterizing children's daily mobility in urban residential areas in Turku, Finland // *Fennia*. Vol. 189. Iss.2. 2011. Pp. 31–46; Сивак Е. В., Глазков К. П. Жизнь вне класса: повседневная мобильность школьников // *Вопросы образования*. 2017. № 2. С. 113–133.

¹⁵⁶ Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь. *Логос*. 2002. № 3–4. С. 23–35.

семейным и дружеским отношениям¹⁵⁷. Однако встречи с друзьями и близкими становятся более редким явлением для жителя крупного города. Таким образом, городская среда негативно сказывается на эмоциональном и психологическом состоянии личности, а тем более молодого человека, защитные механизмы которого сформированы не в полной мере. Ситуация усугубляется, когда молодой человек входит в новые для себя социальные и профессиональные общности (студенческая группа в вузе, коллектив на рабочем месте), поскольку потребности в снятии стрессов усиливаются. Возникает противоречие между наличием потребности в общении и отсутствием возможностей для эмоционально насыщенного взаимодействия. Время досуга – единственная возможность для встреч с близкими и друзьями, которые способствуют восстановлению психологического комфорта.

Другая особенность пространства большого города, в сравнении с пространством малого или сельских территорий, состоит в развитой досуговой инфраструктуре и системе средств повседневных перемещений. Например, жители г. Екатеринбурга значительно реже, чем жители других городов и сельских территорий Свердловской области, обеспокоены тем, чем заняться в свободное время¹⁵⁸. Индустрия развлечений в крупных городах приобретает все большие масштабы, поскольку является важным компонентом капиталистических обществ¹⁵⁹, для которых особое значение имеет престижное потребление и мода.

Как отмечает Е. В. Грунт, в выборе мест досуга особенное влияние на молодежь оказывает мода¹⁶⁰. Модный молодежный досуг включает в себя потребление услуг в сфере досуга, ориентированное «на уровень жизни и

---

¹⁵⁷ Вторичный анализ данных мониторингового исследования Евробарометр в России показывает, что в наибольшей степени россияне в целом и жители Свердловской области, в частности, доверяют членам своей семьи, родственникам и друзьям (Евробарометр в России. URL: <http://social.ranepa.ru/tsentr-sotsiologicheskikh-issledovaniy-ion/1-evrobarometr-v-rossii>).

¹⁵⁸ Положение молодежи Свердловской области в 2015 году: научные основы доклада Правительству Свердловской области: коллективная монография. Екатеринбург, 2016. С. 181.

¹⁵⁹ Екатеринбург занимает 5 место в рейтинге городов Европы по обеспеченности качественными торговыми площадями. На одного человека приходится 539 квадратный метр торговых площадей (Баталова А. А говорили, культурная столица: Екатеринбург уступил Питеру по числу торговых центров на человека URL: http://www.e1.ru/news/spool/news_id-453574-section_id-144.html).

¹⁶⁰ Грунт Е. В., Мухутдинова А. И. Потребительское поведение молодежи при выборе модной одежды // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3, Общественные науки. 2017. Т. 12. № 1 (161). С. 26–38.

стандарты потребления материально обеспеченных групп»¹⁶¹. Происходит это вследствие того, что молодые люди уделяют значительное внимание внешним атрибутам социально-статусной принадлежности, в том числе в способах повседневных перемещений (собственный автомобиль, такси) и досуговых практиках¹⁶². мода становится ценностью, определяющей жизнедеятельность индивида. Причастность к определенным досуговым практикам выступает показателем качества жизни (от удовлетворенности досугом зависит и удовлетворенность уровнем жизни¹⁶³) и принадлежности к определенным социальным группам¹⁶⁴, выполняя те же функции, что и престижное потребление других материальных благ (брендовой одежды, деликатесных продуктов питания, престижных марок автомобилей). Таким образом, потребление определенных услуг и товаров, способствующих повышению статуса личности, ее престижа, сопряжено с процессами социальной интеграции: «Потребляя, индивид создает материально-духовную основу для социального взаимодействия, для включения в формальные и неформальные группы»¹⁶⁵. Этот фактор не может не оказывать влияние на деятельность и предпочтения молодых людей, поскольку именно молодежь находится в поисках собственной социальной идентичности, в том числе и статусной.

В результате возникает парадоксальная ситуация, при которой модные виды перемещений (например, перелет в салоне самолета бизнес-классом) и гедонистически ориентированный досуг, связанный с высоким уровнем

---

¹⁶¹ Гордеева С. С., Хачатрян Л. А. Влияние социальных и внешнесредовых факторов на здоровье городской и сельской молодежи // Динамика и инерционность воспроизводства населения и замещения поколений в России и СНГ. Т. 2: Демографический потенциал регионов России и СНГ: динамика роста и инерционность изменений. Екатеринбург, 2016. С. 228–234.

¹⁶² Это утверждение справедливо и для молодежи г. Екатеринбурга, которая в целом в 1,5-2 раза сильнее ориентирована на показное, демонстративное потребление, на гедонистические проявления, чем их сверстники из г. Кирова (Пименова О. И. Глянцевый журнал как фактор конструирования социально-статусной идентичности молодежи. Екатеринбург, 2013. С. 20).

¹⁶³ Матющенко Н. С. Отдых и развлечения как показатель качества жизни современного человека // Вестник СГУТиКД. 2010. №3 (13). С. 11–19.

¹⁶⁴ «Повседневное общение, широкие социальные контакты, досуговые предпочтения, формирующие тип социальной жизни различных групп современной молодежи, являются важнейшими характеристиками избираемого ею стиля жизни, одними из главных критериев самоидентификации молодого человека с определенной группой или средой» (Молодежь новой России: образ жизни и ценностные приоритеты. М., 2007. С. 78).

¹⁶⁵ Костина Н. Б., Павлов Б. С. Услуги в большом городе как стимул к деятельности и фактор интеграции // Вестник ВЭГУ. 2014. № 1 (69). С. 52–64.

потребления, становятся целью жизнедеятельности молодежи, социальной группы, не обладающей действительными ресурсами для его воплощения.

Поскольку для современного общества характерна коммерциализация досуга и активное формирование индустрии досуга, материальный фактор становится основной причиной неудовлетворенности молодежи досугом. Е. Л. Омельченко отмечает, что в структуре расходов молодежи преобладают траты на досуг и демонстративное потребление¹⁶⁶. В структуре расходов молодых людей, проживающих в Свердловской области, досуг является одной из наиболее затратных статей, сопоставимых с коммунальными расходами и продуктами питания¹⁶⁷. Высокая доля затрат на досуг и сопровождающие его повседневные перемещения (т. е. транспорт, компьютерную технику, мобильную связь, интернет) отличает расходы молодежи от других групп. Более того, исследователи отмечают, что траты на досуг становятся одним из ключевых мотивов вторичной занятости студентов¹⁶⁸.

Отсюда условием воспроизводства повседневных перемещений в досуговых практиках молодежи становится финансовая состоятельность молодых горожан, которая также определяет содержание досуговых занятий и их культурную направленность¹⁶⁹ и ведет к усилению социального расслоения¹⁷⁰.

Таким образом, можно говорить не только о социальном, но и экономическом капитале, который влияет на воспроизводство повседневных перемещений в досуговых практиках городской молодежи и, соответственно разделить досуговые практики на несколько групп в зависимости от их «ресурсоемкости». Наименее затратный – домашний досуг, для которого не нужен партнер и не требуется значительных финансовых средств. В современной России в целом фиксируется тенденция к индивидуализации и одомашниванию

---

¹⁶⁶ Омельченко Е. Л. От сытых нулевых – к молчаливым десяткам: поколенческие уроки российской молодежи начала XXI века // Социологический ежегодник: Сб. науч. тр. М., 2011. С. 243–263.

¹⁶⁷ Социальное самочувствие молодежи Свердловской области в 2015 году: итоги социологического исследования: коллективная монография. Екатеринбург, 2016. С. 117.

¹⁶⁸ Студент – 2012: материалы шестого этапа социологического мониторинга, декабрь 2011 – январь 2012. Екатеринбург, 2012. С. 139.

¹⁶⁹ Там же. С. 299.

¹⁷⁰ Нархова Е. Н., Усцова Е. В. Роль досуговой деятельности в профилактике аддикций // Сборник материалов Международной молодежной научно-практической конференции. 2015. С. 307–313; Студент – 2009. Материалы пятого этапа социологического мониторинга. Екатеринбург, 2009. 162 с.

досуга¹⁷¹. Другими словами, отсутствует необходимость искать компанию, согласовывать время и род деятельности, искать возможности для удобного перемещения и т. п. Наиболее ресурсоемким видом досуга является активный внедомашний досуг.

Существующие исследования досуговых практик показывают, что домашние досуговые практики, как правило, свойственны менее обеспеченным различными ресурсами социальными группам. Проведение досуга вне дома оказывается более затратным в широком смысле этого слова.

Разные типы досуговых практик в различной степени оказываются насыщенными и повседневными перемещениями. В связи с этим следует отметить и то, что маршруты повседневных перемещений в досуговых практиках представителей высокодоходных социальных слоев, вероятно, окажутся более разнообразными и будут принципиально отличаться по способам перемещения и смысловым картам по сравнению с маршрутами представителей низших социальных слоев. Это касается и городской молодежи, для которой также характерно расслоение по критерию дохода, поскольку в эту группу включены и школьники, и студенты, и работающие молодые люди, в том числе занимающие высокие статусы.

Возможность свободно перемещаться для преодоления расстояний, наличие потенциально доступных отдаленных объектов является ресурсом, необходимым для получения выгод¹⁷². При этом понятие «свободно перемещаться» имеет несколько аспектов¹⁷³. Здесь важна возможность перемещаться независимо от внешней воли. В этом смысле наименее обеспеченными ресурсами такого рода становятся дети, старые люди, люди с ограниченными возможностями здоровья,

---

¹⁷¹ Седова Н.Н. Досуговая активность граждан // Социологические исследования. 2009. № 12. С. 56–69.

¹⁷² «мобильность ... из средства ... превращается в самоценность» (Веселкова Н. В. Новые исследования мобильности: совпадающие и несовпадающие потоки и социальная компетентность // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. № 3. С. 50–66).

¹⁷³ Л. Камареро и Дж. Олива в своем исследовании пришли к выводу о существовании корреляция между семейными обязательствами, районом проживания (анализируемые в исследовании районы проживания отличаются по социально-демографическим характеристикам населения) и повседневными перемещениями горожан. Жители пригородов являются более мобильными не потому, что живут далеко от центра города, места работы и досуга, а потому, что имеют больше социальных обязательств и обладают большими возможностями перемещений (Camarero L. A. Exploring the social face of urban mobility: daily mobility as part of the social structure in Spain // International journal of urban and regional research. 2008. Vol. 32. Iss. 2. Pp. 344–362).

которые оказываются неспособны к самостоятельным перемещениям (в том числе виртуально-коммуникационным) и зависят от сопровождающих их лиц. Кроме того, понятие «свободно перемещаться» включает в себя и возможность остаться без перемещения. И, наконец, «свободно перемещаться» означает иметь возможность выбирать способ перемещения.

В целом, отметим, что объем и структура ресурсов¹⁷⁴ определяют не только факт наличия или отсутствия повседневных перемещений в досуговой сфере, но и потенциальную способность к ним, и характер их протекания, отличающиеся у представителей различных социальных групп. В данном случае мы имеем в виду следующее: ресурсный подход позволяет обнаружить проблему несоответствия имеющихся средств, необходимых для перемещений, и действительно осуществляемых перемещений, т. е. он выявляет потенциальные возможности повседневных перемещений¹⁷⁵. Таким образом, повседневные перемещения зависят не только от ресурсного потенциала индивидов, но и от готовности его использовать (т. е. от потребностей и ценностей, усвоенных в процессе социализации), что в определенном смысле само по себе является ресурсом.

Каждый индивид или группа, принимая во внимание собственные ресурсы и готовность их использовать, разрабатывает маршруты повседневных

---

¹⁷⁴ Постановка вопроса в таком ракурсе позволяет реализовать ресурсный подход (см.: Тихонова Н. Е. Ресурсный подход как новая теоретическая парадигма в стратификационных исследованиях. Экономическая социология. 2006. Т. 7. № 3. С. 11–26; Радаев В. В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Общественные науки и современность. 2003. № 2. С. 5–16; Иглакова О. В. Подходы к операционализации концепции человеческого ресурса // Вестник Томского государственного университета Философия. Социология. Политология. 2013. № 1 (21). С. 196–203) к анализу повседневных перемещений в досуговых практиках городской молодежи с высшим образованием. Можно говорить о таких ресурсах как экономические (доход, сбережения, собственность, в т. ч. средства передвижения и коммуникационные устройства (мобильный телефон, планшет, компьютер) и пр.); административные (доступ к чиновничьему аппарату, к условиям, предоставляемым властью, например, использование служебного автомобиля для поездок в свободное время); социальные (социальный статус, включенность в социальные сети, национальные, образовательные, религиозные сообщества, наличие коллег, друзей, родственников и пр.); профессионально-трудовые (профессиональный статус, включенность в профессиональные сообщества); демографические (пол, возраст, брачно-семейное состояние; состояние здоровья, в т. ч. способность передвигаться, видеть, ориентироваться в пространстве и пр.); личностные (индивидуальные способности, знания, навыки, умения, в т. ч. умения пользоваться мобильными устройствами и средствами связи, сетью Интернет); инфраструктурные (место проживания (город или село), состояние и качество дорог, качество покрытия мобильных сетей и сети Интернет в месте проживания, наличие остановок общественного транспорта, заправок, вокзалов, улиц, пешеходных зон и велодорожек, их безопасность, безопасность общественного транспорта, доступная скорость перемещения и т. д.)

¹⁷⁵ Швейцарский социолог, специализирующийся на изучении повседневной мобильности, В. Кауфман в своих работах разделяет мобильность (mobility) и подвижность (мотильность (motility)): подвижность рассматривается им как потенциал мобильности или, как он это называет, капитал мобильности (mobility capital). См.: Kaufmann V., Widmer E. D. Motility and family dynamics: Current issues and research agendas // Zeitschrift für Familienforschung. 2006. Iss. 1. Pp. 111–130.

перемещений в досуговых практиках, тем самым реализуется стратифицирующая функция повседневных перемещений. Повседневные перемещения в досуговых практиках следует считать одним из показателей социальной дифференциации, порождающих различия между социальными группами. Наиболее привилегированные социальные группы стремятся к созданию символических и материальных барьеров, ограничивающих доступ к более комфортным и скоростным способам перемещений (выделение различных классов обслуживания пассажиров, отличающихся по стоимости). Речь идет о том, что существует неравенство между индивидами и социальными группами как в доступе к перемещениям, так и в выборе той или иной досуговой практики: разные индивиды/группы имеют разные ресурсы.

Представленный нами анализ позволяет сделать следующие выводы. Мы уточнили понятие «повседневные перемещения в досуговых практиках» с точки зрения социологического подхода. Повседневные перемещения в досуговых практиках – это такие рутинные, возвратные, регулярные перемещения, которые реализуются во время, свободное от непреложных дел, детерминируются структурой социальных отношений, свойственных конкретному обществу, и осуществляются на основе стереотипов в соответствии с определенными целями, ценностными ориентациями и возможностями удовлетворения широкого спектра потребностей в сфере досуга, способствуя становлению/поддержанию статусно-ролевого набора личности. По способам реализации мы выделяем физические и виртуально-коммуникационные повседневные перемещения в досуговых практиках молодежи.

Повседневные перемещения в досуговых практиках молодежи осуществляются внутри смысловых карт. Устойчивые направления перемещений и соответствующие им способы образуют маршруты повседневных перемещений. Воспроизводство повседневных перемещений в досуговых практиках городской молодежи определяется совокупностью внешних и внутренних факторов. В качестве внешних факторов мы рассматриваем инфраструктуру городской среды, уровень технико-технологического развития современной системы

коммуникаций, моды. К внутренним факторам мы относим принадлежность к определенной субкультуре и микросоциальной среде (семья, родственники, друзья).

Придерживаясь ресурсного подхода, мы считаем, что наибольшее влияние на повседневные перемещения в досуговых практиках молодых людей будут оказывать микросреда, а именно потребность в воспроизводстве родственных и дружеских отношений, а также уровень развития технических средств, задающих возможности реализации виртуально-коммуникационных повседневных перемещений. Об особенностях повседневных перемещений в досуговых практиках молодежи крупного промышленного центра пойдет речь в следующей главе нашей работы.

Глава 2. Содержание и направленность повседневных перемещений в досуговых практиках современной городской молодежи

2.1. Повседневные перемещения в досуговых практиках молодежи крупного промышленного центра

Исследование повседневных перемещений в досуговых практиках молодежи в значительной степени основывается на идее того, что молодежь является наиболее мобильной социальной группой. Молодой возраст – это время для приобретения профессии и вступления в профессиональную деятельность, начало самостоятельной жизни и создания собственной семьи. Молодые люди «мобильны», поскольку активно осваивают различные сферы общественной жизни, включаются в традиционные и участвуют в новых досуговых практиках.

Анализируя повседневные перемещения молодежи города Екатеринбурга, мы используем результаты исследования, полученные в ходе мобильного опроса с самозаполнением электронной формы¹⁷⁶, который был проведен с ноября 2016 года по февраль 2017 года. В качестве объекта исследования выступали молодые люди в возрасте от 18 до 30 лет включительно, не состоящие в браке, не имеющие детей, проживающие в муниципальном образовании «город Екатеринбург», являющиеся студентами вузов или работающие и имеющие высшее образование. Выборку исследования составили 600 человек, в том числе 300 студентов и 300 работающих молодых людей. Молодые люди в возрасте от 18 до 24 лет составляют 67,5 % респондентов, в возрасте от 25 до 30 лет – 32,3 %;

---

¹⁷⁶ Сапонов Д. И. Мобильные опросы. Влияние способа сбора данных на результат // Мониторинг общественного мнения. 2012. № 1(107). С. 45–51; Сапонов Д. И. Мобильные опросы в социологических исследованиях // Мониторинг общественного мнения. 2011. № 4 (104). С. 64–73.

женщины – 65,8 %, мужчины – 34,2 %¹⁷⁷. Выбор молодежи в качестве объекта исследования обусловлен тем, что молодые люди, не имеющие собственной семьи и детей, обладают большим количеством времени для досуга, по сравнению с другими группами населения.

Время досуга – это особая часть бюджета времени каждого человека. В предыдущей главе мы показали отличия времени досуга от свободного времени в целом. Вместе с тем в обыденных представлениях эти категории практически не разделяются, что следует учитывать при анализе как первичных, так и вторичных данных. По результатам опроса ВЦИОМ у большинства россиян (75 %) есть время досуга; при этом у высокообразованных, обеспеченных городских жителей его меньше, чем у малообразованных, менее обеспеченных сельских жителей¹⁷⁸.

Согласно данным, полученным в ходе нашего опроса, в среднем молодые люди, проживающие в г. Екатеринбурге, в будние дни располагают 3–4 часами свободного времени¹⁷⁹. У студентов¹⁸⁰ его чуть больше, чем у работающих¹⁸¹ – 4–5 часов; в выходные и праздничные дни у всех групп опрошенной нами молодежи свободное время составляет 7–8 часов. Дефицит свободного времени испытывает каждый четвертый респондент и эти данные сопоставимы с результатами опроса ВЦИОМ, согласно которому наибольшим количеством времени досуга обладают пожилые люди, а люди молодого и среднего возраста чаще указывают на нехватку свободного времени¹⁸².

Вместе с тем, как отмечает Н. Н. Седова, досуг молодежи, по сравнению с другими социально-демографическими группами, наиболее «насыщен и разнообразен: 38 % ее представителей практикуют 6 и более видов досуговой

¹⁷⁷ Ошибка выборки в целом составляет 4,08 %, для подвыборки студентов – 5,77 %, для работающих – 5,77 %.

¹⁷⁸ Свободное время – редкость, главное – уметь его провести! URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=13194>.

¹⁷⁹ Эти данные сопоставимы с результатами опроса, проведенного исследовательским центром рекрутингового портала Superjob.ru среди 4000 имеющих работу россиян из всех округов страны. URL: <https://www.superjob.ru/community/life/49674/>.

¹⁸⁰ Студенты, живущие недалеко от места учебы, не имеющие семьи и детей и не занятые работой после учебы, ежедневно имеют по 5–6 часов свободного времени (Нархова Е. Н. Культурный досуг уральских и украинских студентов // Социология культуры и студенческого досуга: учебное пособие. Екатеринбург, 2013. С. 244).

¹⁸¹ «Модальной группой имеющих дополнительный заработок является молодежь до 30 лет. ... Степень включенности в дополнительную занятость прямо пропорциональна уровню образования. С его повышением возрастает численность занятых дополнительной работой» (Патрушев В. Д., Караханова Т. М., Темницкий А. Л. Жизнь горожанина десять лет спустя: панельное обследование псковитян в 1986 и 1995 годах // Социологический журнал. 1996. № 1–2. С. 161–168).

¹⁸² Свободное время – редкость, главное – уметь его провести! URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=13194>.

активности»¹⁸³. Согласно данным, полученным в ходе нашего опроса, 6 и более видов досуговой активности используют почти 2/3 опрошенных (59,8 %) ¹⁸⁴. Это может быть объяснено особенностями отбора респондентов, поскольку в опросе принимали участие молодые люди с высшим образованием, не имеющие собственной семьи, т. е. часть молодежи, для которой характерен наиболее разнообразный и активный досуг. В будние дни респонденты в среднем исполняют 7 видов досуговых практик, а в выходные дни разнообразие досуга возрастает: 6 и более видов досуговых практик реализуют уже 73,1 % респондентов. В среднем (вне зависимости от дня недели) молодые люди осуществляют 8 видов досуговых практик.

По результатам опроса распределение досуговых практик по популярности среди молодых людей соотносится с данными исследований ООО «инФОМ»¹⁸⁵: наиболее распространены просмотр (фильмы, сериалы, телепередачи, видео), слушание (музыка, радио, аудиокниги), проведение времени за компьютером, в интернете (кроме работы), чтение. Как показывают исследования¹⁸⁶, чтение и просмотр телевидения являются популярными не только для молодежи, но и для старшего поколения, что подтверждает передачу досуговых практик от поколения к поколению. При этом в предыдущей главе было доказано, что в настоящий момент такие способы времяпрепровождения руководствуются стереотипом, таким образом, участие в них не требует личной активности субъекта. Кроме того, обозначенные наиболее популярные досуговые практики относятся к домашним и в этом смысле наименее ресурсозатратным. Другими словами, вероятно, преобладание домашних форм досуга определяется ограниченностью ресурсов, необходимых для их реализации и имеющихся в распоряжении молодых людей.

На рисунке 1 представлены досуговые практики молодых людей крупного промышленного центра, отличающиеся по регулярности в будние и выходные дни. В будние дни преобладают домашние практики, подразумевающие досуг в

---

¹⁸³ Седова Н. Н. Досуговая активность граждан // Социологические исследования. №12. 2009. С. 56–69.

¹⁸⁴ В досуге студентов отмечается комбинаторность, сочетание различных занятий и увлечений (Студент – 2012: материалы шестого этапа социологического мониторинга, декабрь 2011 – январь 2012. Екатеринбург, 2012. С. 301).

¹⁸⁵ Опрос молодежи: досуговые и интернет-практики. URL: <http://fom.ru/Obraz-zhizni/13103>.

¹⁸⁶ Молодежь новой России: образ жизни и ценностные приоритеты. М., 2007. С. 78.

одиночестве и/или сопровождающиеся виртуально-коммуникационными перемещениями. В выходные дни значительно повышается доля респондентов, которые выбирают внедомашние формы досуга, предполагающие физические перемещения ради встреч с друзьями и родственниками (за исключением пункта «отдыхаю, сплю»).

Рисунок 1

Досуговые практики молодежи

Несмотря на то, что в будние дни преобладают домашние формы досуга, на вопрос о том, где чаще всего молодые люди проводят свое свободное время, только треть респондентов (31,4 %) ответили, что дома. Такое распределение обусловлено связью между социальным самоопределением и сферой досуга: внедомашние практики досуга являются более предпочтительными для молодых людей, чем домашние. Молодежь, практикующая досуг вне дома больше удовлетворена его проведением, чем «домашние» респонденты (78,1 % и 21,9 % соответственно)¹⁸⁷. В связи с этим, вероятно, ответ о том, где молодые люди чаще всего проводят свое свободное время, является социально желаемым. Фактологически он опирается на досуговые практики, реализуемые в выходные дни, а не на наиболее частые.

Какие места (смысловые точки) для проведения досуга в пространстве крупного промышленного города выбирает молодое поколение горожан? Подавляющее большинство молодых людей предпочитает проводить свободное время в центре города (68,1 %). Только каждый пятый (21,6 %) обычно проводит свое свободное время в районе своего проживания и каждый десятый (7,8 %) – в других нецентральных районах.

Встречи с друзьями (по предварительной договоренности) чаще всего назначаются в центре города (77,6 %). Посещение учреждений культуры (музеи, театры, галереи, библиотеки – 81,9 %), кафе и ресторанов (84,5 %) осуществляется также в центральной части города. Даже «походы в кино» – это выход/выезд в центр, а не перемещение в районе своего проживания, только каждый десятый респондент «ходит в кино по месту жительства». Таким образом, зону притяжения досуговых маршрутов, где располагаются ключевые смысловые точки, составляет центр города¹⁸⁸. Те же тенденции обнаруживаются в других исследованиях. Так, специалисты ГАУ г. Москвы «МИСКП»¹⁸⁹ определяют центр города как приоритетное пространство внедомашнего досуга. В рамках

¹⁸⁷ Коэффициент корреляции Гамма между показателями удовлетворенности досугом и местом проведения досуга = -0,688 при стат.значимости менее 0,000000.

¹⁸⁸ Эти данные подтверждаются и результатами визуального анализа геолокационных данных.

¹⁸⁹ Шевелева А. Городские социологи о доверии к ЦАО, нежелании быть москвичом и районной идентичности. URL: <http://www.the-village.ru/village/people/city-news/141767-gorodskie-sotsiologi-interview>.

исследования «Археология периферии», куратором одного из разделов которого является А. Г. Левинсон, социологи приходят к выводу, что жители нецентральных районов осуществляют культурное потребление и потребление развлечений в центре города¹⁹⁰.

Причины этого, с одной стороны, связаны с тем, что досуговая инфраструктура центрального городского района более насыщена и разнообразна. С другой стороны, транспортная система г. Екатеринбурга такова, что сообщение в направлении центр-периферия выстроено лучше, чем между нецентральными районами. Таким образом, центр города становится удобным местом встречи для людей, проживающих в разных районах: *«Потому что легче встретиться на нейтральной территории и там гулять»* (Жен., 22 года, студентка). Молодые люди зачастую не готовы каким-либо образом жертвовать своими интересами ради встреч с друзьями, для них одним из ведущих мотивов этих встреч становится мотив получения удовольствия. Поэтому при их планировании учитываются интересы всех сторон. Примечательно, что психологический атлас г. Екатеринбурга, составленный специалистами АНО ВО «Гуманитарный университет», определяет центр города, как «город удовольствий»¹⁹¹.

Кроме того, приверженность молодых людей досуговому практикам, реализуемым в центре города, обусловлена стремлением к самоопределению через принадлежность к высокостатусным социальным группам. Локализация в определенной точке физического пространства сказывается на представлении социальных субъектов об их позиции в социальном пространстве. В результате этого различные места в городском пространстве характеризуются определенными устойчивыми представлениями о них. Указанный психологический атлас¹⁹² муниципального образования «город Екатеринбург», определяет центр города как «город богатых», «город снобов». Проведение времени досуга в центральной части города сопряжено с процессами

¹⁹⁰ Левинсон А. Г. Текущее и недвижимое в московской периферии. Археология периферии. Раздел S – «Общество» // Московский урбанистический форум. М., 2013. С. 314–381.

¹⁹¹ Ахметшина И. «Уралмаш и Сортировка – районы бедных» в Екатеринбурге составили психологическую карту города. URL: http://www.e1.ru/news/spool/news_id-464771.html.

¹⁹² Там же.

самоопределения молодых людей: происходит конструирование идентичности через принадлежность к «престижным» местам и определенному уровню материального и культурного потребления.

Периферийные городские районы включены в досуговые маршруты молодежи, прежде всего, в связи со встречами с семьей и родственниками. Во взаимодействии с родственниками на первый план выходит не формирование социально-статусной идентичности, а подтверждение уже имеющегося семейного статуса и поддержание родственных отношений и связей. Как правило, такие встречи являются домашними и реализуются в пределах района проживания (54,4 %), значительно реже в центре города (24,7 %) или нецентральных районах (19,8 %). Ради встреч с родственниками молодые люди готовы на определенные неудобства для себя, именно поэтому места в пространстве города выбираются не нейтральные с точки зрения доступности, а комфортные для второй стороны (родственников): *«Мы живем в разных концах города, и наше свободное время часто не совпадает, поэтому совместное времяпрепровождения сводится к редким визитам, когда просто общаемся дома за чаем»* (Жен., 24 года, студентка). Нецентральные районы включаются в досуговые маршруты молодежи также при реализации практик, не предполагающих компании. Молодые люди стараются находить площадки для занятий спортом (уличные спортивные площадки, фитнес-центры, спортзалы, бассейны – 52,7 %) и места оказания услуг (салоны красоты, парикмахерские и т. д. – 58,4 %) в районе своего проживания или близлежащих районах.

С кем предпочитает проводить свой досуг молодежь крупного города (таблица 1)? Время своего досуга молодые люди предпочитают проводить с друзьями, а не с родственниками. Это объясняется возрастными особенностями данной социальной группы. Молодежь стремится получить независимость и попробовать себя в новых социальных ролях, избавляясь на некоторое время от роли ребенка или подростка, находящегося преимущественно в сопровождении и под контролем взрослого.

**Предпочтения респондентов относительно партнеров внедомашних
досуговых практик**

Досуговые практики	Партнеры в досуговых практиках		
	Друзья	Родственники	В одиночестве
Гуляю пешком по улице, в парке и т. д.	70,2 %	36,3 %	62,4 %
Гуляю в торгово-развлекательном центре	57,1 %	55,2 %	51,0 %
Катаюсь на мотоцикле, автомобиле и т. д.	62,4 %	38,7 %	46,2 %
Катаюсь на велосипеде, самокате и т. д.	54,0 %	16,0 %	68,0 %
Езжу на дачу, в сад	19,1 %	97,2 %	5,1 %
Отдыхаю на природе, езжу на охоту, рыбалку	46,6 %	77,0 %	10,1 %
Занимаюсь спортом, активно отдыхаю на улице	61,6 %	20,5 %	60,9 %
Занимаюсь спортом, активно отдыхаю в специальных учреждениях (фитнес-клубах и т. д.)	47,2 %	3,5 %	81,9 %
Хожу в гости	71,9 %	65,3 %	24,9 %
Хожу в кино	89,5 %	26,7 %	29,8 %
Хожу в театр, музей, на выставку, концерт	77,0 %	35,3 %	34,3 %
Хожу в клубы, кафе, рестораны, антикафе и т. д.	92,6 %	24,6 %	20,9 %
Хожу играть в квесты	87,3 %	9,5 %	9,5 %
Хожу на процедуры, связанные с красотой (маникюр, парикмахер и т. д.)	10,3 %	6,0 %	94,9 %

*Сумма ответов по строке превышает 100 %, т.к. респондент мог выбрать любое число ответов

Внедомашние досуговые практики, распространенные среди молодежи, отличаются по субъектам взаимодействия: одни ориентированы на взаимодействие с друзьями, другие – с родственниками. Так, например, в клубы, кафе, рестораны, антикафе и т. д. респонденты чаще ходят с друзьями. К таким местам, «смысловым точкам», которые служат для поддержания дружеских отношений, также относятся театры, музеи, выставки, концерты, кино, парки, аллеи, улицы: *«Мы с подругой очень любим вечерние прогулки в парке. Такие встречи позволяют одновременно отдохнуть от повседневных дел и посекретничать, конечно, о сокровенном»* (Жен., 20 лет, студентка). С родственниками молодые люди ездят на дачу, в сад, отдыхать на природе.

Существуют нейтральные места: прогулки в торгово-развлекательных центрах и походы в гости могут совершаться как с друзьями, так и с родственниками. Отсюда маршруты физических перемещений молодежи отличаются в зависимости от цели: воспроизводству родственных или дружеских отношений они способствуют. При этом важное значение имеет инфраструктура городской среды, позволяющая проводить досуг в организованных зонах отдыха, парках, торговых центрах, культурно-досуговых учреждениях.

Обоснования респондентами выбора партнеров для проведения досуга также отличаются. Респонденты отмечают, что когда проводят свое время с друзьями, для них важно не только общение. Определенные практики досуга реализуются вследствие схожих интересов, вкусов: *«Потому что это соответствует нашим общим интересам, доставляет нам радость и удовольствие»* (Жен., 26 года, студентка); а также потому, что им хочется попробовать что-то новое (например, сходить на выставку): *«Совмещаю приятное (общение) и полезное (спорт, оздоровление)»* (Жен., 24 года, специалист). Отметим, что респонденты рассматривают общение с друзьями как способ приятного проведения времени и не готовы заниматься теми видами деятельности, которые не доставляют им удовольствия: *«В свободное время стараюсь делать то, что в первую очередь мне интересно»* (Муж., 28 лет специалист).

То, как респонденты проводят свое время с родственниками, зачастую определяется не их личными интересами, а семейными традициями, более того, молодые люди в некоторых случаях «жертвуют» своими личными интересами для того, чтобы провести время с близкими: *«Мама вытаскивает меня в ТЦ на шопинг, хотя мне не особо это нравится. Летом всегда езжу к бабушке на дачу по выходным, дышать свежим воздухом и отдыхать в баньке. Люблю ходить к своим родственникам в гости»* (Жен., 24 года, менеджер); оказать им помощь и поддержку: *«Эти занятия в основном способствуют общению с родными, и помощи им, например, в покупках»* (Жен., 27 лет, специалист). В характеристиках времени, проведенного с родственниками, критерий удовольствия встречается

реже: *«Провожу время с родственниками, потому что надо. Никакого удовольствия, зачастую, не испытываю»* (Муж., 23 года, специалист). Таким образом, семейные отношения, отношения родства наделяются более высокой степенью обязательности и регламентированности, нежели отношения дружбы. Встречи с родственниками могут не приносить молодым людям удовольствия, но, несмотря на это, семейные обязательства продолжают исполняться и исполняются в свободное время¹⁹³.

Среди внедомашних досуговых практик выделяются такие, которые осуществляются преимущественно в одиночестве: посещение салонов красоты и торговых центров, занятия спортом, пешие прогулки и катание на велосипеде. Данные практики не ориентированы на воспроизводство социальных отношений ни с родственниками, ни с друзьями, однако молодой человек, используя физические перемещения, в этих досуговых практиках воспроизводит себя как представителя определенной социальной группы. Такое воспроизводство требует, чтобы индивид выступал не только в качестве субъекта, но и в качестве объекта, поскольку необходимо воссоздание определенных характеристик, знаний, умений, навыков личности. В результате этого значимыми для процесса воспроизводства социальных отношений, помимо обязательств взаимодействия с представителями определенной социальной группы, становится следование образу жизни, согласующемуся с нормами, ценностями и потребностями, свойственными этой группе. К досуговым практикам воспроизводства определенного образа жизни мы также относим и такие преимущественно домашние практики как слушание музыки, чтение, интернет-серфинг.

Мы придерживаемся той позиции, что внедомашние досуговые практики, связанные с взаимодействием с друзьями и родственниками, являются для молодых людей более важными: *«Главное не сидеть дома. Дома скучно. Стараюсь сам «выгуливать» друзей, чтобы они тоже не сидели дома»* (Муж., 23 года, специалист). Это обосновывается следующими положениями. Во-первых,

---

¹⁹³ Удовольствие как функция свободного времени и конституирующий признак рассматривается в работе: Шмерлина И. Свободное время – навязанное пространство жизни? // Социальная реальность. 2007. № 8. С. 5–31. В этой работе автор показывает недостаточность данного критерия в качестве конституирующего.

как это было показано выше, именно наличие подобных практик во время досуга определяет удовлетворенность им молодых людей. Во-вторых, опираясь на частотные распределения досуговых практик в зависимости от недельного цикла, полученные в ходе эмпирического исследования, можно утверждать следующее: с увеличением времени досуга увеличивается число респондентов, обращающихся к внедомашним практикам. В-третьих, это подтверждается ответами на вопрос о предпочитаемых досуговых практиках. При условии увеличения свободного времени проводить время с друзьями и знакомыми выразили желание 43,7 %, с семьей и близкими – 43,0 %, а слушать музыку и общаться в интернете только 16,7 % и 10,2 % респондентов соответственно¹⁹⁴.

Таким образом, можно утверждать, что с увеличением досугового времени возрастает и доля физических перемещений молодежи крупного города, целью которых выступает воспроизводство родственных и дружеских отношений. Несмотря на тот факт, что внедомашние досуговые практики, связанные с изменением положения молодого человека в физическом пространстве города, являются более «ресурсозатратными», нежели домашние (в том числе и связанные с виртуально-коммуникационными перемещениями), они оказываются более ценными, поскольку позволяют сохранить непосредственные взаимодействия: *«...дружба – это тоже работа, на которую нужно тратить время»* (Жен., 25 лет, специалист).

Приверженность внедомашним досуговым практикам во многом определяется ресурсами и возможностями, необходимыми для физического перемещения респондента: обладает ли он личным транспортом? каким именно? есть ли у него знакомые и родственники, которые могут подвезти? в каком районе города он проживает, как далеко добираться из этого района до значимых мест в

¹⁹⁴ Схожие данные обнаруживаем в исследовании Б. С. Павлова. Уральским старшеклассникам был задан вопрос: «Представьте, что у Вас лично ежедневно появились 1–2 часа незанятого времени. Попробуйте потратить это свое свободное время. Выберите не более 4–5 форм проведения освободившегося свободного времени». Наиболее популярными вариантами ответа стали – связанные с проведением досуга вне дома: «больше времени проводить со своими друзьями» (51 % юношей, 52 % девушек), «стал бы больше гулять на свежем воздухе» (58 % юношей, 63 % девушек). Ни один из вариантов ответа, связанных с досугом, развлечениями дома не был выбран таким количеством респондентов. Наиболее популярными желаемыми домашними занятиями во время досуга стали: «заниматься на компьютере, интернетом» (39 % юношей; 22 % девушек); «просмотр «видиков», слушать музыку» (32 % юношей; 30 % девушек) (Павлов Б. С. Диссонанс потребительских притязаний и трудовой активности в молодежной среде на Урале // Уровень жизни населения регионов России. 2015. № 4 (198). С. 153–166).

пространстве города? Исходя из этого, мы можем заключить, что досуговые практики, реализуемые молодыми людьми, определяются не только их личными предпочтениями, потребностями и интересами, но и в том числе, существуют закономерности, связанные с доступностью перемещений в пространстве крупного промышленного города для различных социально-статусных групп. Отсюда мы предполагаем, что преобладание домашних досуговых практик, связанных с виртуально-коммуникационными перемещениями в будние дни является в определенном смысле «вынужденной мерой» для молодых людей.

Обращаясь к домашним формам досуга, отметим, что относительно распространенная практика, характерная преимущественно для молодежи, – это компьютерные и видеоигры. Согласно данным проведенного опроса, в компьютерные и видеоигры в свободное время играют более трети респондентов (36,0 %). Предпочтение респонденты отдают одиночным (74,2 %) и многопользовательским играм по интернету (52,6 %), а также массовым онлайн-играм (25,8 %). Чаще всего респонденты играют в одиночку (67,5 %). Однако значительная часть молодых людей (52,5 %), играющих в компьютерные и видеоигры, играют с друзьями и знакомыми. При этом в процессе игры абсолютное большинство респондентов (98,1 %) находятся дома. Таким образом, в целом по совокупности каждый пятый респондент играет в компьютерные и видеоигры со своими друзьями и знакомыми, находясь при этом каждый у себя дома. Нам представляется, что такая досуговая практика является разновидностью виртуально-коммуникационного перемещения и позволяет поддерживать социальные отношения. Эта тенденция отражается в том факте, что сегодня компьютерные игры доступны не только на специальных автономных платформах, но и встраиваются в качестве сервисов, приложений в социальные сети, мобильные мессенджеры, Skype и т. д.: *«По скайпу общаюсь с друзьями для игры в онлайн игры»* (Муж., 28 лет, специалист).

Согласно данным, полученным в результате опроса (рисунок 2), подавляющее большинство молодых людей в свободное время используют социальные сети, мобильный телефон или мобильные мессенджеры.

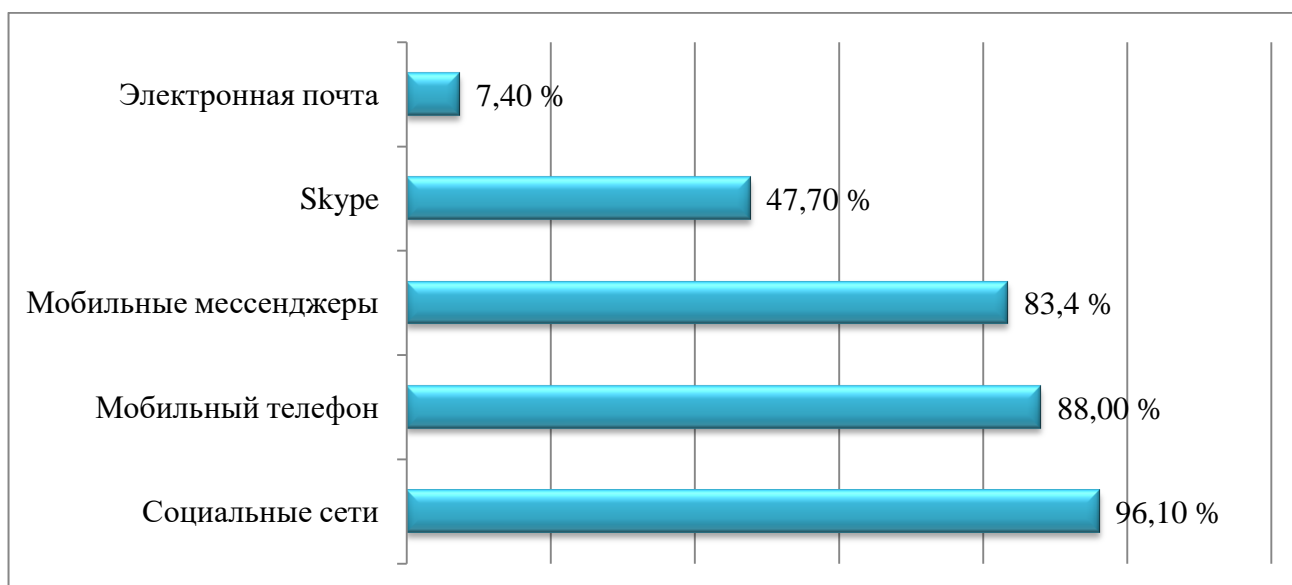

Рисунок 2

Виртуально-коммуникационные перемещения в досуговых практиках молодежи

Примерно половина опрошенных во время досуга общаются в Skype. Электронную почту в свободное время практически не используют. Работающие молодые люди электронной почтой пользуются в основном для решения рабочих вопросов, взаимодействия с коллегами или клиентами, студенты – для связи с преподавателями. С нашей точки зрения виртуально-коммуникационное перемещение ориентировано на удовлетворение потребностей в межличностной и/или публичной коммуникации и опосредованных взаимодействиях, реализуемых ради исполнения определенной социальной роли, подтверждения статуса, а также самоутверждения. Это способ установления связи, «виртуальной близости» посредством телекоммуникационных технологий.

Виртуально-коммуникационные перемещения во время досуга преимущественно осуществляются молодыми людьми для связи со сверстниками, проживающими в одном городе с респондентом. Единственное исключение – Skype. Данная программа используется и для общения с проживающими в других городах и странах друзьями и родственниками. Это в значительной степени объясняет, почему Skype является не очень распространенным способом виртуально-коммуникационного перемещения: не у всех молодых людей есть близкие и родственники, проживающие в других городах. Для взаимодействия с

родственниками, проживающими в одном городе с респондентом, чаще всего используется мобильный телефон (таблица 2).

Таблица 2

Предпочтения респондентов относительно партнеров в виртуально-коммуникационных перемещениях в досуговых практиках

Досуговые практики	Партнеры в досуговых практиках			
	Родственники, проживающие в одном городе с респондентом	Родственники, проживающие в других городах (странах)	Друзья, проживающие в одном городе с респондентом	Друзья, проживающие в других городах (странах)
Социальные сети	21,6 %	34,4 %	93,9 %	77,5 %
Мобильный телефон	49,7 %	55,9 %	70,4 %	34,4 %
Мобильные мессенджеры	31,0 %	40,6 %	84,4%	64,3 %
Skype	5,3 %	54,0 %	20,5 %	56,6 %

В качестве основной причины использования виртуально-коммуникационных перемещений вместо физических респонденты отмечают отсутствие возможности видаться лично так часто, как им хотелось бы. Некоторые респонденты подчеркивают, что в современных условиях виртуально-коммуникационные перемещения дополняют более традиционные социальные обязательства по воспроизводству социальных отношений: *«таков тренд, такая форма общения стала нормой»* (Муж., 24 года, специалист); *«для обсуждения всего, что происходит со мной/друзьями, обсуждения новостей и договариваемся о личных встречах»* (Муж., 28 лет, специалист); *«общаюсь не вместо личных встреч, а дополнительно к ним»* (Жен., 28 лет, специалист).

Как было показано выше, среди разнообразных способов установления «виртуальной близости» чаще всего молодые люди в свободное время используют социальные сети. Представляется, что виртуальные социальные сети для современных молодых людей становятся наиболее распространенным и

значимым способом виртуально-коммуникационных перемещений. Этот способ перемещений предоставляет широкие возможности для разнообразных опосредованных взаимодействий. В виртуальных социальных сетях посредством обмена текстовыми сообщениями реализуется дружеское межличностное общение, а кроме того, создаются «группы» и «диалоги» для взаимодействий нескольких участников, которые часто служат средой общения учебных коллективов и других сообществ.

Аудитории виртуальных социальных сетей растут с каждым годом. По данным исследовательского холдинга «Ромир», в молодежной аудитории количество пользователей социальных сетей в апреле 2015 года составляло 98 %, среднем россияне проводили в социальных сетях более двух часов в день¹⁹⁵. По нашим данным 2/3 опрошенных (67,2 %) ¹⁹⁶ проводят в социальных сетях более 3-х часов в день. Согласно полученным эмпирическим материалам, большинство молодых людей – пользователей социальных сетей (92,3 %) – в свое свободное время заходят в социальные сети несколько раз в день, что указывает на распространенность этой практики и согласуется с данными исследовательского холдинга «Ромир». При этом 59,5 % респондентов никогда не отключают доступ к социальным сетям на своих мобильных устройствах, поэтому с ними можно связаться в любое время. Кроме того, 56,9 % ответивших сказали, что часто используют социальные сети «на ходу», в дороге, т.е. речь идет об одновременном использовании двух типов перемещений: физическом и виртуально-коммуникационном. Только дома социальные сети используют всего 6,9 % респондентов.

Исследования показывают, что социальные сети воспринимаются молодыми людьми как интернет-ресурсы, с помощью которых можно наилучшим образом отрекомендовать себя. Пользователи социальных сетей для повышения

---

¹⁹⁵ Михайловина Е. Сколько времени россияне проводят в социальных сетях? URL: http://romir.ru/press/2192_21.05.2015/.

¹⁹⁶ По материалам инициативного мобильного опроса с самозаполнением электронной формы пользователей социальных сетей, проживающих в Екатеринбурге и отмечающих свое местоположение при помощи сервисов геолокации, проведенного автором в период с ноября по декабрь 2013 г. (целевой многоступенчатый отбор, общее количество респондентов 200 человек).

своего социального статуса в представлениях окружающих склонны сообщать о себе неправду. Так, 2/3 (59 %) россиян в возрасте от 18 до 24 лет и половина (54 %) опрошенных в возрасте от 25 до 34 лет хотя бы однажды «выкладывали» недостоверную информацию о себе в социальных сетях¹⁹⁷.

Согласно данным ВЦИОМ, респонденты чаще всего искажают информацию о возрасте (29 %), семейном положении или отношениях (23 %), хобби и увлечениях (22 %), музыкальных и художественных пристрастиях (18 %), уровне образования (17 %) и месте обучения (17 %), путешествиях (17 %), должности (15 %) и месте работы (15 %), месте жительства (15 %), новых покупках и приобретенных услугах (15 %). Другими исследователями отмечается, что «мужчины выставляют себя обладателями дорогих машин, на самом деле взятых напрокат. ... женщины ... посещают магазины дорогой одежды и делают селфи во время примерки одежды или аксессуаров: часов, сумок, ювелирных изделий»¹⁹⁸.

По данным британского агентства Custard, треть пользователей социальных сетей (31 %) на своих страницах рассказывают о своей жизни «в гораздо более ярком свете, чем она есть на самом деле», каждый десятый опрошенный (14 %) старается представить свою жизнь «более активной, чем есть на самом деле»¹⁹⁹. Указанную тенденцию удалось зафиксировать и нам: *«Я выкладываю фотографии и посты, ставлю геометки потому, что хочу показать этим так называемым друзьям, что я тоже выхожу из дома, а не хикка и гик, как это есть на самом деле»* (Муж., 26 лет, предприниматель).

Подавляющее большинство респондентов обладают необходимым для активных виртуально-коммуникационных перемещений техническим оснащением: 89,7 % молодых людей имеют смартфон с беспроводным доступом к сети Интернет, обеспечивающим высокую скорость передачи данных (форматы 3G и 4G), 71,6 % – являются обладателями ноутбуков или планшетов. Стационарные компьютеры имеют только треть опрошенных (31,2 %).

¹⁹⁷ О чем врут пользователи социальных сетей? URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=111364>.

¹⁹⁸ О чем россияне чаще всего врут в соцсетях. URL: <http://mediastancia.com/articles/4212/>.

¹⁹⁹ Пользователи массово врут в соцсетях. Большинство людей искажают действительность в соцмедиа. URL: <http://www.sostav.ru/publication/kak-lozh-stala-virtualnoj-realnostyu-21799.html>.

Распространение сети Интернет, появление различных коммуникационных устройств, мобильной телефонии увеличивают темпы повседневной жизни и число контактов, с которыми человек ежедневно вступает во взаимодействие. Одним из результатов осмысления происходящих изменений становится определение использования виртуальных социальных сетей в качестве инновационной по форме досуговой практики молодых людей²⁰⁰.

Такая практика по-разному оценивается исследователями, педагогами, психологами и представителями общественности. Существуют исследования, обнаруживающие негативные последствия развития социальных сетей. Так, например, «исследование пользователей социальной сети MySpace показало, что молодым людям намного проще общаться друг с другом именно в интернете, а не в реальной жизни»²⁰¹. Часть исследователей оценивают данную тенденцию молодежного досуга скорее негативно, используя риторику опасения, нежели возможностей и перспектив.

Данная позиция становится основанием для выражения тревоги касательно того, что молодые люди предпочитают «полезное» времяпрепровождение времени, проведенному в виртуальных социальных сетях. В качестве основного аргумента критики практик использования виртуальных социальных сетей, доказывающего «бесполезность» такого досуга, выступает мнение о подмене реального общения виртуальным. Суть угрозы подмены реального общения состоит в том, что, таким образом снижается социальная адаптированность молодых людей²⁰², а кроме того, не происходит воспроизводства и развития их социального капитала, который служит ресурсом для получения выгод.

Вместе с тем существует и другая точка зрения, которая, на наш взгляд, является более обоснованной и подтверждается результатами нашего исследования. Согласно этой позиции виртуальная реальность и виртуальные

---

²⁰⁰ Павлов С. В. Досуговые практики городских подростков в современной России (социологический анализ). М., 2016. 30 с.

²⁰¹ Дужникова А. С. Социальные сети: современные тенденции и типы пользования // Мониторинг общественного мнения. 2010. № 5 (99). С. 243–245.

²⁰² Андреева О. С., Андреев Е. С. Особенности представлений о коммуникации у студентов, зависимых от социальных сетей // Вестник Тюменского государственного университета. 2009. № 5. С. 138–142.

коммуникации не способны и не стремятся вытеснить взаимодействия лицом-к-лицу, вместо этого они дополняют и расширяют жизненный мир современного человека. Эта позиция разделяется как представителями академического сообщества²⁰³, так и обычными пользователями виртуальных социальных сетей, чьи высказывания приводились выше.

Как отмечают Э. Гордан и А. де Сауза Сильва в своей книге «Сетевая локальность: почему местоположение имеет значение в сетевом мире»: «мир, в котором мы живем, и всемирная сеть не могут быть с легкостью разделены»²⁰⁴. Усиливает связь между предметно-вещной и виртуально-коммуникационной средой социального пространства возникновение системы глобального позиционирования (GPS), которая позволяет определять местоположение мобильного устройства во всемирной системе координат. Распространение этой системы и ее «демократизация» (появление GPS модулей на массовых мобильных устройствах) стало базой для возникновения социальных сетей, основанных на местоположении (location based social network), а впоследствии и для появления геолокационных сервисов во всех популярных социальных сетях интернета²⁰⁵. Теперь у пользователей социальных сетей появляется возможность не только оставаться «на связи» со своими друзьями, но наблюдать за их перемещениями, рассказывать о своих перемещениях и таким образом повысить шансы на «незапланированные встречи». При помощи сервисов, основанных на местоположении (located based services), в социальных сетях пользователи могут узнать, какие места находятся поблизости, кто из их друзей бывал там или находится сейчас, а также получить советы или увидеть связанные с этими местами комментарии и фотографии других людей.

---

²⁰³ Шмелева Е. В. Новые медиа: переписывание или проектирование города? Кейс Foursquare и проекта «Районные блоги» // Социология власти. 2014. № 4. С. 137–155.

²⁰⁴ Gordan E. Net locality: why location matters in a networked world. Oxford, 2011. С. 1.

²⁰⁵ Материалы авторского исследования повседневных перемещений на основе изучения геолокационных данных представлены в статье: Данилова А. В. Использование геолокационных данных в исследовании повседневной мобильности горожан: опыт эмпирического исследования // Социология города. № 2. 2016. С. 34–44.

Результаты анализа геолокационных данных²⁰⁶ показали, что молодые люди, транслируя свое физическое местоположение в виртуальные социальные сети, чаще всего находятся в торгово-развлекательных центрах (20,9 %), частных квартирах (19,2 %) или организациях общественного питания (14,3 %); кроме того, относительно популярны локации, связанные с перемещениями внутри города и путешествиями (8,6 %). Если суммировать все категории локаций, в той или иной степени относящихся к сфере досуга, то доля таких локаций от их общего числа составит 63,5 % (в том числе организации досуга, события, организации общественного питания, ночные развлечения, объекты городской инфраструктуры на открытом воздухе, локации, связанные с перемещениями внутри города и путешествиями).

Таким образом, на примере практик использования сервисов геолокации в виртуальных социальных сетях мы можем убедиться в значимости сферы досуга для самоопределения и конструирования идентичности молодых людей, а также в том, что данный способ самопрезентации обнаруживает стремление молодых людей к практикам потребления определенного уровня и демонстрации данных практик.

Более трети молодых людей (39,7 %²⁰⁷) признаются, что отмечают свое физическое местоположение в виртуальных социальных сетях потому, что хотят «похвастаться». Другими словами, молодые люди ориентированы на утверждение и трансляцию высокого социального статуса посредством социальных сетей. Это свидетельствует о том, что значительная доля молодежи следует моде и престижному потреблению. «...Культ моды... приобретает универсальный характер, что сказывается на стремлении большей части молодежи

²⁰⁶ Сбор и анализ геолокационных данных по г. Екатеринбург проводился в два периода: с 28.12.2013 по 03.01.2014 и с 08.01.2014 по 16.01.2014. Всего собрана информация о 6435 отметках о местоположении («чекинах»), которые были сделаны в 1694 местах 1022 пользователями. Для сбора данных в работе использовалась программа (Foursquare checkins crawler-processor <http://pastebin.com/Vn3gVYPF> (дата обращения: 17.02.2014), предоставленная А. Толмачом (руководителем группы аналитики социальных сетей ФГУП РАМИ «РИА Новости»; младшим научным сотрудником ИС РАН, г. Москва). Программа собрала данные о «чекинах» «Foursquare», которые были транслированы пользователями в «Twitter»: идентификатор пользователя, идентификатор места, время чекина, название места, категория места (согласно внутреннему классификатору «Foursquare»).

²⁰⁷ По материалам инициативного мобильного опроса с самозаполнением электронной формы пользователей социальных сетей, проживающих в г. Екатеринбург и отмечающих свое местоположение при помощи сервисов геолокации, проведенного автором в период с ноября по декабрь 2013 г. (целевой многоступенчатый отбор, общее количество респондентов 200 человек).

ориентироваться на внешние признаки принадлежности к той или иной группе»²⁰⁸. Заходя в небольшой продуктовый магазин, например, с целью приобретения молочной или хлебной продукции, молодые люди не «отмечаются». Отметки заслуживают лишь места значимые, обладающие символической ценностью, демонстрирующие уровень потребления и принадлежность к определенной социальной группе. Так, отмечая свою позицию в физическом пространстве города, респонденты демонстрируют другим свою идентичность и статус. Большинство молодых людей (77,6 %), отмечая себя на карте города, считают, что делают это из-за желания поделиться информацией о местах, которые стоит посетить, или поделиться тем, что с ними происходит (важное событие или место, путешествие, встреча с особенным человеком) (72,4 %).

Примерно половина опрошенных (53,4 %) хотят, чтобы их друзья знали, где они бывают, где их можно найти, а 40,5 % отмечают местоположение потому, что впоследствии это становится поводом для обсуждения события или места. Таким образом, сами респонденты, прежде всего, обращают внимание на дополнительные коммуникационные возможности геолокационных сервисов виртуальных социальных сетей, выстраивая собственные смысловые карты досуговой деятельности. Однако практики использования геолокационных сервисов ориентированы не на создание условий для незапланированных встреч, а на информирование о месте пребывания, включающее, на наш взгляд, утверждение статусно-ролевых характеристик. В этом смысле указанное виртуально-коммуникационное перемещение вытесняет физическое перемещение: присутствия в определенном месте для взаимодействия лицом-к-лицу не требуется, оно заменяется виртуальной манифестацией. Утверждение в определенной социально-статусной позиции усиливается в физическом перемещении, которое сопровождается использованием геолокационного сервиса, т. е. виртуально-коммуникационным перемещением, поскольку о нем становится известно большому числу социальных субъектов. Не стоит забывать и о том, что

---

²⁰⁸ Гофман А. Б. Мода и обычай // Рубеж (альманах социальных исследований). 1992. № 3. С. 34.

виртуально-коммуникационные перемещения являются менее ресурсозатратными по сравнению с физическими перемещениями: не требуется затрачивать время, финансовые средства и т. п., что следует рассматривать как доступный способ перемещений для молодежной общности. При этом фактически происходит замена физического (реального) перемещения на виртуальное (мнимое): индивид чувствует себя рядом с другим, хотя тот находится на значительном расстоянии.

Проводя время в социальных сетях, индивид, с одной стороны, имеет возможность наблюдать за жизнью значимых для него людей, следить за определенными событиями, а с другой стороны, может рассказывать о себе. Посредством различных практик использования социальных сетей люди оказываются в курсе значимых для себя событий, а также актуализируют свое существование в различных сообществах. Практики просмотра, комментирования, обсуждения способствуют возникновению чувства близости, сопричастности. Еще М. Вебер в работе «Протестантская этика и дух капитализма»²⁰⁹, рассматривая протестантские общины, отмечал, что коллективные представления ориентируют поведение индивида на ценности групповой сопричастности. Сегодня с развитием сетевых сообществ реализация этой задачи упрощается. Создание авторского контента и членство в определенных группах или подписки выполняют функцию конструирования и закрепления идентичности. Все эти практики способствуют воспроизводству социальных отношений, становятся формой самопрезентации, поводом для личных встреч или темой для бесед.

Отметим, что развитие виртуальных социальных сетей сопряжено с возникновением интернет-зависимости, и, вероятно, для определенной части молодых людей существует угроза снижения социальной адаптивности. Видится сомнительным, что факт существования виртуальных социальных сетей является причиной подобных явлений. Основанием для этого утверждения служат результаты нашего исследования.

---

²⁰⁹ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения. М., 1990. 347 с.

Согласно полученным данным существует прямая статистически значимая связь между объемом реального и виртуального социального капитала²¹⁰ индивида²¹¹: чем больше индивидуальная сеть контактов в повседневной жизни, тем больше их и в социальных сетях. Большинство опрошенных отмечают, что социальные сети используют для общения с родственниками и друзьями, а не для знакомства, что подтверждается и данными других исследований²¹². Таким образом, для большинства людей контакты, сформированные на основе личных связей являются первичными по отношению к виртуальным²¹³. Другими словами, социальные отношения из повседневной жизни транслируются в социальные сети. Подтверждением этого может служить и тот факт, что молодые люди с большим социальным капиталом чаще проводят свой досуг вне дома, т. е. в свободное время встречаются с теми людьми, которые определяют их социальный капитал. Чем большим социальным капиталом обладает индивид, тем больше усилий ему необходимо прилагать для его воспроизводства, тем больше социальных обязательств выполнять. В связи с этим мы рассматриваем общение в социальных сетях как дополнительную возможность, а иногда и обязанность поддерживать отношения, составляющие социальный капитал индивида.

Кроме того, чем больше индивидуальная сеть контактов в повседневной жизни, тем больше количество социальных сетей, которыми пользуется респондент²¹⁴. Большинство опрошенных (60 %) используют несколько социальных сетей и только 30 % опрошенных зарегистрированы в одной. Наиболее популярной для молодежи г. Екатеринбурга стала социальная сеть

---

²¹⁰ В рамках нашего исследования в социальном капитале современного молодого человека выделяется две составляющие: виртуальный социальный капитал, определяемый из числа «друзей» и «подписчиков» в различных социальных сетях, и реальный социальный капитал, определяемый из друзей, родственников и знакомых, коллег с которыми индивид знаком лично и поддерживает отношения.

²¹¹ Коэффициент Гамма = 0,396 при значимости 0,020

²¹² Гуркина О. А., Мальцева Д. В. Мотивы использования виртуальных социальных сетей подростками // Социологические исследования. 2015. № 5. С. 123–130.

²¹³ Схожую позицию обнаруживаем в статье Шмелевой Е. В.: «Чаще всего в сети развиваются отношения, имеющие начало в оффлайне» (Шмелева Е. В. Новые медиа: переписывание или проектирование города? Кейс Foursquare и проекта «Районные блоги» // Социология власти. 2014. № 4. С. 137–155).

²¹⁴ Коэффициент Гамма = 0,367 при значимости 0,001.

«ВКонтакте» (97,6 % опрошенных)²¹⁵. Далее по популярности следуют «Instagram» (58,2 %), «Facebook» (26,6 %), «Twitter» (21,3 %). Эти данные соотносятся с данными о наиболее популярных социальных сетях в России по числу авторов и сообщений²¹⁶.

Зачастую разные социальные сети используются для связи с разными людьми: *«Для того чтобы списаться с кем-то из друзей-знакомых, я использую «ВКонтакте». В «Instagram» особенно не общаешься. Да и в «ВКонтакте» люди все равно чаще заходят. Плюс там видно, в сети человек или нет, и как давно он там был; если неделю назад, то понимаешь, что лучше позвонить. «Facebook» пользуюсь реже. Но там у меня в друзьях есть много родственников более старших поколений, которых, конечно, «ВКонтакте» нет. Бывает, что захожу посмотреть, они фотки выкладывают, или поздравить с праздниками или что-то спросить»* (Жен., 25 лет, специалист). Согласно данным, полученным в ходе опроса, «Facebook» и «Twitter» используют для общения с друзьями, проживающими в других городах²¹⁷, а также с людьми, с которыми лично не знакомы²¹⁸ (последний способ, вероятно, в качестве информационной подписки на определенные страницы). В «Instagram» молодые люди общаются с друзьями, проживающими с ними как в одном городе²¹⁹, так и в разных²²⁰. Сеть «Одноклассники» связывает молодых людей с родственниками вне зависимости от места их проживания²²¹.

Данные рассуждения демонстрируют связь между использованием социальных сетей (как разновидностью досуговой практики и виртуально-коммуникационного перемещения) и социальным капиталом молодых людей.

²¹⁵ По данным проекта WEB-Index среди жителей г. Екатеринбурга 100 % населения в возрасте от 18 до 24 лет и от 25 до 34 лет входят в интернет аудиторию, при этом среди жителей г. Екатеринбурга в возрасте от 18 до 24 лет аудитория социальной сети «ВКонтакте» составляет 91,8 %; среди жителей в возрасте от 25 до 34 лет – 83 %. Отчеты по проекту Web Index. URL: [http://mediascope.net/services/media/media-audience/internet/information/?arrFilter_pf\[YEAR\]=2017&set_filter=Y](http://mediascope.net/services/media/media-audience/internet/information/?arrFilter_pf[YEAR]=2017&set_filter=Y).

²¹⁶ Социальные сети в России, зима 2015-2016. Цифры, тренды, прогнозы. URL: <http://blog.br-analytics.ru/socialnye-seti-v-rossii-zima-2015-2016-cifry-trendy-prognozy/>.

²¹⁷ Коэффициент Гамма = 0,370 при значимости 0,037. Коэффициент Гамма = 0,244 при значимости 0,043.

²¹⁸ Коэффициент Гамма = 0,253 при значимости 0,019. Коэффициент Гамма = 0,443 при значимости 0,000061.

²¹⁹ Коэффициент Гамма = 0,377 при значимости 0,034.

²²⁰ Коэффициент Гамма = 0,285 при значимости 0,005.

²²¹ Коэффициент Гамма = 0,403 при значимости 0,037 (общение с родственниками, проживающими в одном городе с респондентом). Коэффициент Гамма = 0,473 при значимости 0,005 (общение с родственниками, проживающими в других городах).

Для современного молодого человека общение в виртуальных социальных сетях не противопоставляется реальному общению, а скорее рассматривается как способ опосредованного взаимодействия, дополняющий это общение, позволяющий поддерживать имеющиеся социальные отношения, составляющие социальный капитал.

Таким образом, технико-технологические возможности, опосредующие социальные взаимодействия, которые существуют у современных молодых людей и представляют относительно новую траекторию перемещений в рамках досуговых практик, по нашему мнению, не несут угрозы социальной адаптации. Мы склонны рассматривать взаимодействия в виртуальных социальных сетях как потенциал для воспроизводства социального капитала. Особо подчеркнем, что виртуально-коммуникационные перемещения как инновационная практика в досуговой сфере характерна прежде всего для молодежи – социальной группы, наиболее открытой и восприимчивой к новшествам, по утверждению Ю.А. Зубок²²².

В целом результаты исследования показали, что молодежь крупного промышленного города активно использует в своих досуговых практиках как физические перемещения, так и виртуально-коммуникационные, при этом идет воспроизводство родственных и дружеских социальных отношений, (поддержание социального капитала). В физических перемещениях местом притяжения выступает центральная часть города как средоточие учреждений и организаций, ассоциирующихся с привлекательными социально-статусными позициями; в виртуально-коммуникационных – соединение осуществляется посредством социальных сетей, а именно сети «ВКонтакте». Следует особо подчеркнуть, что при увеличении времени, отводимого на досуг, современная молодежь предпочтет физические перемещения виртуально-коммуникационным, а поддержание родственных связей дружеским. Определение особенностей выбора маршрутов повседневных перемещений в сфере досуга, а также факторов,

---

²²² Зубок Ю. А. Проблемы социального развития молодежи в условиях риска // Социологические исследования. 2003. № 4. С. 43.

на них влияющих, будет представлено в следующем параграфе нашей диссертационной работы.

2.2. Особенности выбора маршрутов повседневных перемещений в досуговых практиках молодежи

Выбор маршрутов повседневных перемещений является важной составляющей современных представлений о дифференциации молодежи как неоднородного образования. Для типологизации мы воспользовались процедурами факторного и кластерного анализов. В качестве анализируемых первичных переменных выступают переменные, характеризующие реализацию различных видов досуговых практик и использование технико-технологических ресурсов (мобильные телефоны, мобильные мессенджеры, Skype и т. д.) во время досуга.

На первом этапе анализа данных мы используем проверочный (конфирматорный) факторный анализ, предполагая наличие двух латентных факторов: домашний досуг (досуг без физических перемещений, но с виртуально-коммуникационными перемещениями), досуг вне дома (активные физические перемещения во время досуга).

Первый шаг факторного анализа – отбор первичных переменных. Анализ частотных распределений о популярности досуговых практик показал, что наибольшие отличия в том, как молодые люди проводят свой досуг, фиксируются в будние дни. В выходные дни эти отличия сглаживаются, поскольку количество свободного времени увеличивается. В связи с этим в факторном анализе исследовались переменные, характеризующие досуговые практики будничных дней, а не выходных. Анализ информативности первичных переменных в факторной модели показал необходимость исключить часть переменных из

факторизации²²³. Поэтом в факторном анализе использовалось 13 первичных переменных, которые были объединены в два фактора²²⁴.

Первый фактор («ориентированность на досуг офлайн») включает в себя переменные, характеризующие преимущественно физические перемещения респондентов во время досуга, как правило, требующие от человека взаимодействий с другими людьми. В зоне положительных значений фактора сосредоточены респонденты, которые время досуга проводят активно, вне дома, встречаются с родственниками и друзьями. В зоне отрицательных значений фактора – респонденты, которые проводят свой досуг более пассивно, т. е. дома, избегая взаимодействий с другими людьми.

Второй фактор («ориентированность на досуг онлайн») составляют переменные, которые характеризуют домашний досуг, не требующий непосредственных взаимодействий с другими людьми. В зоне положительных значений фактора находятся респонденты, которые проводят свой досуг дома, в социальных сетях и просматривая страницы в интернете, в зоне отрицательных – респонденты, которые избегают опосредованных взаимодействий во время досуга.

На втором этапе анализа данных для выявления социально-демографических характеристик респондентов, предпочитающих различные маршруты повседневных перемещений в досуговых практиках, применялась процедура кластерного анализа методом *k*-средних. В качестве переменных кластеризации заданы значения выделенных нами факторов. Поскольку в каждом факторе возможны две зоны значений, многомерная классификация позволила выделить четыре внутренне однородные группы респондентов, отличающихся по маршрутам повседневных перемещений:

---

²²³ Информативность данных переменных составила менее 0,2, что не желательно, как отмечает Л. Г. Воронин (Воронин Л. Г. Еще раз о «кластерах на факторах» // Социологический журнал. 2010. № 3. С. 21–34.). «Извлеченные» показатели всех переменных превышают 0,2.

²²⁴ При такой двухфакторной модели доля объясненной дисперсии составляет 34,1%, что является достаточным для социологического исследования. Мера выборочной адекватности Кайзера-Мейера-Олкина (равна 0,774488 и превышает 0,5) указывает на возможность проведения факторного анализа. Значимость Критерия сферичности Бартлетта – менее 0,01. Нулевая гипотеза отвергается, что означает пригодность факторной модели.

- активные и онлайн, и офлайн – молодежь, которая в будние дни проводит свой досуг максимально разнообразно (и дома, и вне дома), взаимодействует с близкими и непосредственно, и через сеть Интернет. Согласно полученным данным доля молодых людей, входящих в данный кластер, составляет 17,18 % выборочной совокупности;
- активные офлайн – молодежь, которая в будние дни проводит свой досуг вне дома, встречаясь с друзьями и родственниками. Это самый малочисленный кластер, его объем в выборочной совокупности – 10,48 %;
- активные онлайн – молодежь, которая в будние дни проводит свой досуг дома, «сидит в интернете», общается в социальных сетях. В выборочной совокупности данный кластер – самый большой по числу респондентов – 39,52 %;
- пассивные и онлайн, и офлайн – молодежь, которая в будние дни проводит свой досуг дома, избегая взаимодействий. Доля таких молодых людей составляет 32,82 %.

Представленные кластеры в значительной степени отличаются по разнообразию исполняемых досуговых практик. Так, молодые люди, входящие в кластер «пассивные и онлайн, и офлайн», в будние дни осуществляют в среднем 4 досуговые практики, в выходные – 6. При этом в будние дни доля респондентов, реализующих до 6 разнообразных досуговых практик, составляет 75,9 % респондентов. Другими словами, в этом кластере ниже доля респондентов, для которых характерен богатый, высоко насыщенный досуг²²⁵, чем в среднем в молодежной общности.

Представители кластера «активные онлайн» в будние дни в среднем осуществляют 6 видов досуговых практик, в выходные – 8. Большая часть респондентов данного кластера (92,2 %) исполняют от 4 до 10 досуговых практик в будние дни, т. е. их досуг можно охарактеризовать как насыщенный и высоко насыщенный.

Респонденты, составившие кластер «активные офлайн», вне зависимости от дня недели осуществляют в среднем 9 досуговых практик. Досуг подавляющего

---

²²⁵ Седова Н. Н. Досуговая активность граждан // Социологические исследования. 2009. № 12. С. 56–69.

большинства этих молодых людей можно охарактеризовать как высоко насыщенный: 93,4 % опрошенных реализуют 6 и более досуговых практик в будние дни.

То же самое можно сказать и о группе молодых людей со смешанной досуговой траекторией («активные и онлайн, и офлайн»). В среднем и в выходные, и в будние дни они реализуют 11 досуговых практик, при этом все опрошенные в будние дни исполняют 6 и более досуговых практик.

Таким образом, респонденты всех кластеров, за исключением кластера «пассивные и онлайн, и офлайн» характеризуются разнообразным досугом. Эти данные сопоставимы с материалами исследования, представленными Н. Н. Седовой, которая указывает на тот факт, что 38 % российской молодежи реализуют 6 и более видов досуговой активности²²⁶. При этом между досуговой траекторией и насыщенностью досуга установлена следующая взаимосвязь: при переходе от траектории «пассивные и онлайн, и офлайн», к траектории «активные онлайн», а затем к траектории «активные офлайн», и в заключение – к смешанной траектории («активные и онлайн, и офлайн») степень насыщенности и разнообразия досуга возрастает²²⁷.

Полученные кластеры достаточно велики по наполняемости, что позволяет нам определить основные характеристики составляющих их респондентов.

Досуговые практики, не требующие перемещений (кластер «пассивные и онлайн, и офлайн»), преимущественно выбирают работающие молодые люди (60,0 %), занимающие должности специалистов. Чуть более трети опрошенных (35,3 %), составляющих этот кластер, имеют доход за последний месяц на уровне средней заработной платы по г. Екатеринбургу и выше²²⁸.

Офлайн маршруты перемещений («активные офлайн») во время досуга свойственны также работающим молодым людям (64,4 %), среди которых,

²²⁶ Седова Н. Н. Досуговая активность граждан // Социологические исследования. 2009. № 12. С. 56–69.

²²⁷ Коэффициент Гамма = 0,422 при значимости < 0,000000 (для взаимосвязи между числом досуговых практик, реализуемых в выходные дни и кластерным номером наблюдения). Коэффициент Гамма = 0,850 при значимости < 0,000000 (для взаимосвязи между числом досуговых практик, реализуемых в будние дни и кластерным номером наблюдения).

²²⁸ Среднемесячная начисленная заработная плата работников организаций по основному виду деятельности за январь 2017 года по полному кругу организаций составила 33 778,56 рублей. URL: http://sverdl.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/sverdl/ru/statistics/sverdlStat/standards_of_life/.

однако, в два раза выше доля руководителей различных уровней (27,0 %, тогда как среди «пассивных и онлайн, и офлайн» – 14,4 %). По доходу этот кластер сопоставим с кластером «пассивные и онлайн, и офлайн»²²⁹, вместе с тем доля людей, имеющих доход за последний месяц более 40 000 рублей, несколько выше (19,3 % против 16,6 %).

Онлайн маршруты перемещений («активные онлайн») чаще используют студенты (62,3 %). Отметим, что это самый молодой кластер, в нем преобладают люди в возрасте от 18 до 24 лет (78,7 %), т. е. студенты младших курсов, получающие высшее образование впервые, сразу после окончания общеобразовательной школы. По сравнению с другими кластерами, среди молодых людей, входящих в кластер «активные онлайн», самая высокая доля респондентов (38,6 %) с доходом ниже прожиточного минимума, т. е. ниже 10 000 рублей²³⁰.

Смешанные маршруты перемещений («активные и онлайн, и офлайн») характерны для студентов (54,2 %) с доходом от 10 000 до 30 000 рублей (49,0 %), т. е. выше прожиточного минимума, но ниже средней заработной платы по г. Екатеринбургу.

Таким образом, хотя последние из описываемых два кластера и состоят преимущественно из студентов, они в значительной степени отличаются по уровню их доходов.

Отметим, что в исследовании при измерении доходов учитывались все источники финансовых средств, которыми располагают молодые люди: это и поддержка, которую им оказывают родители, и стипендия, и собственный заработок.

Досуговые практики и соответствующие им повседневные перемещения отличаются в зависимости от совокупного дохода респондента (таблица 3).

---

²²⁹ Основная часть респондентов (43 %), составляющих кластеры преимущественно работающих молодых людей, имеют доход от 10 000 рублей до 30 000 рублей. Вместе с тем отметим, что в этих кластерах («пассивные и онлайн, и офлайн», «активные офлайн») самая высокая доля респондентов с доходом от 30 000 рублей до 40 000 рублей, т. е. на уровне средней заработной платы по г. Екатеринбургу.

²³⁰ Величина прожиточного минимума во втором квартале 2017 года для трудоспособного населения установлена на уровне 10 653 руб. URL: <https://www.oblgazeta.ru/news/23703/>.

Вместе с тем статистически значимые отличия фиксируются не по всем досуговым практикам.

Таблица 3

**Предпочтения респондентов относительно досуговых практик
в зависимости от дохода²³¹**

Досуговые практики	Совокупный доход за последний месяц			
	До 10 000 рублей	От 10 001 до 30 000 рублей	От 30 001 до 40 000 рублей	От 40,001 рублей
Сажу дома, ничего не делаю	30,4 %	19,3 %	16,3 %	20,3 %
Смотрю фильмы, сериалы или передачи по телевизору или в интернете	70,3 %	63,0 %	56,3 %	65,8 %
Сажу в интернете (интернет-серфинг)	50,6 %	47,9 %	43,8 %	49,4%
Сажу в социальных сетях	67,7 %	66,4 %	48,8 %	48,1 %
Читаю книги, газеты, журналы	55,1 %	57,1 %	51,3 %	55,7 %
Слушаю музыку, радио	60,1 %	50,8 %	41,3 %	48,1 %
Отдыхаю, сплю	47,5 %	47,5 %	43,8 %	50,6 %
Занимаюсь хобби (в т. ч. занимаюсь спортом)	48,7 %	59,7 %	56,3 %	63,3 %
Общаюсь с родственниками и/или друзьями	53,8 %	47,5 %	50,0 %	45,6 %
Хожу в гости	19,0 %	25,2 %	27,5 %	29,1 %
Гуляю пешком по улице, в парке и т. д.	34,2 %	34,5 %	31,3 %	31,6 %
Гуляю в торгово-развлекательном центре	20,3 %	17,6 %	16,3 %	21,5 %
Хожу в кино	32,3 %	37,0 %	41,3 %	43,0 %
Хожу в театр, музей, на выставку, концерт	17,7 %	27,7 %	25,0 %	27,8 %
Хожу в клубы, кафе, рестораны, антикафе и т. д.	20,3 %	25,2 %	13,8 %	43,0 %
Играю в компьютерные, видеоигры	24,1 %	18,1 %	18,8 %	24,1 %
Хожу на процедуры, связанные с красотой (маникюр, парикмахер и т. д.)	9,5 %	14,7 %	18,8 %	20,3 %

²³¹ В таблице представлены досуговые практики, которые выбрали более 50 респондентов.

Согласно данным, полученным в результате опроса, чем ниже уровень дохода респондента, тем больше вероятность, что во время досуга он «сидит дома и ничего не делает»²³², сидит в социальных сетях²³³, слушает музыку²³⁴, т. е. реализует домашние формы досуга и виртуально-коммуникационные перемещения.

Для молодых людей с относительно высоким уровнем дохода в большей степени характерны занятия хобби (в т. ч. спортом)²³⁵, посещение клубов, кафе, ресторанов²³⁶, а также процедур, связанных с красотой²³⁷. Данные досуговые практики являются внедомашними, ресурсоемкими и требуют физических перемещений.

Такие отличия обусловлены тем, что материальное положение респондентов коррелирует с возможностями физических перемещений. Так, среди имеющих личный автомобиль доля молодых людей с доходом выше 40 000 рублей (47 %) в четыре раза выше, чем доля респондентов с доходом до 10 000 рублей (9 %) и в два раза выше, чем остальные группы опрошенных (22 %)²³⁸. При этом и услугами такси во время досуга респонденты с высоким доходом пользуются значительно чаще²³⁹. В то же время, чем ниже уровень доходов молодого человека за последний месяц, тем выше вероятность того, что он не располагает никаким собственным транспортным средством²⁴⁰ и добирается до мест проведения досуга на общественном транспорте²⁴¹.

В целом отметим, что выделенные нами маршруты повседневных перемещений в досуговых практиках склонны выбирать респонденты с различными социально-демографическими характеристиками. Так, пассивную траекторию реализуют молодые специалисты со средним уровнем дохода; активную онлайн траекторию – молодые руководители различных уровней, среди

²³² Коэффициент корреляции Гамма между показателями = -0,198 при стат.значимости = 0,016.

²³³ Коэффициент корреляции Гамма между показателями = -0,236 при стат.значимости = 0,000465.

²³⁴ Коэффициент корреляции Гамма между показателями = -0,173 при стат.значимости = 0,009.

²³⁵ Коэффициент корреляции Гамма между показателями = 0,139 при стат.значимости = 0,037.

²³⁶ Коэффициент корреляции Гамма между показателями = 0,172 при стат.значимости = 0,029.

²³⁷ Коэффициент корреляции Гамма между показателями = 0,235 при стат.значимости = 0,01.

²³⁸ Коэффициент корреляции Гамма между показателями = 0,460 при стат.значимости менее 0,000000.

²³⁹ Коэффициент корреляции Гамма между показателями = 0,352 при стат.значимости менее 0,000000.

²⁴⁰ Коэффициент корреляции Гамма между показателями = -0,292 при стат.значимости = 0,000054.

²⁴¹ Коэффициент корреляции Гамма между показателями = -0,244 при стат.значимости = 0,000181.

которых несколько выше доля представителей высокодоходных групп населения; активная онлайн траектория характерна для студентов младших курсов с низким уровнем доходов; траектория перемещений и онлайн, и офлайн свойственна более старшим студентам со средним уровнем дохода. Другими словами, наиболее ресурсоемкую офлайн-траекторию реализует наиболее обеспеченная ресурсами группа, занимающая самую высокую статусную позицию. Маршрут онлайн не требует таких значительных затрат и присущ группе с наименьшими ресурсами.

На выбор того или иного маршрута повседневных перемещений влияет широкий спектр факторов и ресурсов, среди которых особое значение имеют ценностные ориентации молодого поколения.

При операционализации понятий «ценностные ориентации» и «ценности» в своем исследовании мы руководствовались концептом М. С. Яницкого²⁴². Как показано во многих исследованиях²⁴³, среди наиболее важных для современных молодых людей ценностей – такие, как любовь (42,5 %), здоровье (41,6 %), дружба (38,7 %), семья (37,3 %). Представители всех выделенных нами кластеров отмечают эти ценности как наиболее значимые. Вместе с тем нами выявлены статистически значимые отличия в приверженности определенным ценностям между кластерами (таблица 4).

Молодые люди «активные офлайн» значительно чаще, чем другие респонденты в качестве приоритетной ценности выбирают любовь. С точки зрения М. С. Яницкого, эта ценность относится к группе ценностных ориентаций социализации, связанных со стремлением личности интегрироваться в общество, достичь признания и определенного социального статуса.

---

²⁴² «При анализе структуры ценностей, представленных в общественном сознании, было выделено три типа ценностных предпочтений: ценности адаптации, отражающие направленность на устранение тревоги по поводу физической и экономической безопасности; ценности социализации, обусловленные ориентацией на других людей; ценности индивидуализации, соответствующие направленности на личностный рост и развитие» (Яницкий М. С. Ценностные ориентации личности как динамическая система. Кемерово, 2000. С. 137).

²⁴³ См.: Вишневский Ю. Р., Шапко В. Т. Парадоксальный молодой человек // Социологические исследования. 2006. № 6. С. 26–36; Семенов В. Е. Ценностные ориентации современной молодежи // Социологические исследования. 2007. № 4. С. 37–43; Петров А. В. Ценностные предпочтения молодежи: диагностика и тенденции изменений // Социологические исследования. 2008. № 2. С. 83–90.

Ценностные ориентации молодежи, в зависимости от кластерной принадлежности

Ценностные ориентации	Ценности	Кластерная принадлежность			
		Пассивные и онлайн, и офлайн	Активные онлайн	Активные офлайн	Активные и онлайн, и офлайн
Ценности адаптации	Безопасность	10,0 %	8,8 %	8,2 %	3,0 %
	Материальный достаток	22,1 %	26,3 %	16,4 %	23,0 %
	Здоровье	43,2 %	37,7 %	54,1 %	40,0 %
	Развлечения	4,7 %	4,8 %	1,6 %	9,0 %
	Уверенность в завтрашнем дне	11,6 %	7,5 %	1,6 %	1,0 %
	Итого	91,6 %	85,1 %	82,0 %	76,0 %
Ценности социализации	Любовь	39,5 %	41,2 %	62,3 %	39,0 %
	Дружба	40,5 %	36,0 %	42,6 %	39,0 %
	Престиж и общественное признание	2,6 %	3,1 %	0,0 %	3,0 %
	Семья	37,9 %	37,7 %	41,0 %	33,0 %
	Успешная карьера	6,8 %	6,6 %	4,9 %	7,0 %
	Итого	127,4 %	124,6 %	150,8 %	121,0 %
Ценности индивидуализации	Саморазвитие	22,6 %	28,5 %	27,9 %	34,0 %
	Самореализация	21,1 %	21,5 %	11,5 %	20,0 %
	Свобода	15,8 %	18,9 %	9,8 %	25,0 %
	Самопознание	6,8 %	9,6 %	4,9 %	7,0 %
	Творчество	11,1 %	11,8 %	9,8 %	16,0 %
	Итого	77 %	90 %	64 %	102 %

В целом, по совокупности, доля выборов ценностей социализации выше среди молодых людей, входящих в кластер «активные офлайн». Таким образом, ориентация на других людей, стремление к успешной интеграции оказываются свойственными молодым людям – приверженцам физических перемещений в досуговой сфере. *«С друзьями мы регулярно встречаемся, гуляем, иногда пешком, а иногда катаемся, вместе бегаем, когда время позволяет, ездим за город, когда нет, то собираемся у кого-то дома или в кафе, ходим в кино, на концерты, в*

клубы, несколько раз играли в квесты. Так я чувствую себя отдохнувшей. Сидя дома, мне становится грустно» (Жен., 22 года, специалист).

Дополнительным подтверждением того, что молодые люди, выбирающие траекторию активности онлайн, ориентированы на ценности социализации, являются следующие факты. Во-первых, в столь молодом возрасте они занимают руководящие должности, т. е. они ориентированы на формальное, статусное признание своих достижений. Во-вторых, среди представителей данного кластера по сравнению с другими самая высокая доля респондентов (65,5 %), которые не сталкивались с неодобрением со стороны родственников относительно способов проведения свободного времени²⁴⁴.

Для молодых людей, использующих маршруты и онлайн, и офлайн перемещений, более значимой, чем для представителей других кластеров, стала ценность саморазвития: *«Люблю разнообразие в отдыхе, хочется использовать любые возможности попробовать что-то новое и возможность пообщаться в это же время»* (Жен., 24 года, специалист). По мнению А. В. Меренкова, ценность саморазвития является одной из наиболее актуальных для человека, живущего в современном мире. Навыки саморазвития обеспечивают «отказ от устаревших представлений и самостоятельное приобретение новых знаний, умений, соответствующих изменениям в организации труда, быта, общения»²⁴⁵.

Данная ценность относится к группе ценностей индивидуализации. Ориентированность на автономию личности может служить обоснованием снижения доли физических перемещений в досуговых практиках и их частичную замену виртуально-коммуникационными. Во-первых, виртуально-коммуникационные перемещения позволяют быстрее решать возникающие вопросы: *«Иногда быстрее списаться, чем встретиться»* (Муж., 28 лет, специалист). Таким образом, молодые люди высвобождают свободное время для более возвышенной деятельности, связанной с развитием личности: *«Стараюсь*

²⁴⁴ Для сравнения: в других кластерах свыше 50 % респондентов сталкивались с неодобрением со стороны родственников относительно того, как они проводят свое свободное время.

²⁴⁵ Меренков А. В. Тенденции изменения семейного воспитания в современном обществе // Социологические исследования. 2013. № 2. С. 101–110.

как можно больше получить реализаций от жизни и также уделяю внимание отдыху ума и тела, на самом деле, я больше всего занимаюсь мантра-медитацией и духовным развитием» (Муж., 28 лет, руководитель среднего звена). Во-вторых, ориентированность личности на самоактуализацию, индивидуализацию, творчество проявляется в том, что представители данного кластера в меньшей степени ориентированы на мнение окружающих, более склонны пренебрегать этим мнением и некоторыми социальными обязательствами. Так, среди опрошенных, использующих данный маршрут во время досуга, наиболее высока доля (59,8 %) тех, кто сталкивался с неодобрением способов проведения своего свободного времени со стороны родственников.

Для молодых людей, пассивных и онлайн, и офлайн, более значимы, чем для представителей других кластеров, уверенность в завтрашнем дне и безопасность. Указанные ценности относятся к ценностям адаптации, связанным с устранением страхов относительно физической и экономической безопасности. Стремление к адаптации обнаруживает действие защитных механизмов личности, враждебно воспринимающей окружающую среду. Данному типу «менее других присуще и ожидание положительного отношения от других людей»²⁴⁶, что, очевидно, негативно сказывается на их стремлении поддерживать социальные отношения: *«Я редко провожу время с друзьями»* (Муж., 26 лет, специалист). Молодые люди, входящие в данный кластер, в большей степени ориентированы на создание комфортных для себя условий существования: *«Одна я люблю гулять, ходить по магазинам или на тренировку, это дает возможность отдохнуть от всех, переключится от обыденных дел и мыслей»* (Жен., 29 лет, фрилансер). Создание комфортной и безопасной среды для этих людей более актуально, чем воспроизводство социальных связей и отношений или саморазвитие: *«В свободное время я занимаюсь своими делами: ремонтом, машиной. ... опять же – сплю! – это важно! Когда встречаюсь с родителями, стараюсь совмещать общение и дела, вроде походов по магазинам. ... Думаю, что другие проводят*

---

²⁴⁶ Яницкий М. С. Ценностные ориентации личности как динамическая система. Кемерово, 2000. С. 113.

свободное время гораздо активнее. Более социально активнее. Тусовки, гулянки, встречи с компанией друзей» (Жен., 25 лет, специалист).

В целом ценностные ориентации молодежи влияют не только на выбор маршрута повседневных перемещений, но и на готовность следовать ему во время досуга. Речь идет о том, что молодые люди, руководствующиеся ценностями социализации, будут с большей готовностью использовать имеющиеся у них ресурсы для реализации повседневных перемещений и воспроизводства социальных взаимодействий. Молодые люди, ориентированные на ценности индивидуализации, в меньшей степени стремятся к установлению социальных отношений. Повседневные перемещения для них становятся значимыми в связи с необходимостью поддерживать определенный образ жизни. В этом смысле воспроизводство социальных отношений может рассматриваться для данной группы как сопутствующая выгода, поскольку определенные досуговые практики предполагают групповую реализацию, т. е. в компании. Приверженность ценностям адаптации вступает в противоречия с утверждением повседневных перемещений в досуговых практиках и приводит к стремлению их ограничить, в результате чего сформированные системы отношений и взаимодействий не развиваются.

Помимо ценностных ориентаций к числу особенностей выбора маршрутов повседневных перемещений следует отнести экономический и социокультурный ресурсы индивида, составляющие его экономический и социальный капиталы (таблица 5).

Таблица 5

Количество людей, к которым респондент может обратиться за помощью или советом в сложной жизненной ситуации

Количество	Кластерная принадлежность			
	Пассивные и онлайн, и офлайн	Активные онлайн	Активные и онлайн, и офлайн	Активные офлайн
0–3 человека	33,0 %	36,4 %	17,7 %	20,0 %
4–6 человека	46,8 %	43,0 %	50,0 %	40,0 %
7 и более	20,2 %	20,6 %	32,3 %	40,0 %

Результаты исследования показали следующую особенность: чем к большему числу людей респондент может обратиться за помощью или советом в сложной жизненной ситуации, тем больше вероятность того, что он реализует офлайн-траекторию перемещений во время досуга. Таким образом, количество полезных сильных связей, которыми обладает индивид, оказывается напрямую связано с его маршрутом досуга. Это, на наш взгляд, доказывает взаимообусловленность повседневных перемещений молодых людей и их способности поддерживать социальные связи и отношения.

Мониторинговое исследование «Евробарометр в России»²⁴⁷, проводимое с 2013 года, фиксирует, что число социальных связей является главным предиктором субъективного благополучия, в свою очередь уровень счастья определяет оптимизм населения²⁴⁸. Данная тенденция фиксируется и в других исследованиях. Наличие большого числа слабых и сильных связей предоставляет больше возможностей для решения проблем, поэтому социальный капитал становится фактором уверенности в собственных силах²⁴⁹.

В ходе статистической обработки информации нами была сконструирована вторичная переменная: «уровень обеспеченности социальным капиталом», учитывающая и сильные, и слабые связи индивида. Социальный капитал респондентов в нашем исследовании измерялся через такие переменные, как количество людей, к которым молодой человек мог бы обратиться за помощью или советом в сложной жизненной ситуации; количество близких родственников и друзей, проживающих в одном городе с респондентом; количество контактов в записной книжке телефона.

Согласно данным, представленным в таблице 6, и результатам корреляционного анализа, среди тех, кто составляет кластер «активных и онлайн,

²⁴⁷ Евробарометр в России. URL: <http://social.ranepa.ru/tsentr-sotsiologicheskikh-issledovaniy-ion/1-evrobarometr-v-rossii>.

²⁴⁸ Вахштайн В., Степанцов П. Евробарометр в России: социальный капитал, уровень городского развития и образовательные стратегии (2012–2014). URL: https://www.hse.ru/data/2014/12/26/1103971596/%D0%9F1%20%D0%92%D0%B0%D1%85%D1%88%D1%82%D0%B0%D0%B9%D0%BD%20%D0%9F%D1%80%D0%B5%D0%B7%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F_%D0%92%D0%A8%D0%AD.pdf.

²⁴⁹ Молодежь новой России: образ жизни и ценностные приоритеты. М., 2007. С. 29.

и офлайн», а также кластер «активных офлайн», значительно выше доля людей, обеспеченных социальным капиталом.

Таблица 6

Обеспеченность социальным капиталом

Уровень социального капитала	Кластерная принадлежность			
	Пассивные и онлайн, и офлайн	Активные онлайн	Активные и онлайн, и офлайн	Активные офлайн
Низкий уровень социального капитала	42,4 %	52,2 %	28,0 %	19,7 %
Средний уровень социального капитала	47,6 %	42,6 %	52,0 %	47,5 %
Высокий уровень социального капитала	9,9 %	5,2 %	20,0 %	32,8 %

В соответствии с концепцией мобильного капитала Дж. Урри, доступ к виртуально-коммуникационным перемещениям является преимуществом и ресурсом, способствующим установлению и поддержанию связей и отношений. Несколько противоречивым выглядит тот факт, что объем социального капитала, характерный для молодых людей реализующих онлайн-маршрут перемещений, оказывается даже ниже, чем у тех, кто выбирает пассивный маршрут. Однако в действительности противоречие отсутствует. Как было показано в предыдущем параграфе, виртуально-коммуникационные перемещения представляют не самостоятельный, а дополняющий способ воспроизводства социальных отношений. Досуговые практики, которые сопровождаются виртуально-коммуникационными перемещениями, такие, например, как проведение времени в социальных сетях, используются для соединения с уже знакомыми людьми. Поскольку социальный капитал, существующий у молодых людей с активным онлайн маршрутом, в реальной жизни невелик, то и их виртуальный социальный капитал имеет небольшой объем. Виртуально-коммуникационные перемещения обычно не способствуют установлению новых социальных отношений и расширению социального капитала. В то же время молодые люди, реализующие

смешанный маршрут, изначально обладают относительно большим объемом социального капитала и используют виртуально-коммуникационные перемещения для его поддержания. Тот факт, что наибольшим социальным капиталом обладают люди, выбирающие активный офлайн-маршрут, подтверждает идею, что социальные отношения устанавливаются на основе взаимодействий лицом-к-лицу.

Как было показано ранее, чем выше уровень социального капитала, тем большим количеством виртуальных социальных сетей пользуется респондент. Доля тех, кто пользуется тремя и более социальными сетями, выше среди представителей кластера «активные и онлайн, и офлайн» (47 %). Для пассивного маршрута перемещений и траектории перемещений онлайн, этот показатель значительно ниже (32 %), что объясняется их низким уровнем социального капитала. Подчеркнем и тот факт, что среди респондентов, реализующих траекторию офлайн, доля людей, пользующихся тремя и более социальными сетями, составляет всего 25 %.

Можно заключить, что обладание обширным социальным капиталом способствует активным повседневным перемещениям в досуговых практиках молодежи. При этом активизация физических (т. е. личные встречи с друзьями и родственниками) и виртуально-коммуникационных перемещений происходит в соответствии с ценностными ориентациями индивидов. Молодые люди, руководствующиеся ценностями индивидуализации, стараются максимально использовать возможности и виртуально-коммуникационных, и физических перемещений, в то время как молодые люди, ориентированные на ценности социализации, отдают предпочтения личным встречам. Очевидным противоречием, на первый взгляд, выглядит тот факт, что кластер «активных онлайн» в аспекте обеспеченности социальным капиталом оказывается ближе кластеру «пассивных». Представители данного кластера по ценностному профилю тяготеют к ценностям индивидуализации и адаптации, что не способствует формированию у них обширного социального капитала.

Среди молодых людей, входящих в кластер «пассивных» и «активных онлайн», значительно ниже, чем в других кластерах, доля людей с высоким уровнем социального капитала и выше доля людей с низким уровнем социального капитала. Наличие «удаленных других», как отмечает Дж. Урри²⁵⁰, является важной составляющей сетевого/мобильного капитала. В этом смысле представляется, что высокий уровень социального капитала, большое число социальных отношений, в которые включен индивид, увеличивают объем статусно-ролевых обязательств, необходимых для исполнения. Таким образом, высокий уровень социального капитала – одновременно и причина, и следствие активных повседневных перемещений молодого человека во время досуга. Стратегии же выбора маршрутов повседневных перемещений при сопоставимом объеме социального капитала определяются готовностью индивида к ним.

Еще один важный аспект, касающийся социального капитала, – какие отношения видятся наиболее ценными для молодежи. Так, большинство респондентов, предпочитающих пассивный маршрут перемещений при условии достаточности времени для досуга, хотели бы провести его с семьей и близкими (42,9 %). Молодые люди, ориентированные на онлайн траекторию, – с друзьями (42,9 %), активные офлайн и активные и офлайн, и онлайн в равной степени и с семьей, и с друзьями (51,2 % и 42,4 % соответственно).

В информационно-аналитическом бюллетене ИС РАН «Молодежь новой России: образ жизни и ценностные приоритеты» отмечается, что с родственниками «скорее общаются небогатые молодые люди»²⁵¹, друзья по работе и учебе преобладают в кругу общения городских жителей среднего уровня материального достатка. Этот факт, а также ориентированность молодых людей из группы «пассивных и онлайн, и офлайн» на ценности адаптации позволяет предположить, что представители обозначенного кластера являются носителями установок и культурных практик в некоторых аспектах, схожих с теми, что характеризуют культуру бедности. В данном случае речь идет об экономическом

---

²⁵⁰ Урри Дж. Мобильности. М., 2012. С. 362.

²⁵¹ Молодежь новой России: образ жизни и ценностные приоритеты. М., 2007. С. 28.

капитале (таблица 7). В ходе статистической обработки информации нами была сконструирована вторичная переменная: «уровень обеспеченности экономическим капиталом». Вторичная переменная включает в себя следующие показатели: совокупный доход респондента за прошедший месяц; обладание личным транспортом (отсутствие личного транспорта/наличие автомобиля).

Таблица 7

Обеспеченность экономическим капиталом

Уровень экономического капитала	Кластерная принадлежность			
	Пассивные и онлайн, и офлайн	Активные онлайн	Активные и онлайн, и офлайн	Активные офлайн
Низкий уровень экономического капитала	23,6 %	42,2 %	27,0 %	21,3 %
Средний уровень экономического капитала	41,4 %	36,5 %	48,0 %	42,6 %
Высокий уровень экономического капитала	35,1 %	21,3 %	25,0 %	36,1 %

Полученные материалы показывают, что между кластерной принадлежностью и обеспеченностью экономическим капиталом отсутствует прямая зависимость. Две группы – «пассивные» и «активные офлайн», характеризующиеся наибольшей долей респондентов с высоким уровнем экономического капитала, обладают совершенно разными маршрутами перемещений. Речь идет о том, что высокодоходная молодежь в равной мере использует как наиболее ресурсозатратные физические перемещения, так и не использует никаких видов перемещений, придерживаясь домашних, традиционных форм досуга.

Представители кластера «пассивные и онлайн, и офлайн» в меньшей степени обеспечены социальным капиталом, однако по обеспеченности экономическим капиталом не уступают другим кластерам²⁵². В связи с этим мы можем сделать вывод, что мобильный капитал не является кумулятивной суммой

²⁵² Кластеры, обладающие наибольшим экономическим капиталом, преимущественно состоят из работающих молодых людей, в остальных – преобладают студенты.

других видов капиталов. В свою очередь, экономический капитал нельзя назвать определяющим по отношению к выбору маршрутов повседневных перемещений в сфере досуга, а следовательно, и по отношению к воспроизводству социальных отношений. Вероятно, более важной в этом смысле следует считать готовность к повседневным перемещениям, а также потребность в поддержании имеющейся сети социальных отношений.

Обеспеченность экономическим капиталом не оказывает влияние на увеличение активности в повседневных физических перемещениях в досуговых практиках молодежи. Однако представляется, что низкий уровень экономического капитала негативно сказывается на повседневных перемещениях в совокупности с иными факторами: *«Обычно с друзьями мы просто гуляем или ходим в гости друг к другу. Ходить в гости дешевле, чем сидеть в ресторанах»* (Жен., 24 года, специалист). *«Если я зимой вне дома с друзьями, то, скорее всего, я у них в гостях»* (Жен., 24 года, специалист).

Имеющаяся характеристика обеспеченности капиталами представителей кластера «пассивные и онлайн, и офлайн» позволяет нам сделать вывод, что их пассивность в повседневных перемещениях в досуговых практиках вызвана отсутствием ориентации и потребностей (низкий уровень социального капитала) в воспроизводстве социальных отношений, а не недостатком каких-либо ресурсов. Подтверждает это суждение тот факт, что большинство представителей данного кластера (81,3 %) удовлетворены тем, как они проводят свой досуг.

Исследование показало, что наиболее депривированными оказываются молодые люди, реализующие онлайн-маршрут повседневных перемещений. Прежде всего отметим, что для данного кластера характерен широкий спектр ценностных ориентаций. Отсутствие однозначно доминирующих ценностей и ценностных ориентаций у представителей рассматриваемого кластера может быть связано с тем, что составляют его преимущественно самые молодые участники нашего опроса. Возраст 18–24 года психологами и социологами XX века

относится к «ранней зрелости» или «ранней молодости»²⁵³, наряду с этим отмечаются и тенденции инфантилизации²⁵⁴ современных молодых людей, «откладывание» возраста вступления во взрослую жизнь. Вероятно, этот факт находит свое отражение и в отсутствии доминирующих ценностных ориентаций у представителей данного кластера.

Среди представителей рассматриваемой группы минимальна доля респондентов, имеющих высокий уровень социального капитала, и максимальна доля имеющих низкий уровень социального капитала. Последний показатель составляет 52,2 %, что на 10 % больше, чем среди опрошенных, вошедших в кластер «пассивных».

Учитывая также, что респонденты, реализующие онлайн-маршрут повседневных перемещений, не имеют завершено высшего образования и не занимают руководящих должностей, следует охарактеризовать этот кластер как наименее обеспеченный ресурсами. Более того «активные онлайн» – преимущественно студенты, среди которых 40 % опрошенных имеют доход за последний месяц ниже прожиточного минимума, установленного для г. Екатеринбурга. Отсутствие ресурсов осознается и ощущается представителями кластера, в нем в сравнении с другими наиболее высока доля опрошенных, не удовлетворенных проведением досуга (31,6 %). В кластере «пассивные и онлайн, и офлайн» этот показатель ниже более чем на 10 %.

Причины неудовлетворенности досугом у «активных онлайн» разнообразны. Одной из наиболее популярных является отсутствие денег для

---

²⁵³ См.: Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 2006. 344 с.; Бурлуцкая М. Г., Петрова Л. Е. Социально-имущественное положение молодежи Свердловской области // Социальная работа на Урале: исторический опыт и современность. Екатеринбург, 2002. С. 30–51; Седов Л. А. Поколенческий прогноз // Общественные науки и современность. 2011. № 1. С. 78–85; Загребин В. В. Подходы к определению категории «молодежь» // Концепт. 2014. № 2. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/podhody-k-opredeleniyu-kategorii-molodyozh>.

²⁵⁴ «Значительная часть молодых людей от 25 до 30 лет еще продолжают учиться, другая часть откладывает создание собственной семьи и рождение детей, многие из них вообще планируют оставаться неженатыми и бездетными, по крайней мере, до тридцати лет. Кроме этого, в социальном плане такая временная растянутость событий уже не встречает общественного осуждения» (Курышева О. В. Психологическая характеристика молодежи как возрастной группы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2014. № 1. С. 67–75).

того, чтобы проводить время так, как хотелось бы (48,0 %) ²⁵⁵. Примерно половина опрошенных (50,7 %), составляющих данный кластер и неудовлетворенных досугом, отмечают, что проводят его «скучно, однообразно». На втором месте среди причин неудовлетворенности респонденты называют недостаток свободного времени, усталость (40,4 %) и неумение планировать досуг ²⁵⁶ (40,4 %). Треть респондентов (29,8 %) ответили, что у них нет людей, с которыми хочется проводить свободное время.

Таким образом, кластер «активных онлайн» мы считаем наиболее депривированным. Для молодых людей, которые преимущественно проводят свое свободное время в интернете, характерно следующее. Во-первых, они в наименьшей степени обеспечены капиталами (ресурсами) различного рода. Во-вторых, молодежь ощущает дефицит удовлетворения разнообразных потребностей, в том числе потребностей в воспроизводстве социальных отношений («*Эти вопросы для осознания, что у тебя нет друзей, что ли?*») (Жен., 20 лет, студентка). В-третьих, ценностные ориентации, т. е. ориентиры деятельности этих молодых людей, не определены в полной степени. Отметим, что для кластера «пассивных и онлайн, и офлайн» маршруты повседневных перемещений в досуговых практиках сформированы на основе сложившихся ценностных ориентаций и не вызывают внутренних конфликтов. В случае с представителями кластера «активных онлайн» преобладание виртуально-коммуникационных перемещений и отсутствие физических во время досуга является следствием недостатка капиталов различного рода и не находит ценностного подкрепления, что вызывает у молодых людей ощущение неудовлетворенности.

---

²⁵⁵ Данные, полученные Л. Б. Осиповой и Е. А. Панфиловой, свидетельствуют о том, что и в других группах молодежи недостаток экономического капитала оказывает негативное влияние на досуговые возможности. Так, каждый второй студент профессиональной образовательной организации (48,6%), где проводилось исследование, имеет затруднения для выделения затрат на отдых и досуг (Осипова Л. Б., Панфилова Е. А. Досуг как сфера социализации молодежи // *Современные проблемы науки и образования*. 2014. № 5. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=15026> (дата обращения: 18.07.2017).

²⁵⁶ Отсутствие навыка планирования досуга у подростков обнаруживает исследование, проведенное Баразговой Е. С., Лихачевой Л. С. (Баразгова Е. С., Лихачева Л. С. Досуг как пространство инновационной активности молодежи // *Инновационный потенциал молодежи: патриотизм, образование, профессионализм: сборник материалов Международной молодежной научно-практической конференции* (г. Екатеринбург, 27–28 октября 2015 г.). Екатеринбург, 2015. С. 17–25).

Согласно полученным данным, маршруты повседневных перемещений онлайн в большей степени характерны для кластеров с преобладающей долей студентов. Представители этих кластеров в меньшей степени обеспечены экономическим капиталом, а также такими статусными ресурсами, как завершенное высшее образование, руководящая должность (по сравнению с представителями других кластеров). Кроме того, как было показано выше, незначительные доли респондентов при ответе на вопрос о желаемых досуговых практиках выбирали такие, которые подразумевают виртуально-коммуникационные перемещения.

В связи с этим мы предполагаем, что виртуально-коммуникационные перемещения имеют меньшую ценность в воспроизводстве социальных отношений, они используются только как дополнительный способ установления соединения. С одной стороны, обращение к виртуально-коммуникационным перемещениям студентами рассматривается как способ «компенсации» недостающих для физических перемещений ресурсов. С другой стороны, виртуально-коммуникационные перемещения частично заменяют физические перемещения, позволяя более оперативно удовлетворять потребности во взаимодействии и утверждении в социально-статусных позициях. При этом виртуально-коммуникационные перемещения в досуговых практиках молодых людей как дополнительная возможность установления социального взаимодействия выполняют свою функцию только в комбинации с физическими перемещениями.

Подводя итоги, отметим, что респонденты, выбирающие маршруты перемещений как «активные офлайн» являются наиболее обеспеченными капиталами (ресурсами). Они обладают максимальными способностями к воспроизводству отношений дружбы и родства и успешно их реализуют. Возможно, следствием этого становится тот факт, что их жизненные стратегии можно охарактеризовать как более успешные: среди них выше доля людей, занимающих руководящие должности и имеющих относительно высокий доход, а также удовлетворенных своим досугом.

Опрошенные, придерживающиеся маршрута «активные онлайн», наименее обеспечены капиталами. Более того, они в наименьшей степени способны воспроизводить имеющийся социальный капитал и менее всего удовлетворены своим досугом. Представители данного кластера не ассоциируются с успешным современным человеком, в том числе в связи с тем, что социальный капитал является одним из наиболее значимых для российского общества. Таким образом, ценности и потребности в воспроизводстве отношений дружбы и родства и их реализация в досуговых практиках в форме повседневных перемещений, способствующих становлению/поддержанию социально-статусной позиции, оказываются во взаимосвязи с успешностью индивида.

Наиболее привлекательным маршрутом повседневных перемещений мы считаем смешанный – «активные и онлайн, и офлайн». Молодые люди, придерживающиеся данной траектории в досуговых практиках, в достаточной степени обеспечены экономическим и социальным капиталами. Кроме того, ориентированность на ценности индивидуализации (в т. ч. саморазвития) способствует эффективному использованию имеющихся ресурсов и реализации индивидуальных потребностей без ущерба для личности и ее положения в социальных группах.

Таким образом, экономический и/или социальный капитал действуют как совокупность факторов, которые могут ограничивать или способствовать повседневным перемещениям. Вместе с тем наиболее значимыми факторами, определяющими маршруты перемещений в досуговых практиках молодежи, являются ценностные ориентации. Вот почему концепция сетевого капитала, предложенная Дж. Урри, оказывается не вполне состоятельной: она рассматривает сетевой капитал как результирующую сумму, т. е. чем в большей степени выражены элементы сетевого капитала, тем больше и он сам. Также Дж. Урри не рассматривает сетевой капитал «как атрибут отдельных индивидов»²⁵⁷, вероятно, поэтому упускает из вида готовность индивида к

---

²⁵⁷ Урри Дж. Мобильности. М., 2012. С. 363.

перемещениям, которая, по нашему мнению, определяется его ценностными ориентациями.

Результаты исследования позволили определить особенности выбора маршрутов повседневных перемещений в досуговых практиках молодежи крупного промышленного центра. Эти маршруты отличаются по направлениям, смысловым точкам и способам перемещений, что в конечном счете обнаруживает и социально-статусную дифференциацию.

Так, маршруты физических перемещений молодых людей, связанные с реализацией внедомашних досуговых практик и направленные на воспроизводство дружеских отношений, включают в себя смысловые точки, расположенные в центре города. Физические перемещения молодых людей в рамках внедомашних досуговых практик, ориентированные на воспроизводство определенного образа жизни (т. е. реализуемые в одиночестве), соединяют смысловые точки в районах проживания. Физические перемещения, служащие воспроизводству семейно-родственных отношений, связывают смысловые точки в нецентральных районах города.

Использование социальных сетей становится популярным способом виртуально-коммуникационных перемещений. Разные социальные сети применяют для воспроизводства разных социальных отношений: «Одноклассники» – для родственных; «Instagram», «Facebook», «Twitter» – дружеских. Точкой пересечения разных кругов общения становится социальная сеть «ВКонтакте» (статистически значимых отличий по субъектам взаимодействия не выявлено). Виртуально-коммуникационные перемещения, направленные на воспроизводство дружеских отношений, подразумевают также совместные компьютерные игры, использование мобильных мессенджеров. Воспроизводство семейно-родственных отношений происходит в основном посредством мобильного телефона.

Молодые люди, придерживающиеся виртуально-коммуникационных маршрутов, ориентированных на взаимодействие с друзьями, являются наименее обеспеченными ресурсами. Наиболее высокое социальное положение и большие

ресурсные возможности имеют те, кто выбирает маршруты, насыщенные физическими перемещениями, обеспечивающими взаимодействие и с родственниками, и с друзьями. Срединное положение занимают представители молодежной общности, осуществляющие смешанные маршруты, таким образом эффективно использующие ограниченные личные ресурсы для воспроизводства социальных отношений.

Заключение

Исследование теоретико-методологических подходов к пониманию сущности повседневных перемещений в досуговых практиках молодежи, анализ факторов, определяющих эти повседневные перемещения, а также результаты эмпирического исследования, проведенного с позиций социологии, позволяют прийти к следующим выводам.

На фоне общероссийской тенденции к одомашниванию досуга и преобладанию традиционных форм досуга особенную позицию занимает молодежь. Молодежь является социальной группой, активно включенной в досуговые практики, следовательно, ее повседневные перемещения более насыщены и разнообразны. Происходит это, во-первых, потому, что молодость как этап жизни человека в качестве ключевой задачи имеет социальное самоопределение, формирование социальной идентичности, включение в социальные группы и принятие новых социальных ролей. Во-вторых, скорость социальных изменений в современном мире такова, что передача успешных паттернов социального взаимодействия от старшего поколения к младшему теряет свое прежнее, первостепенное, значение. В связи с этим свободное общение со сверстниками во время досуга начинает играть решающую роль для молодых людей. Таким образом, социальные процессы находят отражение в повседневных практических действиях индивидов. Мы определили, что повседневные перемещения оказываются значимым социальным феноменом, поскольку являются необходимыми, с одной стороны, для воспроизводства личности самого индивида, с другой стороны, для воспроизводства его социальных отношений и связей с другими.

Молодые люди еще только находятся в поиске своего места в социальной структуре общества, им оказываются недоступны в полной мере ресурсы и

капиталы, которыми обладают «взрослые», занимая определенное положение в обществе. Студенты еще не имеют высшего образования, молодые специалисты достаточного для профессионального статуса опыта работы. Все дальше откладывается время вступления в брак, создание собственной семьи и рождение детей, что также сказывается на статусе социального субъекта. Таким образом, существуют определенные противоречия между жизненными целями и задачами, которые стоят перед молодым человеком и теми ресурсами, которыми он обладает для их выполнения.

Объем и структура ресурсов, имеющихся у молодого человека, определяют не только факт наличия или отсутствия повседневных перемещений в досуговой сфере, но и характер их протекания, отличающийся у представителей различных социальных групп. Отсюда, каждый индивид или группа, принимая во внимание собственные ресурсы, разрабатывает маршруты повседневных перемещений. Маршруты повседневных перемещений, используемые в досуговых практиках, могут быть «заранее намечены» в двух аспектах. Во-первых, существующие в конкретном обществе досуговые практики формируют контекст, задающий возможные пути следования, характерные для представителей определенных социальных групп. Так, например, до возникновения торговых центров маршруты не могли включать прогулки по ним. Во-вторых, путь следования определяется самим субъектом перемещения, например, в форме последовательно введенных в навигатор точек или умозрительного плана (иногда он составляется заранее, а иногда «на ходу»). Однако создание маршрута обычно включает в себя выбор не только направления перемещения, но и средств, и способов перемещения. Эти решения принимаются на основе доступных индивиду ресурсам в соответствии с его ценностями и потребностями, представлениями о желаемом и должном.

Среди внешних факторов, определяющих маршруты повседневных перемещений в досуговых практиках, мы рассматриваем инфраструктуру городской среды, уровень технико-технологического развития современной системы коммуникаций, моду. К внутренним факторам мы относим микросоциальную среду, принадлежность к определенной субкультуре.

Анализ теоретико-методологических подходов к исследованию повседневных перемещений в досуговых практиках молодежи позволил уточнить определение данного понятия. Повседневные перемещения в досуговых практиках молодежи представляют собой рутинные, возвратные, регулярные перемещения во время свободное от непреложных дел. Эти перемещения детерминируются структурой социальных отношений, свойственных конкретному обществу, и осуществляются на основе стереотипов в соответствии с целями, ценностными ориентациями и возможностями социального субъекта для удовлетворения широкого спектра потребностей в сфере досуга, способствуя становлению/поддержанию статусно-ролевого набора личности. С точки зрения темпорального критерия повседневные перемещения в досуговых практиках реализуются, во-первых, в пределах суточного времени, во-вторых, в рамках времени, свободного от выполнения непреложных обязательств. С точки зрения пространственного критерия повседневные перемещения в досуговых практиках протекают в пространственно-территориальном ареале деятельности индивидов и групп или виртуально-коммуникационной среде.

Ведущими факторами, влияющими на воспроизводство повседневных перемещений в досуговых практиках молодежи крупного промышленного города, являются потребность в сохранении и развитии родственных отношений, потребность в общении с друзьями, т. е. факторы микросоциальной среды. В диссертационном исследовании была выявлена следующая общая закономерность: молодые люди с большим социальным капиталом чаще осуществляют физические перемещения, встречаясь в свободное время с теми людьми, которые составляют их социальный капитал. При этом, чем больше индивидуальная сеть контактов в повседневной жизни, тем больше их и в социальных сетях, т. е. социальные отношения из повседневной жизни транслируются в социальные сети, что определяет виртуально-коммуникационные перемещения. В физических перемещениях молодые люди ориентированы на воспроизводство отношений родства, а в виртуально-коммуникационных – дружеских отношений. Происходит это потому, что люди

старшего возраста менее активно используют досуговые практики, связанные с виртуально-коммуникационными перемещениями, зачастую недооценивая их возможности в воспроизводстве социальных отношений. Родители и родственники молодых людей не только сами не участвуют в подобных досуговых практиках, но и не одобряют их реализацию молодыми людьми.

Анализ повседневных перемещений в досуговых практиках молодежи, анализ факторов, определяющих эти повседневные перемещения, проведенный в ходе диссертационного исследования, показал, что существуют 4 типа маршрутов повседневных перемещений. Эти маршруты отличаются по доминирующему способу перемещений: преобладают виртуально-коммуникационные или физические перемещения. Кроме того, мы выявили, что маршрут каждого типа реализуется молодыми людьми с определенными социально-статусными характеристиками:

– пассивный и онлайн, и офлайн маршрут. Данный маршрут характерен для молодых людей, выбирающих домашние, традиционные формы досуга. Это работающие молодые люди с высоким уровнем экономического капитала, низким уровнем социального капитала и ценностными ориентациями адаптации (33 % выборочной совокупности);

– активный онлайн маршрут. Маршрут реализуется студентами младших курсов с низким уровнем экономического и социального капитала, чьи ценностные ориентации тяготеют к ценностям адаптации и индивидуализации (40 % выборочной совокупности);

– активный офлайн маршрут. Маршрут повседневных перемещений в досуговых практиках с преобладанием физических перемещений. Данный маршрут склонны выбирать работающие молодые люди, занимающие руководящие должности, имеющие высокий уровень экономического и социального капитала и ориентированные на ценности социализации (10 % выборочной совокупности);

– активный и онлайн, и офлайн маршрут. Маршрут, включающий в себя виртуально-коммуникационные и физические перемещения. Как правило,

реализуется студентами со средним уровнем социального и экономического капитала, ориентированными на ценности индивидуализации (17 % выборочной совокупности).

Результаты исследования позволили выявить ряд противоречий. Во-первых, экономический капитал не оказывает решающего влияния на выбор маршрутов повседневных перемещений в досуговых практиках молодежи в том случае, когда мы говорим о массовых досуговых практиках. Недостаток экономических ресурсов сказывается негативно и ограничивает выбор маршрутов повседневных перемещений в досуговых практиках молодежи только в совокупности с ограниченностью других ресурсов. Во-вторых, виртуально-коммуникационные перемещения способствуют воспроизводству социального субъекта и социальных отношений только в том случае, когда дополняются физическими перемещениями. В-третьих, студенческая молодежь более активно включена в виртуально-коммуникационные перемещения, в отличие от работающей молодежи, для которой характерны физические перемещения и пассивные (без каких-либо перемещений) виды досуговых практик. В-четвертых, значительная часть студентов вузов и работающих молодых людей с высшим образованием (73 %) не используют возможности повседневных перемещений в досуговых практиках. Происходит это по разным причинам, прежде всего, в силу отсутствия соответствующих стереотипов деятельности. Кроме того, у молодых людей, предпочитающих традиционные, домашние формы досуга, не выявлены необходимые для перемещений установки и ценностные ориентации. Молодые люди, реализующие домашние практики досуга, имеют недостаточно ресурсов для реализации повседневных перемещений.

Как показывают исследования, способность личности к воспроизводству социальных отношений, т. е. к воспроизводству собственного социального капитала, является важным ресурсом в современном российском обществе, поскольку становится источником удовлетворения различных потребностей и получения выгод, в условиях, когда институциональные и формальные пути их достижения оказываются не всегда эффективными. В конечном счете, эта

способность оказывает влияние на положение, занимаемое индивидом в социальной структуре, и его удовлетворенность жизнью в целом. Кроме того, в постоянно трансформирующемся российском обществе существует потребность в людях, открытых изменениям и способных к быстрой адаптации. Наше исследование показывает, что даже среди наиболее мобильных молодых людей (городской молодежи с высшим образованием) в наименее регламентированной сфере жизнедеятельности (досуг) большая часть (70 %) ориентирована на простое воспроизводство сложившихся не самых эффективных социальных паттернов.

На основе данных выводов можно предложить следующие рекомендации для развития потенциала молодежи посредством повседневных перемещений в досуговых практиках. Во-первых, важно разработать информационно-методическое сопровождение внеучебной деятельности (включая сферу досуга) для учащихся старших классов общеобразовательных организаций и их родителей, в котором будут отражены позитивные современные досуговые практики молодежи, их значение для воспроизводства личности и социальных отношений²⁵⁸, а также предложены практические рекомендации по планированию свободного времени. Во-вторых, вследствие недостаточного экономического капитала молодежи, муниципальным и региональным органам власти, в лице комитетов и комиссий по работе с молодежью крупного промышленного города, необходимо формировать и распространять некоммерческие досуговые практики молодежи²⁵⁹ (особенно в зимнее время) с целью снижения негативных эффектов коммерциализации сферы досуга (в т. ч. организация соответствующих назначению, безопасных и надежных мест встреч), а также обеспечивать информационную поддержку некоммерческим мероприятиям, событиям и виртуальным площадкам, организуемым в сфере досуга молодежи. В-третьих, важным видится и создание условий для формирования молодежных сообществ, в том числе виртуальных, с целью развития социального капитала молодежи.

---

²⁵⁸ В СМИ зачастую новые досуговые практики молодежи рассматриваются в негативном ключе, с точки зрения их опасности и рисков.

²⁵⁹ Как, например, развитие городской инфраструктуры, для занятий спортом на улице, создание внутри образовательных организаций, на уровне муниципалитета, региона событий, вовлекающих молодежь в некоммерческие практики досуга, волонтерскую деятельность.

В-четвертых, особого внимания требует дальнейшее совершенствование досуговой инфраструктуры нецентральных районов г. Екатеринбурга для привлечения жителей других районов в «зону» свободного времяпрепровождения и «разгрузки» центральной части города. Для этого важна оптимизация сети городского общественного транспорта с целью увеличения доступности нецентральных районов между собой.

Перспективным направлением дальнейших исследований видится изучение повседневных перемещений в других сферах жизни молодых людей для ответа на вопрос о том, сохраняются ли выделенные нами закономерности. Кроме того, интерес представляет изучение повседневных перемещений молодых людей с ограниченными возможностями здоровья, которое позволит выявить механизмы адаптации и преодоления барьеров повседневных перемещений в досуговых практиках. Выявленные закономерности также ставят вопрос о влиянии реализации федерального государственного образовательного стандарта общего образования на формирование у обучающихся ценностей индивидуализации и их последующей готовности и способности к самовоспроизводству и воспроизводству социальных отношений посредством повседневных перемещений в досуговых практиках.

Литература

1. Аберкромби, Н. Социологический словарь / Н. Аберкромби, С. Хилл, Б. С. Тернер; Пер. с англ. под ред. С. А. Ерофеева. – М.: Экономика, 2000. – 416 с.
2. Андреева, О. С., Андреев, Е. С. Особенности представлений о коммуникации у студентов, зависимых от социальных сетей / О. С. Андреева, Е. С. Андреев // Вестник Тюменского государственного университета. – 2009. – № 5. – С. 138–142.
3. Антонова, Н. Л. Социальная практика: теоретико-методологические основания исследовательского анализа / Н. Л. Антонова // Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общественные науки. – 2009. – Том 70. – № 4. – С. 92–98.
4. Ахметшина, И. «Уралмаш и Сортировка – районы бедных» в Екатеринбурге составили психологическую карту города [Электронный ресурс] / И. Ахметшина // Сетевое издание «Е1.РУ Екатеринбург Онлайн». – Режим доступа: http://www.e1.ru/news/spool/news_id-464771.html.
5. Барзгова, Е. С., Лихачева, Л. С. Досуг как пространство инновационной активности молодежи / Е. С. Барзгова, Л. С. Лихачева // Инновационный потенциал молодежи: патриотизм, образование, профессионализм: сборник материалов Международной молодежной научно-практической конференции (г. Екатеринбург, 27–28 октября 2015 г.). – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. – С. 17–25.
6. Баранская, И. Городские кочевники – новый социальный класс, который живет в параллельном мире [Электронный ресурс] / И. Баранская // Лайфхакер. Ежедневный блог о том, как использовать интернет-сайты и компьютерные технологии с наибольшей эффективностью и пользой. – Режим доступа: <https://lifehacker.ru/2013/08/19/city-nomads/>.

7. Бардина, С. М. Кооперация или недоверие? Влияние объема социального капитала на стратегии экономического поведения / С. М. Бардина // Социология власти. – №4. – 2015. – С. 159–176.
8. Баталова А. А говорили, культурная столица: Екатеринбург уступил Питеру по числу торговых центров на человека / А. Баталова // Сетевое издание «E1.RU Екатеринбург Онлайн». – Режим доступа: http://www.e1.ru/news/spool/news_id-453574-section_id-144.html.
9. Батнасунов, А. С. Досуг как сфера жизнедеятельности современной российской молодежи: автореф. дис. ... канд. соц. наук: 22.00.06 / Батнасунов Александр Сергеевич. – Ставрополь, 2004. – 28 с.
10. Бауман, З. Текущая современность / З.Бауман. – СПб: Питер, 2008. – 240 с.
11. Бейер, Е. Мобильность. Последствия парадигмы мирового городского планирования для жизни в социалистическом государстве [Электронный ресурс] / Е. Бейер // Сайт международного форума дизайна и архитектуры «New city». – Режим доступа: <http://edu.tltsu.ru/sites/site.php?s=236&m=29766&y=2009>.
12. Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 383 с.
13. Бергер, П. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. — М.: Academia-Центр: МЕДИУМ, 1995. – 323 с.
14. Берджесс, Э. Рост города. Введение в исследовательский проект [Электронный ресурс] / Э. Берджесс // История социологии XX века: университетский курс. – М., 2007. – 971 с. – Режим доступа: <http://www.twirpx.com/file/330787/>.
15. Блэк, Дж. Экономика. Толковый словарь: англо-русский: [пер. с англ.] / Джон Блэк; общ. ред. И. М. Осадчая. – М.: ИНФРА-М; М.: Весь мир, 2000. – 840 с.

16. Бочарова, О.В. Истоки институционализации городского общественного транспорта / О. В. Бочарова // Теория и практика общественного развития. – 2010. – № 3. – С. 102–106.

17. Бурдьё, П. Практический смысл / П. Бурдьё; Пер. с фр. А. Т. Бикбова, К. Д. Вознесенской, С. Н. Зенкина, Н. А. Шматко; Отв. ред. пер. и послесл. Н. А. Шматко. – М.; СПб.: Ин-т эксперимент. социологии: Алетейя, 2001. – 563 с.

18. Бурдьё, П. Социальное пространство: поля и практики / П. Бурдьё; пер. с фр., сост., общ. ред. пер. и послесл. Н. А. Шматко. – М.; СПб.: Ин-т экспериментальной социологии: Алетейя, 2005. – 576 с.

19. Бурдьё, П. Социология социального пространства / П. Бурдьё. – СПб.: Алетейя, 2007. – 288 с.

20. Бурдьё, П. Структура, габитус, практика / П. Бурдьё // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1998. – Т. I. – № 3. – с. 60–70.

21. Бурлуцкая, М. Г., Петрова, Л. Е. Социально-имущественное положение молодежи Свердловской области / М. Г. Бурлуцкая, Л. Е. Петрова // Социальная работа на Урале: исторический опыт и современность: межвузовский сборник научных трудов. Вып. 2 / Рос. гос. проф.-пед. ун-т, Соц. ин-т. – Екатеринбург, 2002. – С. 30–51.

22. Бутонова, Н. В. Досуговые практики в современной культуре / Н. В. Бутонова // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2012. – Том 2. – № 1. – С. 201–210.

23. Бююль, А., Цефель, П. SPSS: искусство обработки информации. Анализ статистических данных и восстановление скрытых закономерностей / А. Бююль, П. Цефель. – СПб.: ООО «ДиаСофтЮП», 2005. – 608 с.

24. Ваксман, С. А. О соотношении понятий «мобильность» и «подвижность» в исследовании транспортных систем городов [Электронный ресурс] / С. А. Ваксман // Сайт «Проблемы развития транспортных систем городов и зон их влияния». – Режим доступа: <http://www.waksman.ru/Russian/Systems/Systems>.

25. Вахштайн, В., Степанцов, П. Евробарометр в России: социальный капитал, уровень городского развития и образовательные стратегии (2012-2014) [Электронный ресурс] / В. Вахштайн, П. Степанцов // Сайт Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». – Режим доступа: https://www.hse.ru/data/2014/12/26/1103971596/%D0%9F1%20%D0%92%D0%B0%D1%85%D1%88%D1%82%D0%B0%D0%B9%D0%BD%20%D0%9F%D1%80%D0%B5%D0%B7%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F_%D0%92%D0%A8%D0%AD.pdf.

26. Вебер, М. История хозяйства. Город / М. Вебер. – М.: Канон-пресс-Ц, Кучково поле, 2001. – 576 с.

27. Вебер, М. Протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер // Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.

28. Верпатова, О. Ю. Социально-культурное пространство и социальные перемещения в воззрениях отечественных мыслителей XX столетия / О.О. Верпатова // Вестник ТвГТУ. Серия «Науки об обществе и гуманитарные науки». – 2016. – № 2. – С. 16–23.

29. Веселкова Н. В. Ментальные карты города: вопросы методологии и практики использования / Н. В. Веселкова // Социология: методология, методы, математические модели. – 2010. – № 31. – С. 5–29.

30. Веселкова Н. В., Прямикова Е. В., Вандышев М. Н. Места памяти в молодых городах: моногр / Н. В. Веселкова, Е. В. Прямикова, М. Н. Вандышев. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. – 394 с.

31. Веселкова, Н. В. Новые исследования мобильности: совпадающие и несовпадающие потоки и социальная компетентность / Н.В. Веселкова // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2011. – № 3. – С. 50–66.

32. Вирт, Л. Избранные работы по социологии. Сборник переводов / Л. Вирт. – М.: Интион, 2005. – 150 с.

33. Вишневский, Ю. Р. Культурный досуг уральских и украинских студентов (по материалам социологических исследований) / Ю. Р. Вишневский, Е. Н. Нархова, Н. О. Южакова // Студенчество начала XXI века: ценностные

ориентации и повседневные практики. – Екатеринбург : УрФУ, 2012. – С. 324–345.

34. Вишневский, Ю. Р., Шапко, В. Т. Парадоксальный молодой человек / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко // Социологические исследования. – 2006. – № 6. – С. 26–36.

35. Вишнякова С. М. Профессиональное образование Словарь. Ключевые понятия, термины, актуальная лексика. – М.: НМЦ СПО, 1999. – 538 с.

36. Власова, О. В. Молодежные субкультуры и образование: особенности взаимодействия в условиях северного города: автореф. дис. ... канд. соц. наук: 22.00.06 / Власова Ольга Владимировна. – Екатеринбург, 2013. – 21 с.

37. Волков, В.В., Хархордин, О.В. Теория практик / В. В. Волков, О. В. Хархордин. – СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. – 298 с.

38. Воронин, Л. Г. «Еще раз о «кластерах на факторах» / Л. Г. Воронин // Социологический журнал. – 2010. – № 3. – С. 21–34.

39. Всемирная программа действий, касающаяся молодежи, до 2000 года и на последующий период, принятая резолюцией 50/81 Генеральной Ассамблеи ООН от 13 марта 1996 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт организации объединенных наций. – Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N96/771/45/PDF/N9677145.pdf?OpenElement>.

40. Вучик, В. Р. Транспорт в городах, удобных для жизни / В. Р. Вучик. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2011. – 567 с.

41. Габидуллина, Г. Р. Особенности изменения образа жизни городской и сельской молодежи в условиях трансформации российского общества: автореф. дис. ... канд. соц. наук: 22.00.04 / Габидуллина Гульнара Рафаэлевна. – Екатеринбург, 2009. – 23 с.

42. Гидденс, Э. Взаимодействие во времени и пространстве / Э. Гидденс // Социология. – М.: УРСС, 2005. – 632 с.

43. Гидденс, Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации / Э. Гидденс. – М.: Академический Проект, 2003. – 526 с.

44. Головина, Г.В. Культура досуга как условие адекватного развития личности / Г. В. Головина // Аналитика культурологи. – 2011. – № 19. – С. 241–244.

45. Гордеева, С. С., Хачатрян, Л. А. Влияние социальных и внешнесредовых факторов на здоровье городской и сельской молодежи / С. С. Гордеева, Л. А. Хачатрян // Динамика и инерционность воспроизводства населения и замещения поколений в России и СНГ. Т. 2: Демографический потенциал регионов России и СНГ: динамика роста и инерционность изменений. – Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2016. – С. 228–234.

46. Гордон, Л.А., Клопов, Э.В. Человек после работы. Социальные проблемы быта и внерабочего времени: по материалам изучения бюджетов времени рабочих в крупных городах европейской части СССР / Л. А. Гордон, Э. В. Клопов. – М.: Наука, 1972. – 268 с.

47. Горшков, М. К., Шереги, Ф. Э. О жизненных планах российской молодежи: настоящее и будущее / М. К. Горшков, Ф. Э. Шереги // Россия и Китай: молодежь XXI века [монография] / отв. редакторы: М. К. Горшков, Ли Чунлинь, З. Т. Голенкова, П. М. Козырева. – М.: Новый хронограф, 2014. – С. 384–404.

48. Гофман, А. Б. Мода и обычай / А. Б. Гофман // Рубеж (альманах социальных исследований). – 1992. – № 3. – С. 123–142.

49. Гофман, И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / И. Гофман. – М.: Институт социологии РАН, 2003. – 752 с.

50. Гофман, И. Представление себя другим в повседневной жизни / И. Гофман. – М.: Канон-пресс-Ц, 2000. – 304 с.

51. Гофман, И. Ритуал взаимодействия. Очерки поведения лицом к лицу / И. Гофман. – М.: Смысл, 2009. – 319 с.

52. Градосельская, Г. В. Сетевые измерения в социологии / Г. В. Градосельская. – М.: Новый учебник, 2004. – 248 с.

53. Грунт, Е. В., Мухутдинова, А. И. Потребительское поведение молодежи при выборе модной одежды / Е. В. Грунт, А. И. Мухутдинова //

Известия Уральского федерального университета. Сер. 3, Общественные науки. – 2017. – Т. 12. – № 1(161). – С. 26–38.

54. Грушин, Б. А. Свободное время: актуальные проблемы / Б. А. Грушин. – М.: «Мысль», 1967. – 175 с.

55. Гультияев, И. И. Социально-культурные условия развития досуговых интересов современной семьи: автореф. дисс. ... канд. пед. наук: 13.00.05 / Гультияев Иван Иванович. – Москва, 2005. – 19 с.

56. Гуркина, О. А., Мальцева, Д. В. Мотивы использования виртуальных социальных сетей подростками / О. А. Гуркина, Д. В. Мальцева // Социологические исследования. – 2015. – № 5. – С. 123–130.

57. Джекобс, Д. Смерть и жизнь больших американских городов / Д. Джекобс. – М.: Новое издательство, 2011. – 460 с.

58. Досуг россиян: развлечения и увлечения. Как проводят свое свободное время те, у кого оно есть? [Электронный ресурс] // Сайт Фонда Общественное Мнение. – Режим доступа: <http://fom.ru/posts/10846>.

59. Дробышевская, Т. В. Драматургия города [Электронный ресурс] / Т. В. Дробышевская // Цифровая книга. – Режим доступа: https://ridero.ru/books/dramaturgiya_goroda/read/#textpreview.

60. Дужникова, А. С. Социальные сети: современные тенденции и типы пользования / А. С. Дужникова // Мониторинг общественного мнения. – 2010. – № 5(99). – С. 243–245.

61. Дюмазедье, Ж. На пути к цивилизации досуга / Ж. Дюмазедье // Вестник Московского университета. – Серия 12: Социально-политические исследования. – 1993. – № 1. – С. 83–88.

62. Евробарометр в России [Электронный ресурс] // Портал социологических данных РАНХиГС. – Режим доступа: <http://social.ranepa.ru/tsentr-sotsiologicheskikh-issledovaniy-ion/1-evrobarometr-v-rossii>.

63. Жамсуева, О. С. Досуг сельской молодежи на современном этапе развития российского общества: автореф. дис. ... канд. соц. наук: 22.00.04 / Жамсуева Ольга Сергеевна. – Улан-Удэ, 2013. – 27 с.

64. Жигарева, П. А. Стратегии мобильности и сети доверия: анализ современных тенденций / П. А. Жигарева // Социология власти. – № 4. – 2015. – С. 177–194.

65. Жилина О. Прожиточный минимум на II квартал в Свердловской области составил 9 978 рублей / О. Жилина // Областная газета. – 2017 – 15 марта. – Режим доступа: <https://www.oblgazeta.ru/news/23703/>

66. Загребин, В. В. Подходы к определению категории «молодежь» [Электронный ресурс] / В. В. Загребин // – Концепт. – 2014. – № 2. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/podhody-k-opredeleniyu-kategorii-molodyozh>.

67. Зборовский, Г. Е. Общая социология: Учебник. 3-е изд., испр. и доп./ Г. Е. Зборовский. – М.: Гардарики, 2004. – 592 с.

68. Зборовский, Г. Е. Пространство и время как формы социального бытия / Г. Е. Зборовский. – Свердловск: Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1974. – 223 с.

69. Зборовский, Г. Е., Орлов, Г. П. Досуг: действительность и иллюзии / Г.Е. Зборовский, Г.П. Орлов. – Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1970. – 232 с.

70. Зиммель, Г. Большие города и духовная жизнь / Г. Зиммель // «Логос». – 2002. – № 3–4. – С. 23–35.

71. Зорбо, Х. У. Золотой Берег и трущобы [Электронный ресурс] / Х. У. Зорбо // История социологии XX века: университетский курс. – М., 2007. – 971 с. – Режим доступа: <http://www.twirpx.com/file/330787/>.

72. Зубок, Ю. А. Проблемы социального развития молодежи в условиях риска / Ю. А. Зубок // Социологические исследования. – 2003. – № 4. – С. 42–50.

73. Иглакова, О. В. Подходы к операционализации концепции человеческого ресурса / О. В. Иглакова // Вестник Томского государственного университета Философия. Социология. Политология. – 2013. – № 1 (21). – С. 196–203.

74. Иконникова, С. Н. Проблема всестороннего и гармоничного развития личности / С. Н. Иконникова // Духовная культура развитого социализма и

личность: [Сб. статей / Науч. ред. С. Н. Иконникова]. – Л.: ЛГИК, 1980. – С. 142–151.

75. Ильин, Г. Л. Социология и психология управления / Г. Л. Ильин. – М.: Академия, 2005. – 192 с.

76. Интернет-зависимость [Электронный ресурс] // Сайт Фонда Общественное Мнение. – Режим доступа: <http://fom.ru/SMI-i-internet/10872>.

77. Ионин, Л. Г. Повседневность / Л. Г. Ионин // Культурология. XX век: энциклопедия. Т. 2, М-Я. – СПб.: Университетская книга, 1998. – С. 104–105.

78. К мобильному обществу: утопии и реальность: к юбилею проф. Я. Н. Засурского // под ред. Я. Н. Засурского. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2009. – 299 с.

79. Каравай, А. В. Социальный капитал российских рабочих и их установки в отношении его накопления / А. В. Каравай // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2016. – № 3. – С. 1–15.

80. Карачурина, Л. Б. Мкртчян, Н. В. Потенциал пространственной мобильности безработных в России / Л. Б. Карачурина, Н. В. Мкртчян // Социологические исследования. – 2012. – № 2. – С. 40–53.

81. Коленькова, М. А. Досуговая культура российских студентов / М. А. Коленькова // Сервис в России и за рубежом. – 2015. – Т. 9. – № 4(60). – С. 51–59.

82. Коржева, Э. М. Актуальные проблемы свободного времени в интерпретации французских социологов / Э. М. Коржева // Франция глазами французских социологов / Отв. ред. Н. В. Фомина, С. А. Эфиров. – М.: Наука, 1990. – С. 218–231.

83. Костина, Н. Б., Павлов, Б. С. Услуги в большом городе как стимул к деятельности и фактор интеграции / Н. Б. Костина, Б. С. Павлов // Вестник ВЭГУ. – 2014. – № 1 (69). – С. 52–64.

84. Котельникова, Н. В. Инновационные тенденции в сфере молодежного досуга в современной России. Автореф. дис. ... канд. соц. наук: 22.00.06 / Котельникова Наталья Вадимовна. – Ставрополь, 2003. – 23 с.
85. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий / Дж. Коулман // Общественные науки и современность. – 2001. – № 3. – С. 122–139.
86. Кузина С. Ученые выяснили, когда заканчивается молодость [Электронный ресурс] / С. Кузина // Сетевое издание «Комсомольская правда». – 2012. – 28 сентября. – Режим доступа: <http://www.ugra.kp.ru/daily/25957/2898006/>.
87. Курышева, О.В. Психологическая характеристика молодежи как возрастной группы / О. В. Курышева // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. – 2014. – № 1. – С. 67–75.
88. Левинсон, А. Г. Текущее и недвижимое в московской периферии / А. Г. Левинсон // Археология периферии. Сборник статей. – М.: Strelka Institute, 2013. – С. 314–381.
89. Левичева, В. Ф. Социальное самоопределение молодежи / В. Ф. Левичева // Знание. Понимание. Умение. – 2012. – № 2. – С. 322–324.
90. Лефевр, А. Идеи для концепции нового урбанизма / А. Лефевр // Социологическое обозрение. – 2002. – Том 2. – № 3. – С. 19–26.
91. Лефевр, А. Повседневное и повседневность / А. Лефевр // Социологическое обозрение. – 2007. – Том 6. – № 3. – С. 33–36.
92. Лефевр, А. Социальное пространство / А. Лефевр // «Неприкосновенный запас». – 2010. – № 2. – С. 3–14.
93. Лисовский, В. Т. О молодежи и молодежной политике: избр. соч.: в 2 т. / Под общ. ред. А. А. Козлова. – СПб.: Химиздат, 2005. – Т.1. – 312 с.
94. Маклюэн, М. Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего / М. Маклюэн. – М.: Академический Проект: Мир, 2005. – 495 с.
95. Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 гг. /К. Маркс, Ф. Энгельс // Собр. соч. 2-е изд. М: Изд-во полит. лит-ры, 1969. – Т. 46. – Ч. 2. – 626 с.

96. Маркс, К. Сочинения. Том 26. Часть 3 [Электронный ресурс] / К. Маркс. – М.: Государственное изд-во политической литературы, 1964. – 681 с. – Режим доступа: <http://www.biblioclub.ru/book/54945/>.

97. Маркс, К. Экономические рукописи 1857–1861 гг. (Первоначальный вариант «Капитала»): [в 2 ч.] / К. Маркс. – М.: Политиздат, 1980. – Ч. 2. – 619 с.

98. Матющенко, Н. С. Отдых и развлечения как показатель качества жизни современного человека / Н. С. Матющенко // Вестник СГУТиКД. – 2010. – № 3(13). – С. 11–19.

99. Меренков, А. В. Система детерминации человеческой деятельности. / А. В. Меренков. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. горно-геологической академии, изд-во Банк культурной информации, 2003. – 228 с.

100. Меренков, А. В. Социология стереотипов / А. В. Меренков – Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та, 2001. – 290 с.

101. Меренков, А. В. Тенденции изменения семейного воспитания в современном обществе / А. В. Меренков // Социологические исследования. – 2013. – № 2. – С. 101–110.

102. Мертон, Р. Социальная теория и социальная структура / Р. Мертон [пер. с англ. Е. Н. Егоровой, З. В. Кагановой, В. Г. Николаева [и др.] ; науч. ред. З. В. Каганова]. – М. АСТ: Хранитель, 2006. – 873 с.

103. Мид, М. Культура и мир детства: Избранные произведения / М. Мид. Сост., отв. ред., авт. послесл. И.С. Кон; Пер. с англ. Ю.А. Асеева. – М.: Наука, 1988. – 429 с.

104. Милграм, С. Эксперимент в социальной психологии / С. Милграм. – 3-е междунар. изд. – СПб.; М.; Харьков; Минск: Питер, 2000. – 335 с.

105. Михайловина, Е. Сколько времени россияне проводят в социальных сетях? [Электронный ресурс] / Е. Михайловина // Сайт Исследовательского холдинга Ромир. – Режим доступа: http://romir.ru/press/2192_21.05.2015/.

106. Молодежь новой России: образ жизни и ценностные приоритеты. – М.: Институт социологии РАН, 2007. – 95 с.

107. Мулеев, Е. Ю. «Транспортное поведение», «подвижность», «мобильность»: к вопросу о концептуализации терминов / Е. Ю. Мулеев // Социологический журнал. – 2015. – № 3. – С. 8–28.

108. Мурзин, А. Э. Актуально ли изучать свободное время? / А.Э. Мурзин // Социологические исследования. – 1993. – № 11. – С. 95–99.

109. Нархова, Е. Н., Усцова Е. В. Роль досуговой деятельности в профилактике аддикций / Е. Н. Нархова, Е. В. Усцова // Инновационный потенциал молодежи: патриотизм, образование, профессионализм: сборник материалов Международной молодежной научно-практической конференции (г. Екатеринбург, 27–28 октября 2015 г.). – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. – С. 307–313.

110. Новая философская энциклопедия. Т.3. / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; Предс. научно-ред. совета В.С. Степин. – М.: Мысль, 2010. – 640 с.

111. О чем врут пользователи социальных сетей? [Электронный ресурс] // Сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения. – Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=111364>.

112. О чем россияне чаще всего врут в соцсетях. [Электронный ресурс] // Портал «Медиастанция». – Режим доступа: <http://mediastancia.com/articles/4212/>.

113. Ольденбург, Р. Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества / Р. Ольденбург. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 456 с.

114. Омельченко, Е. Л. Молодежные культуры и субкультуры / Е. Л. Омельченко. – М.: Изд-во «Институт социологии РАН», 2000. – 262 с.

115. Омельченко, Е. Л. От сытых нулевых – к молчаливым десяткам: поколенческие уроки российской молодежи начала XXI века / Е. Л. Омельченко // Социологический ежегодник, 2011: Сб. науч. тр.; Ред. и сост. Покровский Н. Е, Ефременко Д. В. – М.: РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии; Кафедра общей социологии ГУ-ВШЭ, 2011. – С. 243–263.

116. Омельченко, Е. Л. Солидарности и культурные практики российской молодежи начала XXI века: теоретический контекст / Е. Л. Омельченко // Социологические исследования. – 2013. – № 10. – С. 52–61.

117. Опрос молодежи: досуговые и интернет-практики [Электронный ресурс] // Сайт Фонда Общественное Мнение. – Режим доступа: <http://fom.ru/Obraz-zhizni/13103>.

118. Орлов А. С. Труд и рекреация // Социологические исследования. – 1991. – № 10. – С. 73–77.

119. Орлов Г. П. Свободное время как социологическая категория / Г. П. Орлов. – Свердловск: [б. и.], 1973. – 156 с.

120. Осипова, Л. Б., Панфилова, Е. А. Досуг как сфера социализации молодежи [Электронный ресурс] / Л. Б. Осипова, Е. А. Панфилова // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 5. – Режим доступа: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=15026>.

121. Отчеты по проекту Web Index [Электронный ресурс] // Сайт компании Mediascop. – Режим доступа: [http://mediascope.net/services/media/media-audience/internet/information/?arrFilter_pf\[YEAR\]=2017&set_filter=Y](http://mediascope.net/services/media/media-audience/internet/information/?arrFilter_pf[YEAR]=2017&set_filter=Y).

122. Официальный сайт управления Федеральной службы государственной статистики по Свердловской и Курганской области. – Режим доступа: http://sverdl.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/sverdl/ru/statistics/sverdlStat/standards_of_life/.

123. Павлов, Б. С. Диссонанс потребительских притязаний и трудовой активности в молодежной среде на Урале / Б. С. Павлов // Уровень жизни населения регионов России. – 2015. – № 4 (198). – С. 153–166.

124. Павлов, С. В. Досуговые практики городских подростков в современной России (социологический анализ): автореф. дис. ... канд. соц. наук: 22.00.06 / Павлов Станислав Владленович. – М., 2016. – 30 с.

125. Парк, Р. Э. Сознание бродяги: рассуждения по поводу соотношения сознания и перемещения / Р. Э. Парк // Социологическое обозрение. – 2003. – Т. 3. – № 1. – С. 35–37.

126. Парк, Р. Э. Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок / Р. Э. Парк // Социологическое обозрение. – 2006. – Т. 5. – № 1. – С. 11–18.

127. Парк, Р. Э. Физика и общество / Р. Э. Парк // Социологическое обозрение. – 2007. – Т. 6. – № 1. – С. 4–16.

128. Парсонс, Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения / Т. Парсонс // Теоретическая социология: Антология: В 2 ч. – М: Академический проект, 2002. – Ч. 2. – С. 3–43.

129. Парсонс, Т. Современное состояние и перспективы систематической теории в социологии / Т. Парсонс // Современная западная теоретическая социология: реф. сб.: Толкотт Парсонс (1902–1972). – М.: ИНИОН, 1994. – С. 53–78.

130. Патрушев В. Д. Свободное время работающих горожан России и США (сравнительный анализ) / В. Д. Патрушев // Социологические исследования. – 2004. – № 12. – С. 30–40.

131. Патрушев В. Д., Караханова Т. М., Темницкий А. Л. Жизнь горожанина десять лет спустя: панельное обследование псковитян в 1986 и 1995 годах / В. Д. Патрушев, Т. М. Караханова, А. Л. Темницкий // Социологический журнал. – 1996. – № 1–2. – С. 161–168.

132. Педагогический энциклопедический словарь / Гл. ред. Б. М. Бим-Бад. – М.: Большая рос. энцикл., 2002. – 527 с.

133. Петров, А. В. Ценностные предпочтения молодежи: диагностика и тенденции изменений / А. В. Петров // Социологические исследования. – 2008. – № 2. – С. 83–90.

134. Петров, Н. В. Пространственно-временной анализ в социальной географии: основные достижения и направления исследований шведской школы / Н. В. Петров. – М.: ИГАН, 1986. – 56 с.

135. Пименова, О. И. Глянцевый журнал как фактор конструирования социально-статусной идентичности молодежи: автореф. дис. ... канд. соц. наук: 22.00.04 / Пименова Ольга Игоревна. – Екатеринбург, 2013. – 22 с.

136. Пирогов, С. В. Конспект лекций по курсу социология города [Электронный ресурс] / С. В. Пирогов // Официальный портал Института социологии Российской академии наук. Томск. 2003. – Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/text/19284692>.

137. Плюснин, Ю. М. Пространственное поведение человека (методы проксеимических исследований) / Ю. М. Плюснин. – Новосибирск: Институт философии и права Сибирского отделения РАН, 1990. – 45 с.

138. Положение молодежи Свердловской области в 2015 году: научные основы доклада Правительству Свердловской области: коллективная монография / А. А. Айвазян [и др.]; под общей редакцией Ю. Р. Вишневого. – Екатеринбург: Издательство УМЦ УПИ, 2016. – 272 с.

139. Пользователи массово врут в соцсетях. Большинство людей искажают действительность в соцмедиа [Электронный ресурс] // Состав.ру. Независимый проект брендингового агентства Depot WPF. – Режим доступа: <http://www.sostav.ru/publication/kak-lozh-stala-virtualnoj-realnostyu-21799.html>.

140. Приказ Министерства спорта Российской Федерации от 29.04.2016 № 470 «О признании и включении во Всероссийский реестр видов спорта спортивных дисциплин, видов спорта и внесении изменений во Всероссийский реестр видов спорта». – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/420356645>.

141. Приказ Министерства спорта, туризма и молодежной политики Российской Федерации от 17.06.2010 № 606 «О признании и включении видов спорта, спортивных дисциплин во Всероссийский реестр видов спорта». – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/902223318>.

142. Пэлфри, Дж. Дети цифровой эры / Дж. Пэлфри. – М.: Эксмо, 2011. – 368 с.

143. Радаев, В. В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация / В. В. Радаев // Общественные науки и современность. – 2003. – № 2. – С. 5–16.

144. Радаев, В. В. Социальная стратификация: [Учеб. пособие для вузов] / В. В. Радаев, О. И. Шкаратан. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 317 с.

145. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 года № 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года». – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/420237592>.

146. Рогозин, Д. М., Ипатова, А. А. «Насколько разумна наша вера в результаты «бумажных» квартирных опросов?» / Д. М. Рогозин, А. А. Ипатова. – М.: Радуга, 2015. – 124 с.

147. Российская социологическая энциклопедия / РАН, Ин-т соц.-полит. исследований; Под общ. ред. Г.В. Осипова. – М.: НОРМА: ИНФРА-М, 1999. – 666 с.

148. Российское городское пространство: попытка осмысления: [сборник]. – М.: Моск. обществ. науч. фонд, 2000. – 165 с.

149. Россия: трансформирующееся общество / Под редакцией В. А. Ядова. – М.: Издательство Канон-пресс-Ц, 2011. – 640 с.

150. Руткевич, М. Н. Макросоциология: Методологические очерки / М. Н. Руткевич. – М.: ИФ РАН, 1995. – 423 с.

151. Руткевич, М. Н., Филиппов, Ф. Р. Социальные перемещения / М. Н. Руткевич, Ф. Р. Филиппов. – М.: Мысль. – 1970. – 256 с.

152. Рыков Ю. Г. Виртуальное сообщество как социальное поле: неравенство и коммуникативный капитал / Ю. Г. Рыков // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2013. – Том XVI. – № 4 (69). – С. 44–60.

153. Рыков Ю. Г. Сетевое неравенство и структура онлайн-сообществ / Ю. Г. Рыков // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2015. – Том XVIII. – № 4 (81). – С. 144–156.

154. С помощью мобильных телефонов американские ученые выявили законы перемещения людей. [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий. – Режим доступа: <http://gtmarket.ru/news/culture/2008/06/07/1699>.

155. Сапонов, Д. И. Мобильные опросы в социологических исследованиях / Д. И. Сапонов // Мониторинг общественного мнения. – 2011. – № 4 (104). – С. 64–73.

156. Сапонов, Д. И. Мобильные опросы. Влияние способа сбора данных на результат / Д. И. Сапонов // Мониторинг общественного мнения. – 2012. – №1(107). – С. 45–51.

157. Свободное время – редкость, главное – уметь его провести! [Электронный ресурс] // Сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения. – Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=13194>.

158. Седов, Л. А. Поколенческий прогноз / Л. А. Седов // Общественные науки и современность. – 2011. – № 1. – С. 78–85.

159. Седова, Н. Н. Досуговая активность граждан / Н. Н. Седова // Социологические исследования. – 2009. – № 12. – С. 56–69.

160. Семенов, В. Е. Ценностные ориентации современной молодежи / В. Е. Семенов // Социологические исследования. – 2007. – № 4. – С. 37–43.

161. Серто, М. де Изобретение повседневности.1. Искусство делать / М. де Серто. – СПб.: Издательство Европейского университета, 2013. – 330 с.

162. Серто, М. де. Практика повседневной жизни. Пространственные практики / Пер. с англ. Н. Эдельмана // Прогнозис. – 2010. – № 1 (20). – С. 151–184.

163. Сивак, Е. В., Глазков, К. П. Жизнь вне класса: повседневная мобильность школьников / Е. В. Сивак, К. П. Глазков // Вопросы образования. – 2017. – № 2. – С. 113–133.

164. Современная социальная философия: учебное пособие / Ю. В. Бурбулис и др.; под общ. ред. Т. Х. Керимова]; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург: Изд-во. Урал. ун-та, 2015. – 156 с.

165. Сорокин, П. А. Влияние мобильности на человеческое поведение и психологию / П. А. Сорокин // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2004. – № 2 (70). – С. 101–110.

166. Сорокин, П. А. Кризис современной семьи (социологический очерк) / П. А. Сорокин // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. – 1997. – № 3. – С. 65–79.

167. Сорокин, П. А. Социальная мобильность / П. А. Сорокин. – М.: Academia, 2005. – 558 с.
168. Сорокин, П. А. Социальная стратификация и мобильность / П. А. Сорокин. – М.: Директ-Медиа, 2007. – 346 с.
169. Сорокин, П. А. Человек. Цивилизация. Общество / П. А. Сорокин. – М.: Политиздат, 1992. – 393 с.
170. Социальное самочувствие молодежи Свердловской области в 2015 году: итоги социологического исследования: коллективная монография / О. Р. Белова, Е. Н. Бочканова, Ю. Р. Вишневецкий [и др.]; под общей редакцией Ю. Р. Вишневецкого, Д. Ю. Нархова. – Екатеринбург: ООО «Издательство УМЦ УПИ», 2016. – 205 с.
171. Социальные сети в России, зима 2015-2016. Цифры, тренды, прогнозы. [Электронный ресурс] // Сайт Аналитического центра Brand Analytics. – Режим доступа: <http://blog.br-analytics.ru/socialnye-seti-v-rossii-zima-2015-2016-cifry-trendy-prognozy/>.
172. Социолог Елена Омельченко – о поколении Крыма, прагматичном патриотизме и исчезновении готов [Электронный ресурс] / Ю. Галкина // The Village – городской интернет-сайт. – Режим доступа: <http://www.the-village.ru/village/people/city-news/178619-omelchenko>.
173. Социологический словарь / Акад. учеб.-науч. центр РАН-МГУ им. М. В. Ломоносова ; отв. ред. Г. В. Осипов, Л. Н. Москвичев; ученый секретарь О. Е. Чернощек. – Москва: Норма: Инфра-М, 2010. – 606 с.
174. Социологический энциклопедический словарь: На рус., англ., нем., фр. и чеш. яз. / Ин-т соц.-полит. исслед. РАН ; Ин-т социологии РАН; Ред.-координатор Г. В. Осипов. – М. : ИНФРА-М : НОРМА, 2000. – 482 с.
175. Социология в России / Под ред. В. А. Ядова. – 2-е изд., перераб. и дополн. – М.: Издательство Института социологии РАН, 1998 – 696 с.
176. Социология: Энциклопедия / Сост. А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко, Г. М. Евелькин, Г. Н. Соколова, О. В. Терещенко. – Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2003. – 1312 с.

177. Стрельникова, А. В. Перемещения в пространственных координатах: больше, чем географическая мобильность / А. В. Стрельникова // Inter. – 2014. – № 8. – С. 30–35.

178. Стриженко, А. А. Виртуальные сообщества как участники компьютерно-опосредованной коммуникации / А. А. Стриженко // Мир науки, культуры, образования. – 2010. – № 3. – С. 67–69.

179. Студент – 2009: материалы пятого этапа социологического мониторинга (январь–апрель 2009 г.) / Федерал. агентство по образованию, Рос. о-во социологов [и др.] ; [редкол. Ю. Р. Вишневский, А. В. Пономарев, А. П. Коробейникова]. – Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2009. – 162 с.

180. Студент – 2012: материалы шестого этапа социологического мониторинга, декабрь 2011 – январь 2012 / [Ю. Р. Вишневский, П. А. Амбарова, Л. Н. Банникова и др.; под ред. Ю. Р. Вишневого]; Урал. федер. ун-т им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. – Екатеринбург: УрФУ, 2012. – 332 с.

181. Теория культуры: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности 031401.65 «Культурология» / под ред. С. Н. Иконниковой, В. П. Большакова. – СПб.: Питер, 2008. – 592 с.

182. Тихонова, Н. Е. Ресурсный подход как новая теоретическая парадигма в стратификационных исследованиях / Н. Е. Тихонова // Экономическая социология. – 2006. – Т. 7. – № 3. – С. 11–26.

183. Трубина, Е. Г. Город в теории: опыты осмысления пространства / Е. Г. Трубина. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 520 с.

184. Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы» [Электронный ресурс] // Портал ГАРАНТ.РУ. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/1110145/>.

185. Урри Дж. Мобильность и близость // Социологические исследования. – 2013. – № 2. – С. 3–14.

186. Урри, Дж. Мобильности / Дж. Урри. – М.: Праксис, 2012. – 576 с.

187. Урри, Дж. Социология за пределами сообществ: виды мобильности для XXI столетия / Дж. Урри. – М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2012. – 336 с.
188. Фень, Е. Г. Город в движении: к вопросу о повседневной мобильности / Е. Г. Фень // Антропологический форум. – 2011. – № 15. – С. 145–156.
189. Фень, Е. Г. Основные категории феноменологической философии пространства в современных исследованиях города: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01 / Фень Екатерина Геннадьевна. – Москва, 2012. – 142 с.
190. Филиппов А. Ф. Обоснование теоретической социологии: введение в концепцию Георга Зиммеля // Социологический журнал, 1994. – Том. 0. – № 2. – С. 65–81.
191. Филиппов, А. Ф. Прикладная социология пространства / А. Ф. Филиппов // Социологическое обозрение. – 2009. – Т. 8. – № 3. – С. 3–15.
192. Филиппов, А. Ф. Социология пространства / А. Ф. Филиппов. – СПб.: Владимир Даль, 2008. – 290 с.
193. Филиппов, А. Ф. Социология пространства: общий замысел и классическая разработка проблемы / А. Ф. Филиппов // Логос. – 2002. – № 2. – С. 113–151.
194. Филиппов, А. Ф. Элементарная социология пространства / А. Ф. Филиппов // Социологический журнал. – 1995. – № 1. – С. 45–69.
195. Философский словарь: Пер. с фр. / Д. Жюлиа. – М.: Международные отношения, 2000. – 537 с.
196. Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л. Ф. Ильичев и др. – Москва: Советская энциклопедия, 1983. – 839 с.
197. Фомченкова, Г. А. Институционализация безопасности молодежи в условиях трансформации российского общества. дис. ... д-ра соц. наук: 22.00.04 / Фомченкова Галина Алексеевна. – СПб., 2013. – 410 с.
198. Фуко, М. Безопасность, территория, население / М. Фуко. – СПб.: Наука, 2011. – 544 с.

199. Харви, Д. Право на город / Д. Харви // Логос. – 2008. – № 3. – С. 80–94.
200. Харви, Д. Пространство как ключевое слово / Д. Харви // философско-культурологический журнал Топос. – 2011. – № 1. – С. 10–39.
201. Что такое интернет-серфинг? [Электронный ресурс] // Сайт проекта «Как просто!» компании ООО «РелевантМедиа». – Режим доступа: <http://www.kakprosto.ru/kak-843318-что-такое-internet-serfing>.
202. Шайнер, Й., Каспер, Б. Образ жизни, выбор местожительства и каждодневная мобильность: образ жизни в контексте пространственной мобильности и планирования / Й. Шайнер, Б. Каспер // Международный журнал социальных наук. – 2004. – № 46. – С. 175–190.
203. Шевелева, А. Городские социологи о доверии к ЦАО, нежелании быть москвичом и районной идентичности [Электронный ресурс] / А. Шевелева // The Village – городской интернет-сайт. – Режим доступа: <http://www.the-village.ru/village/people/city-news/141767-gorodskie-sotsiologi-interview>.
204. Шмелева, Е. В. Новые медиа: переписывание или проектирование города? Кейс Foursquare и проекта «Районные блоги» / Е. В. Шмелева // – Социология власти. – 2014. – № 4. – С. 137–155.
205. Шмерлина, И. А. Свободное время – навязанное пространство жизни? / И. А. Шмерлина // Социальная реальность. – 2007. – № 8. – С. 5–31.
206. Штомпка, П. Социология. Анализ современного общества / П. Штомпка. – М.: Логос, 2005. – 664 с.
207. Шюц, А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / А. Шюц. – М.: РОССПЭН, 2004. – 1056 с.
208. Шюц, А. Структура повседневного мышления / А. Шюц // Социологические исследования. – 1988. – № 2. – С. 129–137.
209. Эриксон, Э. Идентичность: юность и кризис: [учеб. пособие]: пер. с англ. / Э. Эриксон; общ. ред. и предисл. А. В. Толстых. – М.: Флинта: Моск. психол.-соц. ин-т: Прогресс, 2006. – 344 с.

210. Яковлев, А. Как живут те, кто каждый день тратит долгие часы на дорогу в Москву [Электронный ресурс] / А. Яковлев // The Village – городской интернет-сайт. – Режим доступа: <http://www.the-village.ru/village/people/people/229465-dolgay-a-doroga-domoy>.

211. Яницкий, М. С. Ценностные ориентации личности как динамическая система / М. С. Яницкий. – Кемерово: Изд-во Кузбасс-вузиздат, 2000. – 203 с.

212. Яцутко, Д. Слово о транзитных пространствах [Электронный ресурс] / Д. Яцутко // XXII век. Открытия, ожидания, угрозы. Научно-популярный портал. – Режим доступа: <https://22century.ru/popular-science-publications/transitional-spaces>.

213. Auge, M. Non-places: introduction to an anthropology of super-modernity / M. Auge. – London: Verso, 1995. – 122 p.

214. Bourdieu, P. Outline of a theory of practice / P. Bourdieu. – Cambridge: Cambridge University Press, 1977. – 248 p.

215. Camarero, L. A. Exploring the social face of urban mobility: daily mobility as part of the social structure in Spain / L. A. Camarero, J. Oliva // International Journal of Urban and Regional Research. – 2008. – Vol. 32. – Iss. 2. – Pp. 344–362.

216. Fagerholm, N. Mapping and characterizing children's daily mobility in urban residential areas in Turku, Finland / N. Fagerholm, A., Broberg // Fennia – 2011. – 189:2. – Pp. 31–46.

217. Flamm, M., Kaufmann, V. Operationalising the Concept of Motility: A Qualitative Study / M. Flamm, V. Kaufmann // Mobilities. – 2006. – Vol. 1. – Iss. 2. – Pp. 167–189.

218. Gordon, E. Net locality: Why location matters in a networked world / E. Gordon, A. De Souza e Silva. – Chichester: Wiley-Blackwell. Oxford, 2011. – 200 p.

219. Jensen, O. Erving Goffman and everyday life mobility / O. Jensen // The contemporary Goffman. – New York: Routledge, 2010. – Pp.333–351.

220. Jiron, P. Mobility on the move: examining urban daily mobility practices in Santiago de Chile: thesis ... the degree of PhD / Jiron Paola. – London School of Economics and Political Science, 2008. – 350 p.

221. Kaufmann, V. Rethinking the city: urban dynamics and motility / V. Kaufmann – Lausanne, EPFL Press, 2011. – 288 p.
222. Kaufmann, V. Motility and family dynamics: Current issues and research agendas / V. Kaufmann, E. D. Widmer // Zeitschrift für Familienforschung. – 2006. – Iss. 1. – Pp. 111–130.
223. Kellerman, A. Daily spatial mobilities: physical and virtual / A. Kellerman. – Farnham; Burlington: Ashgate, 2012. – 252 p.
224. Morris, M. At Henry Parkes Motel / M. Morris // Cultural Studies. – 1988. – Vol. 2. – Iss. 1. – Pp. 1–47.
225. Olabarria, M. Work, family and daily mobility: a new approach to the problem through a mobility survey / M. Olabarria, K. Perez, E. Santamarina-Rubio, J. M Aragay, M. Capdet, R. Peiro, M. Rodriguez-Sanz, L. Artazcoz, C. Borrell // Gaceta sanitaria. – 2013. – Vol. 27. – Iss. 5. – Pp. 433–439.
226. Portes, A. Social capital: its origins and applications in modern sociology / A. Portes // Annual review of sociology. – 1998. – Vol. 24. – Pp. 1–24.
227. Scheiner, J. Lifestyles, choice of housing location and daily mobility: the lifestyle approach in the context of spatial mobility and planning / J. Scheiner, B. Kasper // International Social Science Journal. – 2003. – Vol. 55. – Iss. 176. – Pp. 319–332.
228. Shareck, M. Considering daily mobility in contextual studies of social inequalities in health: conceptual and empirical insights: thesis ... the degree of PhD / Shareck Martine. – Canada: Université de Montréal, 2013. – 354 p.
229. Sheller, M. The new mobilities paradigm / M. Sheller, J. Urry // Environment and Planning. – 2006. – Vol. 38. – Pp. 207–226.
230. Tuan Y. F. Languages and the making of place: a narrative descriptive approach / Y. F. Tuan // Annals, Association of American Geographers. – 1991. – Vol. 81. – Iss. 4. – Pp. 684–696.
231. Tuan Y. F. Space and place. The perspective of experience / Y. F. Tuan. – Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 2001. – 496 p.